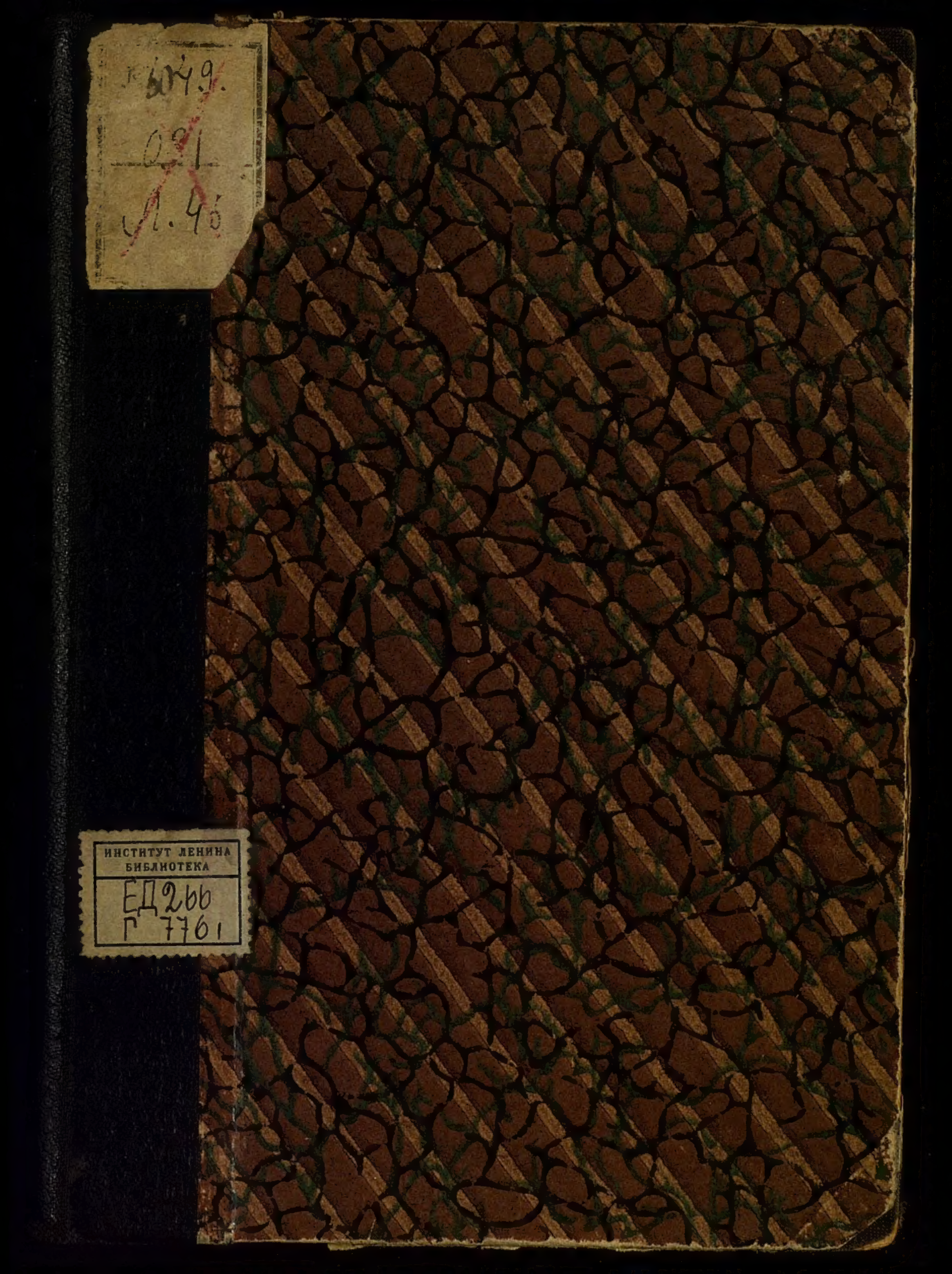

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД266
Г 7761

Книгоиздательство «ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ».
Петроградъ, Поварской пер., д. № 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227—42.

Ильинъ (Н. Ленинъ).

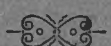

Государство и революція.

Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи.

Цѣна 2 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

Кн. 1-я. **И. П. Покровскій.** Государственный бюджетъ Россіи за последнія 10 лѣтъ 2 р. — к.

Кн. 2-я. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Перев. *Е.* и *И. Леонтьевыхъ.* Ч. I. За обѣ части 7 р.

Кн. 3-я. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи 2 р.

Кн. 7-я. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства . 3 р.

Кн. 8-я. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства . 5 р.

Кн. 10-я. **А. Деборинъ** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова* . 4 р.

Кн. 11-я. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ . 3 р. 50 к.

Кн. 13-я. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ . 3 р.

Кн. 14-я **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . 3 р.

Кн. 15-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества . 3 р.

Кн. 16-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ** Новый Израиль . 3 р.

Кн. 17-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ . 3 р.

Кн. 18-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ . 3 р.

Кн. 19-я. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго. *И.* и *Е. Леонтьевыхъ* . 3 р. — к.

Кн. 21-я. Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. 2 р.

Кн. 22-я. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ . 1 р. 50 к.

Кн. 23-я. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи . 1 р. 25 к.

Кн. 24-я. **К. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука . 2-е изд. 3 р.

Кн. 25-я. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма . 1 р. 50 к.

Кн. 26-я. **К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи . 1 р.

Кн. 27-я. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи . 1 р. 50 к.

Кн. 28-я. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война . 3 р.

Кн. 30-я. **Подъ старымъ знаменемъ.** Сборникъ статей. 1 р. 50 к.

Кн. 31-я. **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира . 5 р.

Кн. 32-я. **Ж. Гедъ и П. Лафаргъ.** Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней . 1 руб. 50 коп.

Кн. 33-я. **И. В. Чернышевъ.** Крестьяне объ общинѣ.

Кн. 34-я. **И. В. Чернышевъ.** Памятная книжка марксиста . 4 р.

Кн. 35-я. **И. В. Чернышевъ.** Исторія общины въ Россіи .

Кн. 36-я. **В. Д. Бончъ-Бруевичъ.** Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы . 3 р.

Кн. 37-я. **Вл. Ильинъ.** Аграрная программа соціалдемократіи въ 1-й русской революціи 1905 -7 г. 4 руб.

Кн. 38-я. **Вл. Ильинъ.** Изъ исторіи соціалдем. аграрной программы. (Статьи 1901—1906 г. 1 р. 75 к.

Кн. 39-я. **Вл. Ильинъ.** Новыя данныя о законѣ развитія капитализма. (Соединенные штаты) . 3 р.

Кн. 40-я. **Вл. Ильинъ.** О государствѣ (печатается) .

Кн. 41-я. **Вл. Ильинъ.** Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма, 2-ое дополненное и исправленное изд. . 2 руб.

Кн. 42-я. **Н. Крупская.** Народное образованіе и демократія. 3 р.

Книги того же автора:

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Рабочая партія и крестьянство . . . . 1 р. 75 к.
Аграрная программа соціалъдемократіи въ первой русской революціи 1905—07 г.г. . . 4 р. 50 к.
Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности . . . . 5 р. — к.
Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ. Критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи 4 р. 50 к.
Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма 2 р. — к.
Новыя данныя о законахъ развитія капитализма въ земледѣліи. Вып. I. Капитализмъ въ земледѣліи въ Соед. Штатахъ Америки . . . . 3 р. — к.
Государство и революція. Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи. Выпускъ I . . . . — р. — к.
Политическія партіи въ Россіи и задачи пролетаріата . . . . — р. 30 к.
Къ лозунгамъ . . . . — р. 20 к.
Къ моменту . . . . — р. 30 к.
Изъ исторіи рабочей печати въ Россіи . . . — р. 10 к.
Письма о тактикѣ . . . . — р. 20 к.
Задачи пролетаріата въ нашей революціи (проектъ платформы пролетарской партіи). . . . . — р. 50 к.
Одинъ изъ коренныхъ вопросовъ революціи. — р. 30 к.

Выписывающіе изданія книгоиздательства «Жизнь и Знаніе» не менѣе, чѣмъ на **ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ**, непосредственно изъ нашего магазина — (Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10)—за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ заказчика.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телефонъ 227-42.

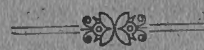
Библіотека Обществовѣдѣнія. Кн. 40-я.

В. ИЛЬИНЪ (Н. Ленинъ).

ГОСУДАРСТВО
и
РЕВОЛЮЦІЯ

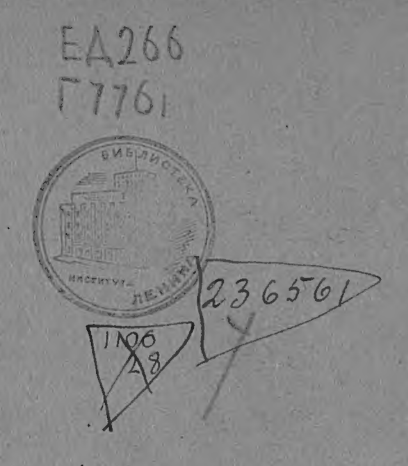
Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи.

ВЫПУСКЪ I.

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Типографія Д. П. Рузскаго. Вознесенскій пр., 53.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о государствѣ пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенную важность и въ теоретическомъ и въ практически-политическомъ отношеніяхъ. Имперіалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процессъ превращенія монополистическаго капитализма въ государственно-монополистическій капитализмъ. Чудовищное угнетеніе трудящихся массъ государствомъ, которое тѣснѣе и тѣснѣе сливается съ всесильными союзами капиталистовъ, становится все чудовищнѣе. Передовыя страны превращаются—мы говоримъ о «тылѣ» ихъ—въ военно-каторжныя тюрьмы для рабочихъ.

Неслыханные ужасы и бѣдствія затягивающейся войны дѣлаютъ положеніе массъ невыносимымъ, усиливаютъ возмущеніе ихъ. Явно наростаетъ международная пролетарская революція. Вопросъ объ отношеніи ея къ государству пріобрѣтаетъ практическое значеніе.

Накопленные десятилѣтіями сравнительно мирнаго развитія элементы оппортунизма создали господствующее въ оффиціальныхъ соціалистическихъ партіяхъ всего міра теченіе соціалъ-шовинизма. Это теченіе (Плехановъ, Потресовъ, Брешковская, Рубановичъ, затѣмъ въ чуточку прикрытой формѣ г.г. Церетелли, Черновъ и К° въ Россіи; Шейдеманъ, Легинъ, Давидъ и пр. въ Германіи; Ренодель, Гэдъ, Вандервельдъ во Франціи и Бельгіи; Гайндманъ и Фабіанцы въ Англіи и т. д. и т. д.), соціализмъ на словахъ, шовинизмъ на дѣлѣ, отличается подлымъ лакейскимъ приспособленіемъ «вождей соціализма» къ интересамъ не только «своей» національной буржуазіи, но именно «своего» государства, ибо большинство такъ называемыхъ великихъ державъ давно эксплуатируетъ и порабощаетъ цѣлый рядъ мелкихъ и слабыхъ народностей. А имперіалистская война является какъ разъ войной за раздѣлъ и передѣлъ этого рода добычи. Борьба за высвобожденіе трудящихся массъ изъ подъ вліянія буржуазіи

вообще, и имперіалистской буржуазіи въ особенности, невозможна безъ борьбы съ оппортунистическими предразсудками на счетъ «государства».

Мы разсматриваемъ сначала ученіе Маркса и Энгельса о государствѣ, останавливаясь особенно подробно на забытыхъ или подвергшихся оппортунистическому искаженію сторонахъ этого ученія. Мы разберемъ затѣмъ спеціально главнаго представителя этихъ искаженій, Карла Каутскаго, наиболѣе извѣстнаго вождя второго Интернаціонала (1889—1914 гг.), который потерпѣлъ такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведемъ, наконецъ, главные итоги опыта русскихъ революцій 1905-го и особенно 1917-го года. Эта послѣдняя, видимо, заканчиваетъ въ настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развитія, но вся эта революція вообще можетъ быть понята лишь, какъ одно изъ звеньевъ въ цѣпи соціалистическихъ пролетарскихъ революцій, вызываемыхъ имперіалистской войной. Вопросъ объ отношеніи соціалистической революціи пролетаріата къ государству пріобрѣтаетъ такимъ образомъ не только практически-политическое значеніе, но и самое злободневное значеніе, какъ вопросъ о разъясненіи массамъ того, что онѣ должны будутъ дѣлать, для своего освобожденія отъ ига капитала, въ ближайшемъ будущемъ.

Авторъ.

Августъ 1917 года.

ГЛАВА I.

Классовое общество и государство.

---

1. Государство—продуктъ непримиримости классовыхъ противорѣчій.

Съ ученіемъ Маркса происходитъ теперь то, что не разъ бывало въ исторіи съ ученіями революціонныхъ мыслителей и вождей угнетенныхъ классовъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе. Угнетающіе классы при жизни великихъ революціонеровъ платили имъ постоянными преслѣдованіями, встрѣчали ихъ ученіе самой дикой злобой, самой бѣшеной ненавистью, самымъ безшабашнымъ походомъ лжи и клеветы. Послѣ ихъ смерти дѣлаются попытки превратить ихъ въ безвредныя иконы, такъ сказать, канонизировать ихъ, предоставить извѣстную славу ихъ *имени* для «утѣшенія» угнетенныхъ классовъ и для одураченія ихъ, выхолащивая *содержаніе* революціоннаго ученія, притупляя его революціонное остріе, опошляя его. На такой «обработкѣ» марксизма сходятся сейчасъ буржуазія и оппортунисты внутри рабочаго движенія. Забываютъ, оттираютъ, искажаютъ революціонную сторону ученія, его революціонную душу. Выдвигаютъ на первый планъ, прославляютъ то, что пріемлемо или что кажется пріемлемымъ для буржуазіи. Всѣ соціалъ-шовинисты нынче «марксисты», не шутите! И все чаще нѣмецкіе буржуазные ученые, вчерашніе специалисты по истребленію марксизма, говорятъ о «національно-нѣмецкомъ» Марксѣ, который будто-бы воспиталъ такъ великолѣпно организованные для веденія грабительской войны союзы рабочихъ.

При такомъ положеніи дѣла, при неслыханной распространенности искаженій марксизма, наша задача состоитъ прежде всего въ *возстановленіи* истиннаго ученія Маркса о государствѣ. Для этого необходимо приведеніе цѣлаго ряда

длинныхъ цитатъ изъ собственныхъ сочиненій Маркса и Энгельса. Конечно, длинныя цитаты сдѣлаютъ изложеніе тяжеловѣснымъ и нисколько не посодѣйствуютъ его популярности. Но обойтись безъ нихъ совершенно невозможно. Всѣ, или по крайней мѣрѣ всѣ рѣшающія, мѣста изъ сочиненій Маркса и Энгельса по вопросу о государствѣ должны быть непремѣнно приведены въ возможно болѣе полномъ видѣ, чтобы читатель могъ составить себѣ самостоятельное представленіе о совокупности взглядовъ основоположниковъ научнаго соціализма и о развитіи этихъ взглядовъ, а также, чтобы искаженіе ихъ господствующимъ нынѣ «каутскіанствомъ» было доказано документально и показано наглядно.

Начнемъ съ самого распространеннаго сочиненія Фр. Энгельса: «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», которое въ 1894 году вышло въ Штуттгартѣ уже 6-ымъ изданіемъ. Намъ придется переводить цитаты съ нѣмецкихъ оригиналовъ, потому что русскіе переводы, при всей ихъ многочисленности, большей частью либо не полны, либо сдѣланы крайне неудовлетворительно.

> «Государство, — говоритъ Энгельсъ, подводя итоги своему историческому анализу,—никоимъ образомъ не представляетъ изъ себя силы, извнѣ навязанной обществу. Государство не есть также «дѣйствительность нравственной идеи», «образъ и дѣйствительность разума», какъ утверждаетъ Гегель. Государство есть продуктъ общества на извѣстной ступени развитія; государство есть признаніе, что это общество запуталось въ неразрѣшимое противорѣчіе съ самимъ собой, раскололось на непримиримыя противоположности, избавиться отъ которыхъ оно безсильно. А чтобы эти противоположности, классы съ противорѣчивыми экономическими интересами, не пожрали другъ друга и общества въ безплодной борьбѣ, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, надъ обществомъ, сила, которая бы умѣряла столкновеніе, держала его въ границахъ «порядка». И эта сила, происшедшая изъ общества, но ставящая себя надъ нимъ, все болѣе и болѣе отчуждающая себя отъ него, есть государство» (стр. 177—178 шестого нѣмецкаго изданія).

Здѣсь съ полной ясностью выражена основная идея мар-

ксизма по вопросу объ исторической роли и о значеніи государства. Государство есть продуктъ и проявленіе непримиримости классовыхъ противорѣчій. Государство возникаетъ тамъ, тогда и постольку, гдѣ, когда и поскольку классовыя противорѣчія объективно не могутъ быть примирены. И наоборотъ: существованіе государства доказываетъ, что классовыя противорѣчія непримиримы.

Именно по этому важнѣйшему и коренному пункту начинается искаженіе марксизма, идущее по двумъ главнымъ линіямъ.

Съ одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи,—вынужденные подъ давленіемъ безспорныхъ историческихъ фактовъ признать, что государство есть только тамъ, гдѣ есть классовыя противорѣчія и классовая борьба,— «подправляютъ» Маркса такимъ образомъ, что государство выходитъ органомъ примиренія классовъ. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть ни держаться, если бы возможно было примиреніе классовъ. У мѣщанскихъ и филистерскихъ профессоровъ и публицистовъ выходитъ,—сплошь и рядомъ при благожелательныхъ ссылкахъ на Маркса!— что государство какъ разъ примиряетъ классы. По Марксу, государство есть органъ классоваго господства, органъ угнетенія одного класса другимъ, есть созданіе «порядка», который узаконяетъ и упрочиваетъ это угнетеніе, умѣряя столкновеніе классовъ. По мнѣнію мелкобуржуазныхъ политиковъ, порядокъ есть именно примиреніе классовъ, а не угнетеніе одного класса другимъ; умѣрять столкновеніе—значитъ примирять, а не отнимать у угнетенныхъ классовъ опредѣленныя средства и способы борьбы за сверженіе угнетателей.

Напримѣръ, всѣ эсэры (соціалисты-революціонеры) и меньшевики въ революціи 1917 года, когда вопросъ о значеніи и роли государства какъ разъ всталъ въ всемъ своемъ величіи, всталъ практически, какъ вопросъ немедленнаго дѣйствія и притомъ дѣйствія въ массовомъ масштабѣ,—всѣ скатились сразу и цѣликомъ къ мелкобуржуазной теоріи «примиренія» классовъ «государствомъ». Безчисленныя резолюціи и статьи политиковъ обѣихъ этихъ партій насквозь пропитаны этой мѣщанской и филистерской теоріей «примиренія». Что государство есть органъ господства опредѣленнаго класса, кото-

рый не можетъ быть примиренъ со своимъ антиподомъ (съ противоположнымъ ему классомъ), этого мелкобуржуазная демократія никогда не въ состояніи понять. Отношеніе къ государству—одно изъ самыхъ наглядныхъ проявленій того, что наши эсэры и меньшевики вовсе не соціалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы съ почти соціалистической фразеологіей.

Съ другой стороны, «каутскіанское» извращеніе марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть органъ классоваго господства, ни то, что классовыя противорѣчія непримиримы. Но упускается изъ виду или затушевывается слѣдующее: если государство есть продуктъ непримиримости классовыхъ противорѣчій, если оно есть сила, стоящая надъ обществомъ и «все болѣе и болѣе отчуждающая себя отъ общества», то явно, что освобожденіе угнетеннаго класса невозможно не только безъ насильственной революціи, но и безъ уничтоженія того аппарата государственной власти, который господствующимъ классомъ созданъ и въ которомъ это «отчужденіе» воплощено. Этотъ выводъ, теоретически ясный самъ собою, Марксъ сдѣлалъ, какъ мы увидимъ ниже, съ полнѣйшей опредѣленностью на основаніи конкретно-историческаго анализа задачъ революціи. И именно этотъ выводъ Каутскій—мы покажемъ это подробно въ дальнѣйшемъ изложеніи—... „забылъ“ и извратилъ.

2. Особые отряды вооруженныхъ людей, тюрьмы и пр.

...«По сравненію со старой гентильной (родовой или клановой) организаціей — продолжаетъ Энгельсъ — государство отличается, во-первыхъ, раздѣленіемъ подданныхъ государства по территоріальнымъ дѣленіямъ»...

Намъ это дѣленіе кажется «естественнымъ», но оно стоило долгой борьбы со старой организаціей по колѣнамъ или по родамъ.

...«Вторая отличительная черта—учрежденіе общественной власти, которая уже не совпадаетъ непосредственно съ населеніемъ, организующемъ самое себя, какъ вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодѣйствующая вооруженная

организація населенія сдѣлалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существуетъ въ каждомъ государствѣ. Она состоитъ не только изъ вооруженныхъ людей, но и изъ вещественныхъ придатковъ, тюремъ и принудительныхъ учрежденій всякаго рода, которыя были неизвѣстны родовому (клановому) устройству общества»...

Энгельсъ развертываетъ понятіе той «силы», которая называется государствомъ, - силы, происшедшей изъ общества, но ставящей себя надъ нимъ и все болѣе и болѣе отчуждающей себя отъ него. Въ чемъ состоитъ главнымъ образомъ эта сила? Въ особыхъ отрядахъ вооруженныхъ людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи тюрьмы и прочее.

Мы имѣемъ право говорить объ особыхъ отрядахъ вооруженныхъ людей, потому что свойственное всякому государству общественная власть «не совпадаетъ непосредственно» съ вооруженнымъ населеніемъ, съ его «самодѣйствующей вооруженной организаціей».

Какъ всѣ великіе революціонные мыслители, Энгельсъ старается обратить вниманіе сознательныхъ рабочихъ именно на то, что господствующей обывательщинѣ представляется наименѣе стоющимъ вниманія, наиболѣе привычнымъ, освященнымъ предразсудками не только прочными, но, можно сказать, окаменѣвшими. Постоянное войско и полиція суть главныя орудія силы государственной власти, но—развѣ можетъ это быть иначе?

Съ точки зрѣнія громаднаго большинства европейцевъ конца 19-го вѣка, къ которымъ обращался Энгельсъ и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революціи, это не можетъ быть иначе. Имъ совершенно не понятно, что это такое за «самодѣйствующая вооруженная организація населенія»? На вопросъ о томъ, почему явилась надобность въ особыхъ, надъ обществомъ поставленныхъ, отчуждающихъ себя отъ общества, отрядахъ вооруженныхъ людей (полиція, постоянная армія), западно-европейскій и русскій филистеръ склоненъ отвѣчать парой фразъ, заимствованныхъ у Спенсера или у Михайловскаго, ссылкой на усложненіе общественной жизни, на дифференціацію функцій и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляетъ

обывателя, затемняя главное и основное: расколъ общества на непримиримо-враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодѣйствующая вооруженная организація населенія» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. отъ примитивной организаціи стада обезьянъ, берущихъ палки, или первобытныхъ людей, или людей, объединенныхъ въ клановыя общества, но такая организація была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизаціи расколото на враждебные и притомъ непримиримо-враждебные классы, «самодѣйствующее» вооруженіе которыхъ привело бы къ вооруженной борьбѣ между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженныхъ людей, и каждая революція, разрушая государственный аппаратъ, показываетъ намъ воочію, какъ господствующій классъ стремится возобновить служащіе ему особые отряды вооруженныхъ людей, какъ угнетенный классъ стремится создать новую организацію этого рода, способную служить не эксплуататорамъ, а эксплуатируемымъ.

Энгельсъ ставитъ въ приведенномъ разсужденіи теоретически тотъ самый вопросъ, который практически, наглядно и притомъ въ масштабѣ массоваго дѣйствія ставитъ передъ нами каждая великая революція, именно вопросъ о взаимоотношеніи «особыхъ» отрядовъ вооруженныхъ людей и «самодѣйствующей вооруженной организаціи населенія». Мы увидимъ, какъ этотъ вопросъ конкретно иллюстрируется опытомъ европейскихъ и русскихъ революцій.

Но вернемся къ изложенію Энгельса.

Онъ указываетъ, что иногда, напримѣръ, кое-гдѣ въ Сѣверной Америкѣ, эта общественная власть слаба (рѣчь идетъ о рѣдкомъ исключеніи для капиталистическаго общества и о тѣхъ частяхъ Сѣв. Америки въ ея до-имперіалистическомъ періодѣ, гдѣ преобладалъ свободный колонистъ), но вообще говоря она усиливается:

> ... «Общественная власть усиливается по мѣрѣ того, какъ обостряются классовыя противорѣчія внутри государства, и по мѣрѣ того, какъ соприкасающіяся между собой государства становятся больше и населеннѣе. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, въ которой классовая борьба и конкуренція завоеваній взвинтили

общественную власть до такой высоты, что она грозить поглотить все общество и даже государство»...

Это писано не позже начала 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Послѣднее предисловіе Энгельса помѣчено 16 іюня 1891 г. Тогда поворотъ къ имперіализму—и въ смыслѣ полнаго господства трестовъ, и въ смыслѣ всевластія крупнѣйшихъ банковъ, и въ смыслѣ грандіозной колоніальной политики и пр.—только-только еще начинался во Франціи, еще слабѣе въ Сѣв. Америкѣ и въ Германіи. Съ тѣхъ поръ «конкуренція завоеваній» сдѣлала гигантскій шагъ впередъ тѣмъ болѣе, что земной шаръ оказался въ началѣ второго десятилѣтія 20-го вѣка окончательно подѣленнымъ между этими «конкурирующими завоевателями», т.-е. великими грабительскими державами. Военныя и морскія вооруженія выросли съ тѣхъ поръ неимовѣрно, и грабительская вайна 1914—1917 гг. изъ-за господства надъ міромъ Англіи или Германіи, изъ-за дѣлежа добычи, приблизила «поглощеніе» всѣхъ силъ общества хищнической государственною властью къ полной катастрофѣ.

Энгельсъ умѣлъ еще въ 1891 году указывать на «конкуренцію завоеваній», какъ на одну изъ важнѣйшихъ отличительныхъ чертъ внѣшней политики великихъ державъ, а негодяи соціалъ-шовинизма въ 1914—1917 гг., когда именно эта конкуренція, обострившись во много разъ, породила имперіалистскую войну, прикрываютъ защиту грабительскихъ интересовъ «своей» буржуазіи фразами о «защитѣ отечества», объ «оборонѣ республики и революціи» и т. п.!

3. Государство—орудіе эксплуатаціи угнетеннаго класса.

Для содержанія особой, стоящей надъ обществомъ, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«Обладая общественной властью и правомъ взысканія налоговъ, чиновники—пишетъ Энгельсъ—становятся, какъ органы общества, **надъ** обществомъ. Свободное добровольное уваженіе, съ которымъ относились къ органамъ родового (клановаго) общества, имъ уже недостаточно-даже еслибы они могли завоевать его». Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновниковъ. «Самый жалкій полицейскій служитель»

имѣетъ больше «авторитета», чѣмъ представители клана, но даже глава военной власти цивилизованнаго государства могъ бы позавидовать старшинѣ клана, пользующемуся «не изъ-подъ палки пріобрѣтеннымъ уваженіемъ» общества.

Вопросъ о привилегированномъ положеніи чиновниковъ, какъ органовъ государственной власти, здѣсь поставленъ. Намѣчено, какъ основное: что ставитъ ихъ надъ обществомъ? Мы увидимъ, какъ этотъ теоретическій вопросъ практически рѣшался Парижской Коммуной въ 1871 году и реакціонно затушевывался Каутскимъ въ 1912 г.

... «Такъ какъ государство возникло изъ потребности держать въ уздѣ противоположность классовъ; такъ какъ оно въ то же время возникло въ самыхъ столкновеніяхъ этихъ классовъ, то оно по общему правилу является государствомъ самаго могущественнаго, экономически-господствующаго класса, который при помощи государства становится также политически господствующимъ классомъ и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ новыя средства для подавленія и эксплуатаціи угнетеннаго класса»... Не только древнее и феодальное государство были органами эксплуатаціи рабовъ и крѣпостныхъ, но и «современное представительное государство есть орудіе эксплуатаціи наемнаго труда капиталомъ. Въ видѣ исключенія встрѣчаются однако періоды, когда борющіеся классы достигаютъ такого равновѣсія силъ, что государственная власть на время получаетъ извѣстную самостоятельность по отношенію къ обоимъ классамъ, какъ кажущаяся посредница между ними»... Такова абсолютная монархія 17 и 18 вѣковъ, бонапартизмъ 1-ой и 3-ей имперіи во Франціи, Бисмаркъ въ Германіи.

Таково — добавимъ отъ себя — правительство Керенскаго въ республиканской Россіи послѣ перехода къ преслѣдованіямъ революціоннаго пролетаріата, въ такой моментъ, когда Совѣты благодаря руководствамъ мелко-буржуазныхъ демократовъ уже безсильны, а буржуазія еще недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать ихъ.

Въ демократической Республикѣ — продолжаетъ Энгельсъ — «богатство пользуется своей властью косвенно,

> но за то тѣмъ вѣрнѣе» именно, — во-первыхъ, посредствомъ «прямого подкупа чиновниковъ» (Америка), во-вторыхъ, посредствомъ «союза между правительствомъ и биржей» (Францiя и Америка).

Въ настоящее время имперiализмъ и господство банковъ «развили» оба эти способа отстаивать и проводить въ жизнь всевластiе богатства въ какихъ угодно демократическихъ республикахъ до необыкновеннаго искусства. Если, напримѣръ, въ первые же мѣсяцы демократической республики въ Россiи можно сказать въ медовый мѣсяцъ бракосочетанiя «соцiалистовъ» эс-ровъ и меньшевиковъ съ буржуазiей въ коалицiонномъ правительствѣ г. Пальчинскiй саботировалъ всѣ мѣры обузданiя капиталистовъ и ихъ мародерства, ихъ грабежа казны на военныхъ поставкахъ, если затѣмъ ушедшiй изъ министерства г. Пальчинскiй (замѣненный, конечно, другимъ совершенно такимъ же Пальчинскимъ) «награжденъ» капиталистами мѣстечкомъ съ жалованьемъ въ 120.000 руб. въ годъ, — то что это такое? Прямой подкупъ или непрямой? Союзъ правительства съ синдикалистами, или «только» дружественныя отношенiя? Какую роль играютъ Черновы и Церетелли, Авксентьевы и Скобелевы? — «Прямые»-ли они союзники миллiонеровъ-казнокрадовъ или только косвенные?

Всевластiе «богатства» и потому в ѣ р н ѣ е при демократической республикѣ, что оно не зависитъ отъ плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма и потому капиталъ, овладѣвъ (черезъ Пальчинскихъ, Черновыхъ и Церетелли и К-о) этой наилучшей оболочкой, обосновываетъ свою власть настолько надежно, настолько вѣрно, что н и к а к а я смѣна ни лицъ, ни учрежденiй, ни партiй буржуазной демократической республики не колеблетъ этой власти.

Надо отмѣтить еще, что Энгельсъ съ полнѣйшей опредѣленностью называетъ всеобщее избирательное право орудiемъ господства буржуазiи. Всеобщее избирательное право, говоритъ онъ, явно учитывая долгiй опытъ нѣмецкой соцiалъ-демократiи, есть

> «показатель зрѣлости рабочаго класса. Дать больше оно не можетъ и никогда не дастъ въ теперешнемъ государствѣ».

Мелко-буржуазные демократы, въ родѣ нашихъ эсъ-ровъ и меньшевиковъ, а также ихъ родные братья, всѣ соціалъ-шовинисты и оппортунисты Западной Европы, ждутъ именно «большаго» отъ всеобщаго избирательнаго права. Они раздѣляютъ сами и внушаютъ народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «въ теперешнемъ государствѣ» способно дѣйствительно выявить волю большинства трудящихся и закрѣпить проведеніе ея въ жизнь.

Мы можемъ здѣсь только отмѣтить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявленіе Энгельса искажается на каждомъ шагу въ пропагандѣ и агитаціи «оффиціальныхъ» (т.-е. оппортунистическихъ) соціалистическихъ партій. Подробное выясненіе всей лживости той мысли, которую отметаетъ здѣсь прочь Энгельсъ, дается нашимъ дальнѣйшимъ изложеніемъ взглядовъ Маркса и Энгельса на «теперешнее» государство.

Общій итогъ своимъ взглядамъ Энгельсъ даетъ въ своемъ наиболѣе популярномъ сочиненіи въ слѣдующихъ словахъ:

> «Итакъ, государство существуетъ не извѣчно. Были общества, которыя обходились безъ него, которыя понятія не имѣли о государствѣ и государственной власти. На опредѣленной ступени экономическаго развитія, которая необходимо связана была съ расколомъ общества на классы, государство стало въ силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами къ такой ступени развитія производства, на которой существованіе этихъ классовъ не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помѣхой производству. Классы исчезнутъ такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно они въ прошломъ возникли. Съ исчезновеніемъ классовъ исчезнетъ неизбѣжно государство. Общество, которое по-новому организуетъ производство на основѣ свободной и равной ассоціаціи производителей, отправитъ всю государственную машину туда, гдѣ ей будетъ тогда настоящее мѣсто: въ музей древностей, рядомъ съ прялкой и съ бронзовымъ топоромъ».

Не часто случается встрѣчать эту цитату въ пропагандистской и агитаціонной литературѣ современной соціалъ-демократіи. Но даже тогда, когда эта цитата встрѣчается,

ее приводятъ большею частью, какъ будто бы совершали поклонъ передъ иконой, т.-е. для оффиціальнаго выраженія почтенія къ Энгельсу, безъ всякой попытки вдуматься въ то, насколько широкій и глубокій размахъ революціи предполагается этой «отправкой всей государственной машины въ музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называетъ Энгельсъ государственной машиной.

4. «Отмираніе» государства и насильственная революція.

Слова Энгельса объ «отмираніи» государства пользуются такой широкой извѣстностью, они такъ часто цитируются, такъ рельефно показываютъ, въ чемъ состоитъ соль обычной поддѣлки марксизма подъ оппортунизмъ, что на нихъ необходимо подробно остановиться. Приведемъ все разсужденіе, изъ котораго они взяты:

> «Пролетаріатъ беретъ государственную власть и превращаетъ средства производства прежде всего въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ онъ уничтожаетъ самого себя, какъ пролетаріатъ, тѣмъ самымъ онъ уничтожаетъ всѣ классовыя различія и классовыя противоположности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государство. Существовавшему и существующему до сихъ поръ обществу, которое двигается въ классовыхъ противоположностяхъ, было необходимо государство, т.-е. организація эксплуататорскаго класса для поддержанія его внѣшнихъ условій производства, значитъ, въ особенности для насильственнаго удержанія эксплуатируемаго класса въ опредѣляемыхъ даннымъ способомъ производства условіяхъ подавленія (рабство, крѣпостничество, наемный трудъ). Государство было оффиціальнымъ представителемъ всего общества, его сосредоточеніемъ въ видной корпораціи, но оно было таковымъ лишь постольку, поскольку оно было государствомъ того класса, который для своей эпохи одинъ представлялъ все общество: въ древности оно было государствомъ рабовладѣльцевъ—гражданъ государства, въ средніе вѣка—феодальнаго дворянства, въ наше время буржуазіи. Когда государство наконецъ-то становится

дѣйствительно представителемъ всего общества, тогда оно само себя дѣлаетъ излишнимъ. Съ того времени, какъ не будетъ ни одного общественнаго класса, который надо бы было держать въ подавленіи, съ того времени, когда исчезнутъ вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ, вмѣстѣ съ борьбой за отдѣльное существованіе, порождаемой теперешней анархіей въ производствѣ, тѣ столкновенія и эксцессы (крайности), которыя проистекаютъ изъ этой борьбы,—съ этого времени нечего будетъ подавлять, не будетъ и надобности въ особой силѣ для подавленія, въ государствѣ. Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительно какъ представитель всего общества—взятіе во владѣніе средствъ производства отъ имени общества,—является въ то же время послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ его, какъ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится тогда въ одной области за другою излишнимъ и само собой засыпаетъ. Мѣсто правительства надъ лицами заступаетъ распоряженіе вещами и руководство процессами производства. Государство не «отмѣняется», оно отмираетъ. На основаніи этого слѣдуетъ оцѣнивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имѣвшую на время агитаторское право на существованіе, но въ конечномъ счетѣ научно несостоятельную. На основаніи этого слѣдуетъ оцѣнивать также требованіе такъ называемыхъ анархистовъ, чтобы государство было отмѣнено съ сегодня на завтра».

(«Анти-Дюрингъ», «Ниспроверженіе науки господиномъ Евгеніемъ Дюрингомъ», стр. 302 — 3 по 3-му нѣм. изд.).

Не боясь ошибиться, можно сказать, что изъ этого, замѣчательно богатаго мыслями, разсужденія Энгельса дѣйствительнымъ достояніемъ соціалистической мысли въ современныхъ соціалистическихъ партіяхъ стало только то, что государство «отмираетъ», по Марксу, въ отличіе отъ анархическаго ученія объ «отмѣнѣ» государства. Такъ обкарнать марксизмъ значитъ свести его къ оппортунизму, ибо при такомъ «толкованіи» остается только смутное представленіе о медленномъ, ровномъ, постепенномъ измѣненіи, объ отсут-

ствіи скачковъ и бурь, объ отсутствіи революціи. «Отмираніе» государства въ ходячемъ, обще-распространенномъ, массовомъ, если можно такъ выразиться, пониманіи означаетъ, несомнѣнно, затушевываніе, если не отрицаніе, революціи.

А между тѣмъ подобное «толкованіе» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазіи, искаженіе марксизма, теоретически основанное на забвеніи важнѣйшихъ обстоятельствъ и соображеній, указанныхъ хотя бы въ томъ же, приведенномъ нами полностью, «итоговомъ» разсужденіи Энгельса.

Во-первыхъ. Въ самомъ началѣ этого разсужденія Энгельсъ говоритъ, что, беря государственную власть, пролетаріатъ «тѣмъ самымъ уничтожаетъ государство, какъ государство». Что это значитъ, объ этомъ думать «не принято». Обычно это либо игнорируютъ совершенно, либо считаютъ чѣмъ-то вродѣ «гегельянской слабости» Энгельса. На дѣлѣ въ этихъ словахъ выраженъ кратко опытъ одной изъ величайшихъ пролетарскихъ революцій, опытъ Парижской Коммуны 1871 г., о чемъ подробнѣе пойдетъ у насъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. На дѣлѣ здѣсь Энгельсъ говоритъ объ «уничтоженіи» пролетарской революціей государства буржуазіи, тогда какъ слова объ отмираніи относятся къ остаткамъ пролетарской государственности послѣ соціалистической революціи. Буржуазное государство не «отмираетъ», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетаріатомъ въ революціи. Отмираетъ послѣ этой революціи пролетарское государство или полу-государство.

Во-вторыхъ. Государство есть «особая сила для подавленія». Это великолѣпное и въ высшей степени глубокое опредѣленіе Энгельса дано имъ здѣсь съ полнѣйшей ясностью. А изъ него вытекаетъ, что «особая сила для подавленія» пролетаріата буржуазіей, милліоновъ трудящихся горстками богачей должна смѣниться «особой силой для подавленія» буржуазіи пролетаріатомъ (диктатура пролетаріата). Въ этомъ и состоитъ «уничтоженіе государства какъ государства». Въ этомъ и состоитъ «актъ» взятія во владѣніе средствъ производства отъ имени общества. И само собою очевидно, что такая смѣна одной (буржуазной) „особой силы“ другою (пролетарскою) «особою силою» никакъ уже не можетъ произойти въ видѣ «отмиранія».

Въ третьихъ. Объ «отмираніи» и даже еще рельефнѣе и

красочнѣе—о «засыпаніи» Энгельсъ говоритъ совершенно ясно и опредѣленно по отношенію къ эпохѣ **послѣ** «взятія средствъ производства во владѣніе государствомъ отъ имени всего общества», т.-е. **послѣ** соціалистической революціи. Мы всѣ знаемъ, что политической формой «государства» въ это время является самая полная демократія. Но никому изъ оппортунистовъ, безстыдно искажающихъ марксизмъ, не приходитъ въ голову, что рѣчь идетъ здѣсь, слѣдовательно, у Энгельса о «засыпаніи» и «отмираніи» **демократіи**. Это кажется на первый взглядъ очень страннымъ. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократія есть **тоже** государство и что, слѣдовательно, демократія тоже исчезнетъ, когда исчезнетъ государство. Буржуазное государство можетъ «уничтожить» только революція. Государство вообще, т.-е. самая полная демократія, можетъ только «отмереть».

Въ четвертыхъ. Выставивъ свое знаменитое положеніе: «государство отмираетъ», Энгельсъ сейчасъ же поясняетъ конкретно, что направляется это положеніе и противъ оппортунистовъ и противъ анархистовъ. При этомъ на первое мѣсто поставленъ у Энгельса тотъ выводъ изъ положенія объ «отмираніи государства», который направленъ противъ оппортунистовъ.

Можно биться о закладъ, что изъ десяти тысячъ человѣкъ, которые читали или слыхали объ «отмираніи» государства, 9,990 совсѣмъ не знаютъ или не помнятъ, что Энгельсъ направлялъ свои выводы изъ этого положенія **не только** противъ анархистовъ. А изъ остальныхъ 10 человѣкъ, навѣрное, 9 не знаетъ, что такое «свободное народное государство» и почему въ нападеніи на этотъ лозунгъ заключается нападеніе на оппортунистовъ. Такъ пишется исторія! Такъ происходитъ незамѣтная поддѣлка великаго революціоннаго ученія подъ господствующую обывательщину. Выводъ противъ анархистовъ тысячи разъ повторялся, опошлялся, вбивался въ головы наиболѣе упрощенно, пріобрѣлъ прочность предразсудка. А выводъ противъ оппортунистовъ затушевывали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программнымъ требованіемъ и ходячимъ лозунгомъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ 70-хъ годовъ. Никакого политическаго содержанія кромѣ мѣщански-напыщеннаго описанія понятія демократіи

въ этомъ лозунгѣ нѣтъ. Поскольку въ немъ легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельсъ готовъ былъ «на время», «оправдать» этотъ лозунгъ съ агитаторской точки зрѣнія. Но этотъ лозунгъ былъ оппортунистиченъ, ибо выражалъ не только подкрашиванiе буржуазной демократiи, но и непониманiе соцiалистической критики всякаго государства вообще. Мы за демократическую республику, какъ наилучшую для пролетарiата форму государства при капитализмѣ, но мы не вправѣ забывать, что наемное рабство есть удѣлъ народа и въ самой демократической буржуазной республикѣ. Далѣе. Всякое государство есть «особая сила для подавленiя» угнетеннаго класса. Поэтому всякое государство не—свободно и не—народно. Марксъ и Энгельсъ неоднократно разъясняли это своимъ партiйнымъ товарищамъ въ 70-хъ годахъ.

Въ пятыхъ. Въ томъ же самомъ сочиненiи Энгельса, изъ котораго всѣ помнятъ разсужденiе объ отмиранiи государства, есть разсужденiе о значенiи насильственной революцiи. Историческая оцѣнка ея роли превращается у Энгельса въ настоящiй панегирикъ насильственной революцiи. Этого «никто не помнитъ», о значенiи этой мысли говорить и даже думать въ современныхъ соцiалистическихъ партiяхъ не принято, въ повседневной пропагандѣ и агитацiи среди массъ эти мысли никакой роли не играютъ. А между тѣмъ онѣ связаны съ «отмиранiемъ» государства неразрывно, въ одно стройное цѣлое.

Вотъ это разсужденiе Энгельса:

> ...«Что насилiе играетъ также въ исторiи другую роль (кромѣ свершителя зла), именно революцiонную роль, что оно, по словамъ Маркса, является повивальной бабкой всякаго стараго общества, когда оно беременно новымъ, что насилiе является тѣмъ орудiемъ, посредствомъ котораго общественное движенiе пролагаетъ себѣ дорогу и ломаетъ окаменѣвшiя, омертвѣвшiя политическiя формы,—обо всемъ этомъ ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускаетъ онъ возможность того, что для ниспроверженiя эксплуататорскаго хозяйства понадобится, можетъ-быть, насилiе—къ сожалѣнiю, изволите видѣть! ибо всякое примѣненiе насилiя деморализуетъ, дескать, того, кто его примѣняетъ.

И это говорится несмотря на тотъ высокій нравственный и идейный подъемъ, который бывалъ слѣдствіемъ всякой побѣдоносной революціи! И это говорится въ Германіи, гдѣ насильственное столкновеніе, которое вѣдь можетъ быть навязано народу, имѣло бы по меньшей мѣрѣ то преимущество, что вытравило бы духъ холопства, проникшій въ національное сознаніе изъ униженія 30-ти лѣтней войны. И это тусклое, дряблое, безсильное поповское мышленіе смѣетъ предлагать себя самой революціонной партіи, какую только знаетъ исторія?» (Стран. 193 по 3-му нѣм. изд., конецъ 4-ой главы II-го Отдѣла).

Какъ можно соединить въ одномъ ученіи этотъ панегирикъ насильственной революціи, настойчиво преподносимый Энгельсомъ нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ съ 1878 по 1894 г., т.-е. до самой его смерти, съ теоріей «отмиранія» государства?

Обычно соединяютъ то и другое при помощи эклектицизма, безъидейнаго или софистическаго выхватыванія произвольно (или для угожденія власть имущимъ) то одного, то другого разсужденія, причемъ въ 99 случаяхъ изъ 100, если не чаще, выдвигается на первый планъ именно «отмираніе». Діалектика замѣняется эклектицизмомъ: это самое обычное, самое распространенное явленіе въ оффиціальной соціалъ-демократической литературѣ нашихъ дней по отношенію къ марксизму. Такая замѣна, конечно, не новость, она наблюдалась даже въ исторіи классической греческой философіи. При подделкѣ марксизма подъ оппортунизмъ подделка эклектицизма подъ діалектику легче всего обманываетъ массы, даетъ кажущееся удовлетвореніе, якобы учитываетъ всѣ стороны процесса, всѣ тенденціи развитія, всѣ противорѣчивыя вліянія и пр., а на дѣлѣ не даетъ никакого цѣльнаго и революціоннаго пониманія процесса общественнаго развитія.

Мы уже говорили выше и подробнѣе покажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что ученіе Маркса и Энгельса о неизбѣжности насильственной революціи относится къ буржуазному государству. Оно смѣниться государствомъ пролетарскимъ (диктатурой пролетаріата) не можетъ путемъ «отмиранія», а можетъ, по общему правилу, лишь насильственной революціей. Панегирикъ, воспѣтый ей Энгельсомъ и вполнѣ

соотвѣтствующій многократнымъ заявленіямъ Маркса (вспомнимъ конецъ «Нищеты Философіи» и «Ком. Манифеста» съ гордымъ, открытымъ заявленіемъ неизбѣжности насильственной революціи; вспомнимъ критику Готской программы 1875 года, почти 30 лѣтъ спустя, гдѣ Марксъ безпощадно бичуетъ оппортунизмъ этой программы)—этотъ панегирикъ отнюдь не «увлеченіе», отнюдь не декламація, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы въ такомъ и именно такомъ взглядѣ на насильственную революцію лежитъ въ основѣ всего ученія Маркса и Энгельса. Измѣна ихъ ученію господствующимъ нынѣ соціалъ-шовинистскимъ и каутскіанскимъ теченіями особенно рельефно выражается въ забвеніи и тѣми и другими такой пропаганды, такой агитаціи.

Смѣна буржуазнаго государства пролетарскимъ невозможна безъ насильственной революціи. Уничтоженіе пролетарскаго государства, т.-е. уничтоженіе всякаго государства, невозможно иначе какъ путемъ «отмиранія».

Подробное и конкретное развитіе этихъ взглядовъ Марксъ и Энгельсъ давали, изучая каждую отдѣльную революціонную ситуацію, анализируя уроки опыта каждой отдѣльной революціи. Къ этой, безусловно самой важной части ихъ ученія мы и переходимъ.

ГЛАВА II.

Государство и революція. Опытъ 1848—1851 гг.

1. Канунъ революціи.

Первыя произведенія зрѣлаго марксизма, «Нищета Философіи» и «Коммунистическій Манифестъ», относятся какъ разъ къ кануну революціи 1848 года. Въ силу этого обстоятельства, на ряду съ изложеніемъ общихъ основъ марксизма, мы имѣемъ здѣсь до извѣстной степени отраженіе тогдашней конкретной революціонной ситуаціи, и поэтому цѣлесообраз-

нѣе будетъ, пожалуй, разсмотрѣть то, что говорится авторами этихъ произведеній о государствѣ, непосредственно передъ ихъ выводами изъ опыта 1848—1851 годовъ.

...«Рабочій классъ — пишетъ Марксъ въ «Нищетѣ Философіи» — поставитъ, въ ходѣ развитія, на мѣсто стараго буржуазнаго общества такую ассоціацію, которая исключаетъ классы и ихъ противоположность; не будетъ уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть оффиціальное выраженіе противоположности классовъ внутри буржуазнаго общества» (стр. 182 нѣм. изд. 1885 г.).

Поучительно сопоставить съ этимъ общимъ изложеніемъ мысли объ исчезновеніи государства послѣ уничтоженія классовъ то изложеніе, которое дано въ написанномъ Марксомъ и Энгельсомъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, — именно, въ ноябрѣ 1847 года,—«Коммунистическомъ Манифестѣ»:

...«Описывая наиболѣе общія фазы развитія пролетаріата, мы прослѣживали болѣе или менѣе прикрытую гражданскую войну внутри существующаго общества вплоть до того пункта, когда она превращается въ открытую революцію, и пролетаріатъ основываетъ свое господство посредствомъ насильственнаго ниспроверженія буржуазіи»...

...«Мы видѣли уже выше, что первымъ шагомъ въ рабочей революціи является превращеніе (буквально: повышеніе) пролетаріата въ господствующій классъ, завоеваніе демократіи».

«Пролетаріатъ используетъ свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазіи весь капиталъ, централизовать всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т.-е. организованнаго, какъ господствующій классъ, пролетаріата и возможно болѣе быстро увеличить сумму производительныхъ силъ» (стр. 31 и 37 по 7-му нѣм. изд. 1906 г.).

Здѣсь мы видимъ формулировку одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и важнѣйшихъ идей марксизма въ вопросѣ о государствѣ, именно идеи «диктатуры пролетаріата» (какъ стали говорить Марксъ и Энгельсъ послѣ парижской коммуны), а затѣмъ въ высшей степени интересное опредѣленіе государства, принадлежащее тоже къ числу «забытыхъ словъ»

марксизма. «Государство то есть организованный въ господствующій классъ пролетаріатъ».

Это опредѣленіе государства не только никогда не разъяснялось въ господствующей пропагандистской и агитаціонной литературѣ оффиціальныхъ соц.-дем. партій. Мало того, Оно было именно забыто, такъ какъ оно совершенно непримиримо съ реформизмомъ, оно бьетъ въ лицо обычнымъ оппортунистическимъ предразсудкамъ и мѣщанскимъ иллюзіямъ на счетъ «мирнаго развитія демократіи».

Пролетаріату нужно государство — это повторяютъ всѣ оппортунисты, соціалъ-шовинисты и каутскіанцы, увѣряя, что таково ученіе Маркса и «забывая» добавить, что, во-первыхъ, по Марксу, пролетаріату нужно лишь отмирающее государство, то-есть устроенное такъ, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторыхъ, трудящимся нужно «государство», «то-есть организованный въ господствующій классъ пролетаріатъ».

Государство есть особая организація силы, есть организація насилія для подавленія какого-либо класса. Какой же классъ надо подавлять пролетаріату? Конечно, только эксплуататорскій классъ, т.-е. буржуазію. Трудящимся нужно государство лишь для подавленія сопротивленія эксплуататоровъ, а руководить этимъ подавленіемъ, провести его въ жизнь въ состояніи только пролетаріатъ, какъ единственный до конца революціонный классъ, единственный классъ, способный объединить всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ въ борьбѣ противъ буржуазіи, въ полномъ смѣщеніи ея.

Эксплуататорскимъ классамъ нужно политическое господство въ интересахъ поддержанія эксплуатаціи, т.-е. въ корыстныхъ интересахъ ничтожнаго меньшинства, противъ громаднѣйшаго большинства народа. Эксплуатируемымъ классамъ нужно политическое господство въ интересахъ полнаго уничтоженія всякой эксплуатаціи, т.-е. въ интересахъ громаднѣйшаго большинства народа, противъ ничтожнаго меньшинства современныхъ рабовладѣльцевъ, т.-е. помѣщиковъ и капиталистовъ.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы соціалисты, замѣнявшіе классовую борьбу мечтаніями о соглашеніи классовъ, представляли себѣ и социалистическое преобразованіе мечтательнымъ образомъ, не въ видѣ сверженія господства

эксплуататорскаго класса, а въ видѣ мирнаго подчиненія меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопія, неразрывно связанная съ признаніемъ надъ-классоваго государства, приводила на практикѣ къ предательству интересовъ трудящихся классовъ, какъ это и показала, напр., исторія французскихъ революцій 1848 и 1871 гг., какъ это показалъ опытъ «соціалистическаго» участія въ буржуазныхъ министерствахъ въ Англіи, во Франціи, въ Италіи и другихъ странахъ въ концѣ 19-го и въ началѣ 20-го вѣка.

Марксъ всю свою жизнь боролся съ этимъ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ, нынѣ возрожденнымъ въ Россіи партіями эс-еровъ и меньшевиковъ. Марксъ провелъ ученіе о классовой борьбѣ послѣдовательно вплоть до ученія о политической власти, о государствѣ.

Сверженіе господства буржуазіи возможно только со стороны пролетаріата, какъ особаго класса, экономическія условія существованія котораго подготовляютъ его къ такому сверженію, даютъ ему возможность и силу совершить его. Въ то время какъ буржуазія раздробляетъ, распыляетъ крестьянство и всѣ мелкобуржуазные слои, она сплачиваетъ, объединяетъ, организуетъ пролетаріатъ. Только пролетаріатъ,— въ силу экономической роли его въ крупномъ производствѣ, — способенъ быть вождемъ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ массъ, которыя буржуазія эксплуатируетъ, гнететъ, давитъ часто не меньше, а сильнѣе, чѣмъ пролетаріевъ, но которыя не способны къ самостоятельной борьбѣ за свое освобожденіе.

Ученіе о классовой борьбѣ, примѣненное Марксомъ къ вопросу о государствѣ и о соціалистической революціи, ведетъ необходимо къ признанію политическаго господства пролетаріата, его диктатуры, т. е. власти, не раздѣляемой ни съ кѣмъ и опирающейся непосредственно на вооруженную силу массъ. Сверженіе буржуазіи осуществимо лишь превращеніемъ пролетаріата въ господствующій классъ, способный подавить неизбѣжное, отчаянное, сопротивленіе буржуазіи и организовать для новаго уклада хозяйства всѣ трудящіяся и эксплуатируемыя массы.

Пролетаріату необходима государственная власть, централизованная организація силы, организація насилія и для

подавленія сопротивленія эксплуататоровъ и для руководства громадной массой населенія, крестьянствомъ, мелкой буржуазіей, полупролетаріями въ дѣлѣ «налаживанія» соціалистическаго хозяйства.

Воспитывая рабочую партію, марксизмъ воспитываетъ авангардъ пролетаріата, способный взять власть и вести весь народъ къ соціализму, направлять и организовать новый строй, быть учителемъ, руководителемъ, вождемъ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ въ дѣлѣ устройства своей общественной жизни безъ буржуазіи и противъ буржуазіи. Наоборотъ, господствующій нынѣ оппортунизмъ воспитываетъ изъ рабочей партіи отрывающихся отъ массы представителей лучше оплачиваемыхъ рабочихъ, «устраивающихся» сносно при капитализмѣ, продающихъ за чечевичную похлебку свое право первородства, т.-е. отказывающихся отъ роли революціонныхъ вождей народа противъ буржуазіи.

«Государство то есть организованный въ господствующі классъ пролетаріатъ» — эта теорія Маркса неразрывно связана со всѣмъ его ученіемъ о революціонной роли пролетаріата въ исторіи. Завершеніе этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетаріата.

Но если пролетаріату нужно государство, какъ особая организація насилія противъ буржуазіи, то отсюда самъ собой напрашивается выводъ, мыслимо-ли созданіе такой организаціи безъ предварительнаго уничтоженія, безъ разрушенія той государственной машины, которую создала себѣ буржуазія? Къ этому выводу вплотную подводитъ «Коммунистическій Манифестъ» и объ этомъ выводѣ говоритъ Марксъ, подводя итоги опыту революціи 1848—1851 гг.

2. Итоги революціи.

По интересующему насъ вопросу о государствѣ Марксъ подводитъ итоги революціи 1848—1851 годовъ въ слѣдующемъ разсужденіи, изъ сочиненія «18-ое Брюмера Луи Бонапарта»:

> ...«Но революція основательна. Она еще находится въ путешествіи черезъ чистилище. Она выполняетъ свое дѣло методически. До 2-го декабря 1851 года (день совершенія государственнаго переворота Луи Бо-

напартомъ) она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчиваетъ другую половину. Сначала она доводитъ до совершенства парламентарную власть, чтобы имѣть возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводитъ до совершенства исполнительную власть, сводитъ ее къ ея самому чистому выраженію, изолируетъ ее, противопоставляетъ ее себѣ, какъ единственный упрекъ, чтобы сконцентрировать противъ нея всѣ силы разрушенія (курсивъ нашъ). И когда революція закончитъ эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего мѣста и скажетъ, торжествуя: ты хорошо роешь, старый кротъ!».

«Эта исполнительная власть, съ ея громадной бюрократической и военной организаціей, съ ея многосложной и искусственной государственной машиной, съ этимъ войскомъ чиновниковъ въ полмилліона человѣкъ рядомъ съ арміей еще въ полмилліона, этотъ ужасный организмъ—паразитъ, обвивающій точно сѣтью все тѣло французскаго общества и затыкающій всѣ его поры, возникъ въ эпоху самодержавной монархіи, при упадкѣ феодализма, упадкѣ, который этотъ организмъ помогалъ ускорять». Первая французская революція развила централизацію, «но вмѣстѣ съ тѣмъ расширила объемъ, аттрибуты и число пособниковъ правительственной власти. Наполеонъ завершилъ эту государственную машину». Легитимная монархія и іюльская монархія «не прибавили ничего новаго кромѣ большаго раздѣленія труда»...

...«Наконецъ парламентарная республика оказалась въ своей борьбѣ противъ революціи вынужденной усилить, вмѣстѣ съ мѣрами репрессіи, средства и централизацію правительственной власти. Всѣ перевороты усовершенствовали эту машину вмѣсто того, чтобы сломать ее» (курсивъ нашъ). «Партіи, которыя, смѣняя другъ друга, боролись за господство, разсматривали захватъ этого огромнаго государственнаго зданія, какъ главную добычу при своей побѣдѣ» («18-ое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 98—99 изд. 4, Гамбургъ, 1907 г.).

Въ этомъ замѣчательномъ разсужденіи марксизмъ дѣлаетъ громадный шагъ впередъ по сравненію съ «Ком. Манифестомъ». Тамъ вопросъ о государствѣ ставится еще крайне абстрактно, въ самыхъ общихъ понятіяхъ и выраженіяхъ. Здѣсь вопросъ ставится конкретно, и выводъ дѣлается чрезвычайно точный, опредѣленный, практически-осязательный: всѣ прежнія революціи усовершествовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этотъ выводъ есть главное, основное въ ученіи марксизма о государствѣ. И именно это основное не только совершенно забыто господствующими оффиціальными соц.-дем. партіями, но и прямо извращено (какъ увидимъ ниже) виднѣйшимъ теоретикомъ II-го Интернаціонала К. Каутскимъ.

Въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» подведены общіе итоги исторіи, заставляющіе видѣть въ государствѣ органъ классоваго господства и приводящіе къ необходимому заключенію, что пролетаріатъ не можетъ свергнуть буржуазіи, не завоевавъ сначала политической власти, не получивъ политическаго господства, не превративъ государство въ «организованный, какъ господствующій классъ, пролетаріатъ», и что это пролетарское государство сейчасъ же послѣ его побѣды начнетъ отмирать, ибо въ обществѣ безъ классовыхъ противорѣчій государство ненужно и невозможно. Здѣсь не ставится вопросъ о томъ, какова же должна—съ точки зрѣнія историческаго развитія — быть эта смѣна буржуазнаго государства пролетарскимъ.

Именно такой вопросъ Марксъ ставитъ и рѣшаетъ въ 1852-мъ году. Вѣрный своей философіи діалектическаго матеріализма, Марксъ беретъ въ основу историческій опытъ великихъ годовъ революціи.—1848—1851. Ученіе Маркса и здѣсь—какъ и всегда—есть освѣщенное глубокимъ философскимъ міросозерцаніемъ и богатымъ знаніемъ исторіи подъитоженіе опыта.

Вопросъ о государствѣ ставится конкретно: какъ исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазіи государственная машина? Каковы ея измѣненія, какова ея эволюція въ ходѣ буржуазныхъ революцій и передъ лицомъ самостоятельныхъ выступленій угнетенныхъ классовъ? Каковы задачи пролетаріата по отношенію къ этой государственной машинѣ?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла въ эпоху паденія абсолютизма. Два учрежденія наиболѣе характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армія. О томъ, какъ тысячи нитей связываютъ эти учрежденія именно съ буржуазіей, говорится неоднократно въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса. Опытъ каждаго рабочаго поясняетъ эту связь съ чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочій классъ на своей шкурѣ учится познавать эту связь,—вотъ почему онъ такъ легко схватываетъ и такъ твердо усваиваетъ науку о неизбѣжности этой связи,—науку, которую мелкобуржуазные демократы либо невѣжественно и легкомысленно отрицаютъ, либо еще легкомысленнѣе признаютъ «вообще», забывая дѣлать соотвѣтствующіе практическіе выводы.

Чиновничество и постоянная армія это—«паразитъ» на тѣлѣ буржуазнаго общества, паразитъ, порожденный внутренними противорѣчіями, которыя это общество раздираютъ, но именно паразитъ, «затыкающій» жизненныя поры. Господствующій нынѣ въ оффиціальной соціалъ-демократіи каутскіанскій оппортунизмъ считаетъ взглядъ на государство, какъ на паразитическій организмъ, спеціальной и исключительной принадлежностью анархизма. Разумѣется, это извращеніе марксизма чрезвычайно выгодно тѣмъ мѣщанамъ, которые довели соціализмъ до неслыханнаго позора оправданія и прикрашиванія имперіалистической войны путемъ примѣненія къ ней понятія «защита отечества», но все же это—безусловное извращеніе.

Черезъ всѣ буржуазныя революціи, которыхъ видала Европа многое множество со времени паденія феодализма, идетъ развитіе, усовершенствованіе, укрѣпленіе этого чиновничьяго и военнаго аппарата. Въ частности именно мелкая буржуазія привлекается на сторону крупной и подчиняется ей въ значительной степени посредствомъ этого аппарата, дающаго верхнимъ слоямъ крестьянства, мелкихъ ремесленниковъ, торговцевъ и проч. сравнительно удобныя, спокойныя и почетныя мѣстечки, ставящіе обладателей ихъ надъ народомъ. Возьмите то, что произошло въ Россіи за полгода послѣ 27 февраля 1917 г.: чиновничьи мѣста, которыя раньше давались предпочтительно черносотенцамъ, стали предметомъ

добычи кадетовъ, меньшевиковъ и эсэровъ. Ни о какихъ серьезныхъ реформахъ, въ сущности, не думали, стараясь оттягивать ихъ «до Учр. Собранія»—а Учредительное Собраніе оттягивать помаленьку до конца войны! Съ дѣлежомъ же добычи, съ занятіемъ мѣстечекъ министровъ, товарищей министра, генералъ-губернаторовъ и прочее и прочее, не медлили и никакого Учредительнаго Собранія не ждали! Игра въ комбинаціи насчетъ состава правительства была, въ сущности, лишь выраженіемъ этого дѣлежа и передѣла «добычи», идущаго и вверху и внизу, во всей странѣ, во всемъ центральномъ и мѣстномъ управленіи. Итогъ, объективный итогъ за полгода 27 февраля—27 августа 1917 г. несомнѣненъ: реформы отложены, раздѣлъ чиновничьихъ мѣстечекъ состоялся, и «ошибки» раздѣла исправлены нѣсколькими передѣлами.

Но чѣмъ больше происходитъ «передѣловъ» чиновничьяго аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партіями (между кадетами, эсэрами и меньшевиками, если взять русскій примѣръ), тѣмъ яснѣе становится угнетеннымъ классамъ, и пролетаріату во главѣ ихъ, ихъ непримиримая враждебность ко всему буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всѣхъ буржуазныхъ партій, даже для самыхъ демократическихъ и «революціонно-демократическихъ» въ томъ числѣ, усиливать репрессіи противъ революціоннаго пролетаріата, укрѣплять аппаратъ репрессій т.-е. ту же государственную машину. Такой ходъ событій вынуждаетъ революцію «концентрировать всѣ силы разрушенія» противъ государственной власти, вынуждаетъ поставить задачей не улучшеніе государственной машины, а разрушеніе, уничтоженіе ея.

Не логическія разсужденія, а дѣйствительное развитіе событій, живой опытъ 1848—1851 годовъ привели къ такой постановкѣ задачи. До какой степени строго держится Марксъ на фактической базѣ историческаго опыта, это видно изъ того, что въ 1852 году онъ не ставитъ еще конкретно вопроса о томъ, чѣмъ замѣнить эту подлежащую уничтоженію государственную машину. Опытъ не давалъ еще тогда матеріала для такого вопроса, поставленнаго исторіей на очередь дня позже, въ 1871 году. Въ 1852 году съ точностью естественно-историческаго наблюденія можно было лишь констатировать, что пролетарская революція подошла къ задачѣ

«сосредоточить всѣ силы разрушенія» противъ государственной власти, къ задачѣ «сломать» государственную машину.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, правильнымъ ли является обобщеніе опыта, наблюденій и заключеній Маркса, перенесеніе ихъ на предѣлы болѣе широкіе, чѣмъ исторія Франціи за три года, 1848—1851 годы? Для разбора этого вопроса напомнимъ сначала одно замѣчаніе Энгельса, а затѣмъ перейдемъ къ фактическимъ даннымъ.

> ...«Франція—писалъ Энгельсъ въ предисловіи къ 3-му изданію «18-ое Брюмера»—Франція есть страна, въ которой историческая борьба классовъ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, доходила каждый разъ до рѣшительнаго конца. Во Франціи въ наиболѣе рѣзкихъ очертаніяхъ выковывались тѣ мѣняющіяся политическія формы, внутри которыхъ двигалась эта классовая борьба и въ которыхъ находили свое выраженіе ея результаты. Средоточіе феодализма въ средніе вѣка, образцовая страна единообразной сословной монархіи со времени Ренессанса, Франція разгромила во время великой революціи феодализмъ и основала чистое господство буржуазіи, съ такой классической ясностью, какъ ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающаго голову пролетаріата противъ господствующей буржуазіи выступаетъ здѣсь въ такой острой формѣ, которая другимъ странамъ неизвѣстна» (стр. 4 въ изд. 1907 г.).

Послѣднее замѣчаніе устарѣло, поскольку съ 1871-го года наступилъ перерывъ въ революціонной борьбѣ французскаго пролетаріата, хотя этотъ перерывъ, какимъ бы продолжительнымъ онъ ни былъ, не устраняетъ нисколько возможности того, что въ грядущей пролетарской революціи Франція проявитъ себя, какъ классическая страна борьбы классовъ до рѣшительнаго конца.

Но бросимъ общій взглядъ на исторію передовыхъ странъ въ концѣ 19-го и началѣ 20-го вѣка. Мы увидимъ, что медленнѣе, многообразнѣе, на гораздо болѣе широкой аренѣ, происходилъ тотъ самый процессъ, съ одной стороны, выработки «парламентарной власти» какъ въ республиканскихъ странахъ (Франція, Америка, Швейцарія), такъ и въ монархическихъ (Англія, Германія до извѣстной степени, Италія

Скандинавскія страны и т. д.),—съ другой стороны, борьбы за власть различныхъ буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ партій, дѣлившихъ и передѣлявшихъ «добычу» чиновничьихъ мѣстечекъ, при неизмѣнности основъ буржуазнаго строя,—наконецъ, усовершенствованія и укрѣпленія «исполнительной власти», ея чиновничьяго и военнаго аппарата.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это—общія черты всей новѣйшей эволюціи капиталистическихъ государствъ вообще. За три года, 1848—1851, Франція въ быстрой, рѣзкой, концентрированной формѣ показала тѣ самые процессы развитія, которые свойственны всему капиталистическому міру.

Въ особенности же имперіализмъ, эпоха банковаго капитала, эпоха гигантскихъ капиталистическихъ монополій, эпоха перерастанія монополистическаго капитализма въ государственно-монополистическій капитализмъ, показываетъ необыкновенное усиленіе «государственной машины», неслыханный ростъ ея чиновничьяго и военнаго аппарата въ связи съ усиленіемъ репрессій противъ пролетаріата какъ въ монархическихъ, такъ и въ самыхъ свободныхъ, республиканскихъ странахъ.

Всемірная исторія подводитъ теперь, несомнѣнно, въ несравненно болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ въ 1852 г., къ «концентраціи всѣхъ силъ» пролетарской революціи на «разрушеніе» государственной машины.

Чѣмъ замѣнитъ ее пролетаріатъ, объ этомъ поучительнѣйшій матеріалъ дала Парижская Коммуна.

ГЛАВА III.

Государство и революція. Опытъ Парижской Коммуны 1871 года. Анализъ Маркса.

1. Въ чемъ героизмъ попытки коммунаровъ?

Извѣстно, что за нѣсколько мѣсяцевъ до Коммуны, осенью 1870 г., Марксъ предостерегалъ парижскихъ рабочихъ, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаянія. Но когда въ мартѣ 1871 г. рабочимъ на-

вязали рѣшительный бой и они его приняли, когда возстаніе стало фактомъ, Марксъ съ величайшимъ восторгомъ привѣтствовалъ пролетарскую революцію, несмотря на плохія предзнаменованія. Марксъ не уперся на педантскомъ осужденіи «несвоевременнаго» движенія, какъ печально-знаменитый русскій ренегатъ марксизма Плехановъ, въ ноябрѣ 1905 г. писавшій въ духѣ поощренія борьбы рабочихъ и крестьянъ, а послѣ декабря 1905 г. по либеральному кричавшій: «не надо было браться за оружіе».

Марксъ однако не только восторгался героизмомъ «штурмовавшихъ небо», по его выраженію, коммунаровъ. Въ массовомъ революціонномъ движеніи, хотя оно и не достигло цѣли, онъ видѣлъ громадной важности историческій опытъ, извѣстный шагъ впередъ всемірной пролетарской революціи, практическій шагъ, болѣе важный, чѣмъ сотни программъ и разсужденій. Анализировать этотъ опытъ, извлечь изъ него уроки тактики, пересмотрѣть на основаніи его свою теорію— вотъ какъ поставилъ свою задачу Марксъ.

Единственная «поправка» къ «Коммунистическому Манифесту», которую счелъ необходимымъ сдѣлать Марксъ, была сдѣлана имъ на основаніи революціоннаго опыта парижскихъ коммунаровъ.

Послѣднее предисловіе къ новому нѣмецкому изданію «Комм. Манифеста», подписанное обоими его авторами, помѣчено 24-ымъ іюня 1872 г. Въ этомъ предисловіи авторы, Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, говорятъ, что программа «Комм. Манифеста» «теперь мѣстами устарѣла».

> ...«Въ особенности — продолжаютъ они — Коммуна доказала, что «рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и пустить ее въ ходъ для своихъ собственныхъ цѣлей»...

Взятыя во вторыя кавычки слова этой цитаты заимствованы ея авторами изъ сочиненія Маркса: «Гражданская война во Франціи».

Итакъ, одинъ основной и главный урокъ Парижской Коммуны Марксъ и Энгельсъ считали имѣющимъ такую гигантскую важность, что они внесли его, какъ существенную поправку къ «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная

поправка была искажена оппортунистами, и смыслъ ея, навѣрное, не извѣстенъ девяти десятымъ, если не девяносто девяти сотымъ читателей «Комм. Манифеста». Подробно объ этомъ искаженіи мы скажемъ ниже, въ главѣ, спеціально посвященной искаженіямъ. Теперь достаточно будетъ отмѣтить, что ходячее, вульгарное «пониманіе» приведеннаго нами знаменитаго изреченія Маркса состоитъ въ томъ, будто Марксъ подчеркиваетъ здѣсь идею медленнаго развитія въ противоположность захвату власти и тому подобное.

На самомъ дѣлѣ какъ разъ наоборотъ. Мысль Маркса состоитъ въ томъ, что рабочій классъ долженъ разбить, сломать «готовую государственную машину», а не ограничиваться простымъ захватомъ ея.

12 апрѣля 1871 г., т.-е. какъ-разъ во время Коммуны Марксъ писалъ Кугельману:

...«Если ты заглянешь въ послѣднюю главу моего «18-ое Брюмера», ты увидишь, что слѣдующей попыткой французской революціи я объявляю: не передать изъ однѣхъ рукъ въ другія бюрократически-военную машину, какъ бывало до сихъ поръ, а сломать ее (курсивъ Маркса; въ оригиналѣ стоитъ zerbrechen)), и именно таково предварительное условіе всякой дѣйствительной народной революціи на континентѣ. Какъ-разъ въ томъ и состоитъ попытка нашихъ геройскихъ парижскихъ товарищей» (стр. 709 въ «Neue Zeit», XX, I, годъ 1901—2). (Письма Маркса къ Кугельману вышли по-русски не менѣе какъ въ двухъ изданіяхъ, одно изъ нихъ подъ моей редакціей и съ моимъ предисловіемъ).

Въ этихъ словахъ «сломать бюрократически военную государственную машину» заключается, кратко выраженный, главный урокъ марксизма по вопросу о задачахъ пролетаріата въ революціи по отношенію къ государству. И именно этотъ урокъ не только совершенно забытъ, но и прямо извращенъ господствующимъ, каутскіанскимъ «толкованіемъ» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое Брюмера», то мы привели выше полностью соотвѣтствующее мѣсто.

Интересно отмѣтить особо два мѣста въ приведенномъ разсужденіи Маркса. Во-первыхъ, онъ ограничиваетъ свой

выводъ континентомъ. Это было понятно въ 1871 г., когда Англія была еще образцомъ страны, чисто капиталистической, но безъ военщины и въ значительной степени безъ бюрократіи. Поэтому Марксъ исключалъ Англію, гдѣ революція, и даже народная революція, представлялась и была тогда возможной **безъ** предварительнаго условія разрушенія «готовой государственной машины».

Теперь, въ 1917 г., въ эпоху первой великой имперіалистической войны, это ограниченіе Маркса отпадаетъ, и Англія и Америка, крупнѣйшіе и послѣдніе во всемъ мірѣ представители англо-саксонской «свободы» въ смыслѣ отсутствія военщины и бюрократизма, скатились вполнѣ въ общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военныхъ учрежденій, все себѣ подчиняющихъ, все собой подавляющихъ. Теперь и въ Англіи и въ Америкѣ «предварительнымъ условіемъ всякой дѣйствительно народной революціи» является **ломка, разрушеніе** «готовой» (изготовленной тамъ въ 1914—17 гг. до «европейскаго», общеимперіалистическаго, совершенства) «государственной машины».

Во-вторыхъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ чрезвычайно глубокое замѣчаніе Маркса, что разрушеніе бюрократически военной государственной машины является «предварительнымъ условіемъ всякой дѣйствительной **народной** революціи». Это понятіе «народной» революціи кажется страннымъ въ устахъ Маркса, и русскіе плехановцы и меньшевики, эти послѣдователи Струве, желающіе считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выраженіе у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизмъ къ такому убого-либеральному извращенію, что кромѣ противоположенія буржуазной и пролетарской революціи для нихъ ничего не существуетъ, да и это противоположеніе понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примѣра революціи 20-го вѣка, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованіями, ни въ той ни въ другой революціи замѣтно не выступаютъ. Напротивъ. русская буржуаз-

ная революція 1905—7 гг., хотя въ ней не было такихъ «блестящихъ» успѣховъ, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомнѣнно, «дѣйствительной народной» революціей, ибо масса народа, большинство его, самые глубокіе общественные «низы», задавленные гнетомъ и эксплоатаціей, поднимались самостоятельно, наложили на весь ходъ революціи отпечатокъ своихъ требованій, своихъ попытокъ по-своему построить новое общество, на мѣсто разрушаемаго стараго.

Въ Европѣ 1871 г. на континентѣ ни въ одной странѣ пролетаріатъ не составлялъ большинства народа. «Народная» революція, втягивающая въ движеніе дѣйствительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетаріатъ и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народъ». Оба класса объединены тѣмъ, что «бюрократически-военная государственная машина» гнететъ, давитъ, эксплоатируетъ ихъ. Разбить эту машину, сломать ее—таковъ дѣйствительный интересъ «народа», большинства его, рабочихъ и большинства крестьянъ, таково «предварительное условіе» свободнаго союза бѣднѣйшихъ крестьянъ съ пролетаріями, а безъ такого союза непрочна демократія и невозможно соціалистическое преобразованіе.

Къ такому союзу, какъ извѣстно, и пробивала себѣ дорогу парижская Коммуна, не достигшая цѣли въ силу ряда причинъ внутренняго и внѣшняго характера.

Слѣдовательно, говоря о «дѣйствительно народной революціи», Марксъ, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазіи (объ нихъ онъ говорилъ много и часто), строжайше учитывалъ фактическое соотношеніе классовъ въ большинствѣ континентальныхъ государствъ Европы въ 1871-мъ году. А съ другой стороны, онъ констатировалъ, что «разбитіе» государственной машины требуется интересами и рабочихъ и крестьянъ, объединяетъ ихъ, ставитъ передъ ними общую задачу устраненія «паразита» и замѣны его чѣмъ-либо новымъ.

Чѣмъ же именно?

2. Чѣмъ замѣнить разбитую государственную машину?

На этотъ вопросъ въ 1847-мъ году, въ «Ком. Манифестѣ» Марксъ давалъ отвѣтъ еще совершенно абстрактный, вѣрнѣе, указывающій задачи, но не способы ея разрѣшенія.

замѣнить «организаціей пролетаріата въ господствующій классъ», «завоеваніемъ демократіи»—таковъ былъ отвѣтъ «Ком. Манифеста».

Не вдаваясь въ утопіи, Марксъ отъ опыта массоваго движенія ждалъ отвѣта на вопросъ о томъ, въ какія конкретныя формы эта организація пролетаріата, какъ господствующаго класса, станетъ выливаться, какимъ именно образомъ эта организація будетъ совмѣщена съ наиболѣе полнымъ и послѣдовательнымъ «завоеваніемъ демократіи».

Опытъ Коммуны, какъ онъ ни былъ малъ, Марксъ подвергаетъ въ «Гражданской войнѣ во Франціи» самому внимательному анализу. Приведемъ важнѣйшія мѣста изъ этого сочиненія:

> Въ 19-мъ вѣкѣ развивалась происходящая отъ среднихъ вѣковъ «централизованная государственная власть съ ея вездѣсущими органами: постоянной арміей, полиціей, бюрократіей, духовенствомъ, судейскимъ сословіемъ». Съ развитіемъ классоваго антагонизма между капиталомъ и трудомъ «государственная власть принимала все болѣе и болѣе характеръ общественной власти для угнетенія труда, характеръ машины классоваго господства. Послѣ каждой революціи, означающей извѣстный шагъ впередъ классовой борьбы, чисто угнетательскій характеръ государственной власти выступаетъ наружу все болѣе и болѣе открыто». Государственная власть послѣ революціи 1848—9 г.г. становится «національнымъ орудіемъ войны капитала противъ труда». Вторая имперія закрѣпляетъ это.
>
> «Прямой противоположностью имперіи была Коммуна. Она была опредѣленной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классоваго господства, но и самое классовое господство»...

Въ чемъ именно состояла эта «опредѣленная» форма пролетарской, соціалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

> ...«Первымъ декретомъ Коммуны было уничтоженіе постояннаго войска и замѣна его вооруженнымъ народомъ»...

Это требованіе стоитъ теперь въ программахъ всѣхъ,

желающихъ называться соціалистическими, партій. Но чего стоятъ ихъ программы, лучше всего видно изъ поведенія нашихъ эсэровъ и меньшевиковъ, на дѣлѣ отказавшихся какъ разъ послѣ революціи 27 февраля отъ проведенія въ жизнь этого требованія!

> ...«Коммуна образовалась изъ выбранныхъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ по различнымъ округамъ Парижа городскихъ гласныхъ. Они были отвѣтственны и въ любое время смѣняемы. Большинство ихъ состояло, само собою разумѣется, изъ рабочихъ или признанныхъ представителей рабочаго класса»...
>
> ...«Полиція, до сихъ поръ бывшая орудіемъ государственнаго правительства, была немедленно лишена всѣхъ своихъ политическихъ функцій и превращена въ отвѣтственный органъ Коммуны, смѣняемый въ любое время...
>
> ...Тоже самое—чиновники всѣхъ остальныхъ отраслей управленія... Начиная съ членовъ Коммуны, сверху до низу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочаго. Всякія привилегіи и выдачи денегъ на представительство высшимъ государственнымъ чинамъ исчезли вмѣстѣ съ этими чинами... По устраненіи постояннаго войска и полиціи, этихъ орудій матеріальной власти стараго правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудіе духовнаго угнетенія, силу поповъ... Судейскіе чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть отвѣтственными и смѣняемыми»...

Итакъ, разбитую государственную машину Коммуна замѣнила какъ будто бы «только» болѣе полной демократіей: уничтоженіе постоянной арміи, полная выборность и смѣняемость всѣхъ должностныхъ лицъ. Но на самомъ дѣлѣ это «только» означаетъ гигантскую замѣну однихъ учрежденій учрежденіями принципіально иного рода. Здѣсь наблюдается какъ-разъ одинъ изъ случаевъ «превращенія количества въ качество»: демократія, проведенная съ такой наибольшей полнотой и послѣдовательностью, съ какой это вообще мыслимо, превращается изъ буржуазной демократіи въ пролетарскую, изъ государ-

ства (= особая сила для подавленія опредѣленнаго класса) въ нѣчто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазію и ея сопротивленіе все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна изъ причинъ ея пораженія состоитъ въ томъ, что она недостаточно рѣшительно это дѣлала. Но подавляющимъ органомъ является здѣсь уже большинство населенія, а не меньшинство, какъ бывало всегда и при рабствѣ и при крѣпостничествѣ и при наемномъ рабствѣ. А разъ большинство народа само подавляетъ своихъ угнетателей, то «особой силы» для подавленія уже ненужно. Въ этомъ смыслѣ государство начинаетъ отмирать. Вмѣсто особыхъ учрежденій привиллегированнаго меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной арміи), само большинство можетъ непосредственно выполнять это, а чѣмъ болѣе всенароднымъ становится самое выполненіе функцій государственной власти, тѣмъ меньше становится надобности въ этой власти.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи подчеркиваемая Марксомъ мѣра Коммуны: отмѣна всякихъ выдачъ денегъ на представительство, всякихъ денежныхъ привилегій чиновникамъ, сведеніе платы всѣмъ должностнымъ лицамъ въ государствѣ до уровня «заработной платы рабочаго». Тутъ какъ-разъ всего нагляднѣе сказывается переломъ—отъ демократіи буржуазной къ демократіи пролетарской, отъ демократіи угнетательской къ демократіи угнетенныхъ классовъ, отъ господства, какъ «особой силы» для подавленія опредѣленнаго класса, къ подавленію угнетателей всеобщей силой большинства народа, рабочихъ и крестьянъ. И именно на этомъ, особенно наглядномъ—по вопросу о государствѣ, пожалуй, наиболѣе важномъ пунктѣ уроки Маркса наиболѣе забыты! Въ популярныхъ комментаріяхъ—имъ же нѣсть числа—объ этомъ не говорятъ. «Принято» объ этомъ умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время,—въ родѣ того какъ христіане, получивъ положеніе государственной религіи, «забыли» о «наивностяхъ» первоначальнаго христіанства съ его демократически-революціоннымъ духомъ.

Пониженіе платы высшимъ государственнымъ чиновникамъ кажется «просто» требованіемъ наивнаго, примитивнаго

демократизма. Одинъ изъ «основателей» новѣйшаго оппортунизма, бывшій соціалъ-демократъ Эд. Бернштейнъ не разъ упражнялся въ повтореніи пошлыхъ буржуазныхъ насмѣшечекъ надъ «примитивнымъ» демократизмомъ. Какъ и всѣ оппортунисты, какъ и теперешніе каутскіанцы, онъ совершенно не понялъ того, что, во-первыхъ, переходъ отъ капитализма къ соціализму невозможенъ безъ извѣстнаго «возврата» къ «примитивному» демократизму (ибо иначе какъ же перейти къ выполненію государственныхъ функцій большинствомъ населенія и поголовно всѣмъ населеніемъ?) а во-вторыхъ, что «примитивный демократизмъ» на базѣ капитализма и капиталистической культуры—не то, что примитивный демократизмъ въ первобытныя или въ докапиталистическія времена. Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, желѣзныя дороги, почту, телефоны и пр., а на этой базѣ громадное большинство функцій старой «государственной власти» такъ упростилось и можетъ быть сведено къ такимъ простѣйшимъ операціямъ регистраціи, записи, провѣрки, что эти функціи станутъ вполнѣ доступны всѣмъ грамотнымъ людямъ, что эти функціи можно будетъ выполнять за обычную «заработную плату рабочаго», что можно (и должно) отнять у этихъ функцій всякую тѣнь чего-либо привилегированнаго, «начальственнаго».

Полная выборность, смѣняемость въ любое время всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ, сведеніе ихъ жалованья къ обычной «заработной платѣ рабочаго», эти простыя и «само собою понятныя» демократическія мѣропріятія, объединяя вполнѣ интересы рабочихъ и большинства крестьянъ, служатъ въ то-же время мостикомъ, ведущимъ отъ капитализма къ соціализму. Эти мѣропріятія касаются государственнаго, чисто-политическаго переустройства общества, но они получаютъ, разумѣется, весь свой смыслъ и значеніе лишь въ связи съ осуществляемой или подготовляемой «экспропріаціей экспропріаторовъ», т.-е. переходомъ капиталистической частной собственности на средства производства въ общественную собственность.

> «Коммуна—писалъ Марксъ—сдѣлала правдой лозунгъ всѣхъ буржуазныхъ революцій, дешевое правительство, уничтоживъ двѣ самыя крупныя статьи расходовъ, армію и чиновничество».

Изъ крестьянства, какъ и изъ другихъ слоевъ мелкой буржуазіи, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверхъ», «выходитъ въ люди» въ буржуазномъ смыслѣ, т.-е. превращается либо въ зажиточныхъ людей, въ буржуа, либо въ обезпеченныхъ и привилегированныхъ чиновниковъ. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической странѣ, гдѣ только есть крестьянство (а такихъ капиталистическихъ странъ большинство), угнетено правительствомъ и жаждетъ сверженія его, жаждетъ «дешеваго» правительства. Осуществить это можетъ только пролетаріатъ и, осуществляя это, онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ соціалистическому переустройству государства.

3. Уничтоженіе парламентаризма.

«Коммуна—писалъ Марксъ—должна была быть не парламентарной, а работающей корпораціей, въ одно и то-же время и законодательствующей и исполняющей законы»...

...«Вмѣсто того, чтобы одинъ разъ въ три или въ шесть лѣтъ рѣшать, какой членъ господствующаго класса долженъ представлять и подавлять (ver-und zertreten) народъ въ парламентѣ, вмѣсто этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному въ коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предпріятія рабочихъ, надсмотрщиковъ, бухгалтеровъ, какъ индивидуальное избирательное право служитъ для этой цѣли всякому другому работодателю».

Эта замѣчательная критика парламентаризма, данная въ 1871-мъ году, тоже принадлежитъ теперь, благодаря господству соціалъ-шовинизма и оппортунизма, къ числу «забытыхъ словъ» марксизма. Министры и парламентаріи по профессіи, измѣнники пролетаріату и «дѣляческіе» соціалисты нашихъ дней предоставили критику парламентаризма всецѣло анархистамъ, и на этомъ удивительно-разумномъ основаніи объявили всякую критику парламентаризма «анархизмомъ»! Ничего нѣтъ страннаго, что пролетаріатъ «передовыхъ» парламентскихъ странъ, испытывая омерзѣніе при видѣ такихъ «соціалистовъ», какъ Шейдеманы, Давиды, Ле-

гины, Санба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К⁰, все чаще отдавалъ свои симпатіи анархо-синдикализму, несмотря на то, что это былъ родной братъ оппортунизма.

Но для Маркса революціонная діалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сдѣлали ее Плехановъ, Каутскій и пр. Марксъ умѣлъ безпощадно рвать съ анархизмомъ за неумѣніе использовать даже «хлѣвъ» буржуазнаго парламентаризма, особенно когда завѣдомо нѣтъ на лицо революціонной ситуаціи, — но въ то же время онъ умѣлъ и давать дѣйствительно революціонно-пролетарскую критику парламентаризма.

Разъ въ нѣсколько лѣтъ рѣшать, какой членъ господствующаго класса будетъ подавлять, раздавлять народъ въ парламентѣ, — вотъ въ чемъ настоящая суть буржуазнаго парламентаризма, не только въ парламентарно-конституціонныхъ монархіяхъ, но и въ самыхъ демократическихъ республикахъ.

Но если ставить вопросъ о государствѣ, если разсматривать парламентаризмъ, какъ одно изъ учрежденій государства, съ точки зрѣнія задачъ пролетаріата въ этой области, то гдѣ же выходъ изъ парламентаризма? Какъ же можно обойтись безъ него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изученіи Коммуны, настолько забыты, что современному «соціалъ-демократу» (читай: современному предателю соціализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кромѣ анархической или реакціонной.

Выходъ изъ парламентаризма, конечно, не въ уничтоженіи представительныхъ учрежденій и выборности, а въ превращеніи представительныхъ учрежденій изъ говориленъ въ «работающія» учрежденія. «Коммуна должна была быть не парламентскимъ учрежденіемъ, а работающимъ, въ одно и то же время законодательствующимъ и исполняющимъ законы».

«Не парламентское, а работающее» учрежденіе, это сказано не въ бровь, а въ глазъ современнымъ парламентаріямъ и парламентскимъ «комнатнымъ собачкамъ» соціалъ-демократіи! Посмотрите на любую парламентскую страну, отъ Америки до Швейцаріи, отъ Франціи до Англіи, Норвегіи и пр.: настоящую «государственную» работу дѣлаютъ за кулисами и

выполняютъ департаменты, канцеляріи, штабы. Въ парламентахъ только болтаютъ со спеціальной цѣлью надувать «простонародье». Это до такой степени вѣрно, что даже въ русской республикѣ, буржуазно-демократической республикѣ, раньше чѣмъ она успѣла создать настоящій парламентъ, сказались уже тотчасъ всѣ эти цѣли парламентаризма. Такіе герои гнилого мѣщанства, какъ Скобелевы и Церетелли, Черновы и Авксентьевы, сумѣли и Совѣты испоганить по типу гнуснѣйшаго буржуазнаго парламентаризма, превративъ ихъ въ пустыя говорильни. Въ Совѣтахъ господа «соціалистическіе» министры надуваютъ довѣрчивыхъ мужичковъ фразерствомъ и резолюціями. Въ правительствѣ идетъ перманентный кадриль, съ одной стороны, чтобы по очереди сажать «къ пирогу» доходныхъ и почетныхъ мѣстечекъ побольше «эсэровъ и меньшевиковъ», съ другой стороны, чтобы занять вниманіе народа. А въ канцеляріяхъ, въ штабахъ «работаютъ» «государственную» работу!

«Дѣло Народа», органъ правящей партіи «соціалистовъ-революціонеровъ», недавно въ редакціонной передовицѣ признался,—съ безподобной откровенностью людей изъ «хорошаго общества», въ которомъ «всѣ» занимаются политической проституціей,—что даже въ тѣхъ министерствахъ, кои принадлежатъ «соціалистамъ» (извините за выраженіе!), даже въ нихъ весь чиновничій аппаратъ остается въ сущности старымъ, функціонируетъ по старому, саботируетъ революціонныя начинанія вполнѣ «свободно»! Да еслибы не было этого признанія, развѣ фактическая исторія участія эсэровъ и меньшевиковъ въ правительствѣ не доказываетъ этого? Характерно тутъ только то, что, находясь въ министерскомъ обществѣ съ кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочіе редактора «Дѣла Народа» настолько потеряли стыдъ, что не стѣсняются публично, какъ о пустячкѣ, разсказывать, не краснѣя, что «у нихъ» въ министерствахъ все по старому!! Революціонно-демократическая фраза — для одураченія деревенскихъ Иванушекъ, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаготворенія» капиталистовъ — вотъ вамъ суть «честной» коалиціи.

Продажный и прогнившій парламентаризмъ буржуазнаго общества Коммуна замѣняетъ учрежденіями, въ коихъ свобода сужденія и обсужденія не вырождается въ обманъ, ибо парла-

ментаріи должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами провѣрять то, что получается въ жизни, сами отвѣчать непосредственно передъ своими избирателями. Представительныя учрежденія остаются, но парламентаризма, какъ особой системы, какъ раздѣленія труда законодательнаго и исполнительнаго, какъ привилегированнаго положенія для депутатовъ, здѣсь нѣтъ. Безъ представительныхъ учрежденій мы не можемъ себѣ представить демократіи, даже и пролетарской демократіи, безъ парламентаризма можемъ и должны, если критика буржуазнаго общества для насъ не пустыя слова, если стремленіе свергнуть господство буржуазіи есть наше серьезное и искреннее стремленіе, а не «избирательная» фраза для уловленія голосовъ рабочихъ, какъ у меньшевиковъ и эсэровъ, какъ у Шейдемановъ и Легиновъ, Санба и Вандервельдовъ.

Крайне поучительно, что, говоря о функціяхъ того чиновничества, которое нужно и Коммунѣ, и пролетарской демократіи, Марксъ беретъ для сравненія служащихъ «всякаго другого работодателя», т.-е. обычное капиталистическое предпріятіе съ «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нѣтъ и капельки утопизма въ томъ смыслѣ, чтобы онъ сочинялъ, сфантазировалъ «новое» общество. Нѣтъ, онъ изучаетъ, какъ естественно-историческій процессъ, рожденіе новаго общества изъ стараго, переходныя формы отъ второго къ первому. Онъ беретъ фактическій опытъ массоваго пролетарскаго движенія и старается извлечь изъ него практическіе уроки. Онъ «учится» у Коммуны, какъ всѣ великіе революціонные мыслители не боялись учиться у опыта великихъ движеній угнетеннаго класса, никогда не относясь къ нимъ съ педантскими «нравоученіями» (въ родѣ Плехановскаго: «не надо было браться за оружіе» или Церетеллевскаго: «классъ долженъ самоограничиваться»).

Объ уничтоженіи чиновничества сразу, повсюду, до конца не можетъ быть рѣчи. Это — утопія. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчасъ же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нѣтъ всякое чиновничество, это не утопія, это — опытъ Коммуны, это прямая, очередная, задача революціоннаго пролетаріата.

Капитализмъ упрощаетъ функціи «государственнаго» управленія, позволяетъ отбросить «начальствованіе» и свести

все дѣло къ организаціи пролетаріевъ (какъ господствующаго класса), отъ имени всего общества нанимающей «рабочихъ, надсмотрщиковъ, бухгалтеровъ».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о томъ, какъ бы сразу обойтись безъ всякаго управленія, безъ всякаго подчиненія; эти анархистскія мечты, основанныя на непониманіи задачъ диктатуры пролетаріата, въ корнѣ чужды марксизму и на дѣлѣ служатъ лишь оттягиванію соціалистической революціи до тѣхъ поръ, пока люди будутъ иными. Нѣтъ, мы хотимъ соціалистической революціи съ такими людьми, какъ теперь, которые безъ подчиненія, безъ контроля, безъ «надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всѣхъ эксплуатируемыхъ и трудящихся — пролетаріату. Специфическое «начальствованіе» государственныхъ чиновниковъ можно и должно тотчасъ же, съ сегодня на завтра, начать замѣнять простыми функціями «надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ», функціями, которыя уже теперь вполнѣ доступны уровню развитія горожанъ вообще и вполнѣ выполнимы за «заработную плату рабочаго».

Организуемъ крупное производство, исходя изъ того, что уже создано капитализмомъ, сами, мы рабочіе, опираясь на свой рабочій опытъ, создавая строжайшую, желѣзную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженныхъ рабочихъ, сведемъ государственныхъ чиновниковъ на роль простыхъ исполнителей нашихъ порученій, отвѣтственныхъ, смѣняемыхъ, скромно оплачиваемыхъ «надсмотрщиковъ и бухгалтеровъ» (конечно, съ техниками всѣхъ сортовъ, видовъ и степеней) — вотъ наша, пролетарская задача, вотъ съ чего можно и должно начать при совершеніи пролетарской революціи. Такое начало, на базѣ крупнаго производства, само собою ведетъ къ постепенному «отмиранію» всякаго чиновничества, къ постепенному созданію такого порядка, — порядка безъ кавычекъ, порядка не похожаго на наемное рабство, — такого порядка, когда все болѣе упрощающіяся функціи надсмотра и отчетности будутъ выполняться всѣми по очереди, будутъ затѣмъ становиться привычкой и наконецъ отпадутъ, какъ особыя функціи особаго слоя людей.

Одинъ остроумный нѣмецкій соціалъ-демократъ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка назвалъ почту образцомъ соціалистическаго

хозяйства. Это очень вѣрно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополіи. Имперіализмъ постепенно превращаетъ всѣ тресты въ организаціи подобнаго типа. Надъ «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодаютъ, здѣсь стоитъ та же буржуазная бюрократія. Но механизмъ общественнаго хозяйничанья здѣсь уже готовъ. Свергнуть капиталистовъ, разбить желѣзной рукой вооруженныхъ рабочихъ сопротивленіе этихъ эксплуататоровъ, сломать бюрократическую машину современнаго государства — и передъ нами освобожденный отъ «паразита» высоко-технически оборудованный механизмъ, который вполнѣ могутъ пустить въ ходъ сами объединенные рабочіе, нанимая техниковъ, надсмотрщиковъ, бухгалтеровъ, оплачивая работу всѣхъ ихъ, какъ и всѣхъ вообще «государственныхъ» чиновниковъ, заработной платой рабочаго. Вотъ задача конкретная, практическая, осуществимая тотчасъ по отношенію ко всѣмъ трестамъ, избавляющая трудящихся отъ эксплуатаціи, учитывающая опытъ, практически уже начатый (особенно въ области государственнаго строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное какъ почта, съ тѣмъ, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, какъ и всѣ должностныя лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочему», подъ контролемъ и руководствомъ вооруженнаго пролетаріата — вотъ наша ближайшая цѣль. Вотъ какое государство, вотъ на какой экономической основѣ, намъ необходимо. Вотъ что дастъ уничтоженіе парламентаризма и сохраненіе представительныхъ учрежденій, вотъ что избавитъ трудящіеся классы отъ проституированія этихъ учрежденій буржуазіей.

4. Организація единства націи.

...«Въ томъ короткомъ очеркѣ національной организаціи, который Коммуна не имѣла времени разработать дальше, говорится вполнѣ опредѣленно, что Коммуна должна была.... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... Отъ коммунъ выбиралась бы и «національная делегація» въ Парижѣ.

...«Немногія, но очень важныя функціи, которыя остались бы тогда еще за центральнымъ правительствомъ, не должны были быть отмѣнены, — такое утвержденіе было сознательнымъ подлогомъ, — а должны были быть переданы коммунальнымъ, т.-е. строго отвѣтственнымъ чиновникамъ»...

...«Единство націи подлежало не уничтоженію, а напротивъ организаціи посредствомъ коммунальнаго устройства. Единство націи должно было стать дѣйствительностью посредствомъ уничтоженія той государственной власти, которая выдавала себя за воплощеніе этого единства, но хотѣла быть независимой отъ націи, надъ нею стоящей. На дѣлѣ эта государственная власть была лишь паразитическимъ наростомъ на тѣлѣ націи»... «Задача состояла въ томъ, чтобы отсѣчь чисто угнетательскіе органы старой правительственной власти, ея же правомѣрныя функціи отнять у такой власти, которая претендуетъ на то, чтобы стоять надъ обществомъ, и передать отвѣтственнымъ слугамъ общества».

До какой степени не поняли — можетъ быть, вѣрнѣе будетъ сказать: не захотѣли понять — оппортунисты современной соціалъ-демократіи эти разсужденія Маркса, лучше всего показываетъ геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи». Именно по поводу приведенныхъ словъ Маркса Бернштейнъ писалъ, что эта программа «по своему политическому содержанію обнаруживаетъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ величайшее сходство съ федерализмомъ—Прудона... При всѣхъ прочихъ расхожденіяхъ между Марксомъ и «мелкимъ буржуа» Прудономъ (Бернштейнъ ставитъ слова «мелкій буржуа» въ кавычки, которыя должны быть, по его мнѣнію, ироническими) въ этихъ пунктахъ ходъ мысли у нихъ настолько близокъ, какъ только возможно. Конечно, продолжаетъ Бернштейнъ, значеніе муниципалитетовъ растетъ, но «мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы первой задачей демократіи было такое упраздненіе (Auflösung—буквально: распущеніе, раствореніе) современныхъ государствъ и такое полное измѣненіе (Umwandlung — переворотъ) ихъ организаціи, какъ представляютъ себѣ Марксъ и Прудонъ — образованіе національнаго собранія изъ делегатовъ отъ про-

винціальныхъ или областныхъ собраній, которыя, въ свою очередь, составлялись бы изъ делегатовъ отъ коммунъ,—такъ что вся прежняя форма національныхъ представительствъ исчезла бы совершенно» (Бернштейнъ, «Предпосылки», стр. 134 и 136 нѣмецкаго изданія 1899 года).

Это прямо чудовищно: смѣшать взгляды Маркса на «уничтоженіе государственной власти—паразита» съ федерализмомъ Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и въ голову не приходитъ, что Марксъ говоритъ здѣсь вовсе не о федерализмѣ въ противовѣсъ централизму, а о разбитіи старой, буржуазной, во всѣхъ буржуазныхъ странахъ существующей государственной машины.

Оппортунисту приходитъ въ голову только то, что онъ видитъ вокругъ себя, въ средѣ мѣщанской обывательщины и «реформистскаго» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революціи пролетаріата оппортунистъ разучился и думать.

Это смѣшно. Но замѣчательно, что въ этомъ пунктѣ съ Бернштейномъ не спорили. Бернштейна многіе опровергали—особенно Плехановъ въ русской литературѣ, Каутскій въ европейской, но ни тотъ ни другой объ **этомъ** извращеніи Маркса Бернштейномъ не говорили.

Оппортунистъ настолько разучился мыслить революціонно и размышлять о революціи, что онъ приписываетъ «федерализмъ» Марксу, смѣшивая его съ основателемъ анархизма Прудономъ. А желающіе быть ортодоксальными марксистами, отстоять ученіе революціоннаго марксизма Каутскій и Плехановъ объ этомъ молчатъ! Здѣсь лежитъ одинъ изъ корней того крайняго опошленія взглядовъ на разницу между марксизмомъ и анархизмомъ, которое свойственно и каутскіанцамъ и оппортунистамъ, и о которомъ намъ еще придется говорить.

Федерализма въ приведенныхъ разсужденіяхъ Маркса объ опытѣ Коммуны нѣтъ и слѣда. Марксъ сходится съ Прудономъ какъ разъ въ томъ, чего не видитъ оппортунистъ Бернштейнъ. Марксъ расходится съ Прудономъ какъ разъ въ томъ, въ чемъ Бернштейнъ видитъ ихъ сходство.

Марксъ сходится съ Прудономъ въ томъ, что они оба стоятъ за «разбитіе» современной государственной машины. Этого сходства марксизма съ анархизмомъ (и съ Прудономъ и съ Бакунинымъ) ни оппортунисты ни каутскіанцы не

хотятъ видѣть, ибо они отошли отъ марксизма въ этомъ пунктѣ.

Марксъ расходится и съ Прудономъ и съ Бакунинымъ какъ разъ по вопросу о федерализмѣ (не говоря уже о диктатурѣ пролетаріата). Изъ мелкобуржуазныхъ воззрѣній анархизма федерализмъ вытекаетъ принципіально. Марксъ централистъ. И въ приведенныхъ его разсужденіяхъ нѣтъ никакого отступленія отъ централизма. Только люди, полные мѣщанской «суевѣрной вѣры» въ государство, могутъ принимать уничтоженіе буржуазной машины за уничтоженіе централизма.

Ну, а если пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство возьмутъ въ руки государственную власть, организуются вполнѣ свободно по коммунамъ и объединятъ дѣйствіе всѣхъ коммунъ въ ударахъ капиталу, въ разрушеніи сопротивленія капиталистовъ, въ передачѣ частной собственности на желѣзныя дороги. фабрики, землю и прочее всей націи, всему обществу, развѣ это не будетъ централизмъ? Развѣ это не будетъ самый послѣдовательный демократическій централизмъ? И притомъ пролетарскій централизмъ?

Бернштейну просто не можетъ придти въ голову, что возможенъ добровольный централизмъ, добровольное объединеніе коммунъ въ націю, добровольное сліяніе пролетарскихъ коммунъ въ дѣлѣ разрушенія буржуазнаго господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, какъ всякому филистеру, централизмъ рисуется какъ нѣчто только сверху, только чиновничествомъ и военщиной могущее быть навязаннымъ и сохраненнымъ.

Марксъ нарочно, какъ бы предвидя возможность извращенія его взглядовъ, подчеркиваетъ, что сознательнымъ подлогомъ являются обвиненія Коммуны въ томъ, будто она хотѣла уничтожить единство націи, смѣнить центральную власть. Марксъ нарочно употребляетъ выраженіе «организовать единство націи», чтобы противопоставить сознательный, демократическій, пролетарскій централизмъ буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякаго глухого, кто не хочетъ слушать. А оппортунистамъ современной соціалъ-демократіи именно не хочется слушать объ уничтоженіи государственной власти, объ отсѣченіи паразита.

5. Уничтоженіе паразита—государства.

Мы привели уже соотвѣтствующія слова Маркса и должны дополнить ихъ.

...«Обычной судьбой новаго историческаго творчества—писалъ Марксъ—является то, что его принимаютъ за подобіе старыхъ и даже отжившихъ формъ общественной жизни, на которыя новыя учрежденія сколько-нибудь похожи. Такъ и эта новая Коммуна, которая ломаетъ (bricht,—разбиваетъ) современную государственную власть, была разсматриваема, какъ воскрешеніе средневѣковой Коммуны... какъ союзъ мелкихъ государствъ (Монтескье, жирондисты)... какъ преувеличенная форма старой борьбы противъ чрезмѣрной централизаціи»...

...«Коммунальное устройство вернуло бы общественному тѣлу всѣ тѣ силы, которыя до сихъ поръ пожиралъ этотъ паразитическій наростъ «государство», кормящійся на счетъ общества и задерживающій его свободное движеніе. Однимъ уже этимъ было бы двинуто впередъ возрожденіе Франціи»...

...«Коммунальное устройство привело бы сельскихъ производителей подъ духовное руководство главныхъ городовъ каждой области и обезпечило бы имъ тамъ, въ лицѣ городскихъ рабочихъ, естественныхъ представителей ихъ интересовъ. Самое уже существованіе Коммуны вело за собой, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, мѣстное самоуправленіе, но уже не въ качествѣ противовѣса государственной власти, которая теперь дѣлается излишней»...

«Уничтоженіе государственной власти», которая была «паразитическимъ наростомъ», «отсѣченіе» ея, «разрушеніе» ея; «государственная власть дѣлается теперь излишней»—вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ Марксъ о государствѣ, оцѣнивая и анализируя опытъ Коммуны.

Все это писано было безъ малаго полвѣка тому назадъ, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознанія широкихъ массъ довести неизвращенный марксизмъ. Выводы, сдѣланные изъ наблюденій надъ послѣдней великой революціей, которую пережилъ Марксъ, забыли какъ разъ

тогда, когда подошла пора слѣдующихъ великихъ революцій пролетаріата.

...«Разнообразіе истолкованій, которыя вызвала Коммуна, и разнообразіе интересовъ, нашедшихъ въ ней свое выраженіе, доказываютъ, что она была въ высшей степени гибкой политической формой, между тѣмъ какъ всѣ прежнія формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ея настоящей тайной было вотъ что: она была, по сути дѣла, правительствомъ рабочаго класса, результатомъ борьбы производительнаго класса противъ класса присваивающаго, она была открытой наконецъ политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобожденіе труда»...

«Безъ этого послѣдняго условія коммунальное устройство было бы невозможностью и обманомъ»...

Утописты занимались «открываніемъ» политическихъ формъ, при которыхъ должно бы произойти соціалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались отъ вопроса о политическихъ формахъ вообще. Оппортунисты современной соціалъ-демократіи приняли буржуазныя политическія формы парламентарнаго демократическаго государства за предѣлъ, его же не прейдеши, и разбивали себѣ лобъ, молясь на этотъ «образецъ», объявляли анархизмомъ всякое стремленіе сломать эти формы.

Марксъ вывелъ изъ всей исторіи соціализма и политической борьбы, что государство должно будетъ исчезнуть, что переходной формой его исчезновенія (переходомъ отъ государства къ не-государству) будетъ «организованный въ господствующій классъ пролетаріатъ». Но открывать политическія формы этого будущаго Марксъ не брался. Онъ ограничился точнымъ наблюденіемъ французской исторіи, анализомъ ея и заключеніемъ, къ которому приводилъ 1851-ый годъ: дѣло подходитъ къ разрушенію буржуазной государственной машины.

И когда массовое революціонное движеніе пролетаріата разразилось, Марксъ, несмотря на неудачу этого движенія, несмотря на его кратковременность и бьющую въ глаза слабость, сталъ изучать, какія формы открыло оно.

Коммуна—«открытая наконецъ» пролетарской революціей

форма, при которой можетъ произойти экономическое освобожденіе труда.

Коммуна—первая попытка пролетарской революціи разбить буржуазную государственную машину и «открытая наконецъ» политическая форма, которою можно и должно замѣнить разбитое.

Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что русскія революціи 1905 и 1917 годовъ, въ иной обстановкѣ, при иныхъ условіяхъ, продолжаютъ дѣло Коммуны и подтверждаютъ геніальный историческій анализъ Маркса.

ГЛАВА IV.

Продолженіе. Дополнительныя поясненія Энгельса.

Марксъ далъ основное по вопросу о значеніи опыта Коммуны. Энгельсъ неоднократно возвращался къ этой же темѣ, поясняя анализъ и заключенія Маркса, иногда съ такой силой и рельефностью освѣщая другія стороны вопроса, что на этихъ поясненіяхъ необходимо особо остановиться.

I. «Жилищный вопросъ».

Въ своемъ сочиненіи о жилищномъ вопросѣ (1872 г.) Энгельсъ учитываетъ уже опытъ Коммуны, останавливаясь нѣсколько разъ на задачахъ революціи по отношенію къ государству. Интересно, что на конкретной темѣ выясняются наглядно, съ одной стороны, черты сходства пролетарскаго государства съ теперешнимъ государствомъ,—черты, дающія основаніе въ обоихъ случаяхъ говорить о государствѣ,—а съ другой стороны, черты различія или переходъ къ уничтоженію государства.

> «Какъ разрѣшить жилищный вопросъ? Въ современномъ обществѣ онъ рѣшается совершенно такъ же, какъ всякій другой общественный вопросъ: постепен-

нымъ экономическимъ выравниваніемъ спроса и предложенія, а это такое рѣшеніе, которое постоянно само порождаетъ вопросъ заново, т.-е. не даетъ никакого рѣшенія. Какъ рѣшитъ этотъ вопросъ соціальная революція, это зависитъ не только отъ обстоятельствъ времени и мѣста, это связано также съ вопросами, идущими гораздо дальше, среди которыхъ одинъ изъ важнѣйшихъ—вопросъ объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней. Такъ какъ мы не занимаемся сочиненіемъ утопическихъ системъ устройства будущаго общества, то было бы болѣе чѣмъ празднымъ дѣломъ останавливаться на этомъ. Несомнѣнно одно, именно, что уже теперь въ большихъ городахъ достаточно жилыхъ зданій, чтобы тотчасъ помочь дѣйствительной нуждѣ въ жилищахъ при разумномъ использованіи этихъ зданій. Это осуществимо, разумѣется, лишь посредствомъ экспропріаціи теперешнихъ владѣльцевъ и посредствомъ поселенія въ этихъ домахъ бездомныхъ рабочихъ или рабочихъ, живущихъ теперь въ слишкомъ перенаселенныхъ квартирахъ. И какъ только пролетаріатъ завоюетъ политическую власть, подобная мѣра, предписываемая интересами общественной пользы, будетъ столь же легко выполнима, какъ и прочія экспропріаціи и занятія квартиръ современнымъ государствомъ» (стр. 22 нѣм. изданія 1887 года).

Здѣсь измѣненіе формы государственной власти не разсматривается, а берется только содержаніе ея дѣятельности. Экспропріаціи и занятія квартиръ происходятъ и по распоряженію теперешняго государства. Пролетарское государство, съ формальной стороны дѣла, тоже «распорядится» занять квартиры и экспропріировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппаратъ, чиновничество, связанное съ буржуазіей, былъ бы просто непригоденъ для проведенія въ жизнь распоряженій пролетарскаго государства.

...«Необходимо констатировать, что фактическое овладѣніе всѣми орудіями труда, всей индустріей со стороны трудящагося народа является прямой противоположностью прудонистскаго «выкупа». При послѣднемъ отдѣльный рабочій становится собственникомъ жилища, крестьянскаго участка земли, орудій труда;

при первомъ же совокупнымъ собственникомъ домовъ, фабрикъ и орудій труда остается «трудящійся народъ». Пользованіе этими домами, фабриками и проч. едва ли будетъ предоставляться, по крайней мѣрѣ въ переходное время, отдѣльнымъ лицамъ или товариществамъ безъ покрытія издержекъ. Точно также уничтоженіе поземельной собственности не предполагаетъ уничтоженія поземельной ренты, а передачу ея, хотя и въ видоизмѣненной формѣ, обществу. Фактическое овладѣніе всѣми орудіями труда со стороны трудящагося народа не исключаетъ, слѣдовательно, никоимъ образомъ сохраненія найма и сдачи въ наемъ» (стр. 69).

Вопросъ, затронутый въ этомъ разсужденіи, именно: объ экономическихъ основаніяхъ отмиранія государства, мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ. Энгельсъ выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» безъ платы будетъ раздавать квартиры, «по крайней мѣрѣ въ переходное время». Сдача квартиръ, принадлежащихъ всему народу, отдѣльнымъ семьямъ за плату предполагаетъ и взиманіе этой платы и извѣстный контроль и ту или иную нормировку распредѣленія квартиръ. Все это требуетъ извѣстной формы государства, но вовсе не требуетъ особаго военнаго и бюрократическаго аппарата съ особопривилегированнымъ положеніемъ должностныхъ лицъ. А переходъ къ такому положенію дѣлъ, когда можно будетъ безплатно отдавать квартиры, связанъ съ полнымъ «отмираніемъ» государства.

Говоря о переходѣ бланкистовъ, послѣ Коммуны и подъ вліяніемъ ея опыта, на принципіальную позицію марксизма, Энгельсъ мимоходомъ формулируетъ эту позицію слѣдующимъ образомъ:

> ...«Необходимость политическаго дѣйствія пролетаріата и его диктатуры, какъ переходъ къ отмѣнѣ классовъ, а вмѣстѣ съ ними и государства»... (стр. 55).

Какіе-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрятъ, пожалуй, противорѣчіе между этимъ признаніемъ «отмѣны государства» и отрицаніемъ такой формулы, какъ анархистской, въ приведенномъ выше мѣстѣ «Анти-Дюринга». Было бы неудивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили въ «анархисты»,—теперь все распространеннѣе становится со стороны

соціалъ-шовинистовъ обвиненіе интернаціоналистовъ въ анархизмѣ.

Что вмѣстѣ съ отмѣной классовъ произойдетъ и отмѣна государства, этому марксизмъ училъ всегда. Общеизвѣстное мѣсто объ «отмираніи государства» въ «Анти-Дюрингѣ» обвиняетъ анархистовъ не просто въ томъ, что они стоятъ за отмѣну государства, а въ томъ, что они проповѣдуютъ, будто возможно отмѣнить государство «съ сего дня на завтра»

Въ виду полнаго искаженія господствующей нынѣ «соціалъ-демократической» доктриной отношенія марксизма къ анархизму по вопросу объ уничтоженіи государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса съ анархистами.

2. Полемика съ анархистами.

Эта полемика относится къ 1873-му году. Марксъ и Энгельсъ дали статьи противъ прудонистовъ «автономистовъ» или «антиавторитаристовъ», въ итальянскій соціалистическій сборникъ, и только въ 1913 году эти статьи появились въ нѣмецкомъ переводѣ въ «Neue Zeit».

> ...«Если политическая борьба рабочаго класса,— писалъ Марксъ, высмѣивая анархистовъ съ ихъ отрицаніемъ политики,—принимаетъ революціонныя формы, если рабочіе на мѣсто диктатуры буржуазіи ставятъ свою революціонную диктатуру, то они совершаютъ ужасное преступленіе оскорбленія принциповъ, ибо для удовлетворенія своихъ жалкихъ, грубыхъ потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивленіе буржуазіи, рабочіе придаютъ государству революціонную и преходящую форму, вмѣсто того, чтобы сложить оружіе и отмѣнить государство»... (Neue Zeit, 1913—14, годъ 32, т. 1, стр. 40).

Вотъ противъ какой «отмѣны» государства возставалъ исключительно Марксъ, опровергая анархистовъ! Совсѣмъ не противъ того, что государство исчезнетъ съ исчезновеніемъ классовъ или будетъ отмѣнено съ ихъ отмѣной, а противъ того, чтобы рабочіе отказались отъ употребленія оружія, отъ организованнаго насилія, то-есть отъ государства,

долженствующаго служить цѣли: «сломить сопротивленіе буржуазіи».

Марксъ нарочно подчеркиваетъ—чтобы не искажали истинный смыслъ его борьбы съ анархизмомъ—«революціонную и преходящую форму» государства, необходимаго для пролетаріата. Пролетаріату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся съ анархистами по вопросу объ отмѣнѣ государства, какъ цѣли. Мы утверждаемъ, что для достиженія этой цѣли необходимо временное использованіе орудій, средствъ, пріемовъ государственной власти противъ эксплуататоровъ, какъ для уничтоженія классовъ необходима временная диктатура угнетеннаго класса. Марксъ выбираетъ самую рѣзкую и самую ясную постановку вопроса противъ анархистовъ: свергая иго капиталистовъ, должны ли рабочіе «сложить оружіе» или использовать его противъ капиталистовъ, для того, чтобы сломить ихъ сопротивленіе? А систематическое использованіе оружія однимъ классомъ противъ другого класса, что это такое, какъ не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый соціалъ-демократъ спроситъ себя: такъ-ли ставилъ онъ вопросъ о государствѣ въ полемикѣ съ анархистами. Такъ-ли ставило этотъ вопросъ огромное большинство оффиціальныхъ соціалистическихъ партій второго Интернаціонала?

Энгельсъ еще гораздо подробнѣе и популярнѣе излагаетъ тѣ же мысли. Онъ высмѣиваетъ прежде всего путаницу мысли у прудонистовъ, которые звали себя «антиавторитаристами», т.-е. отрицали всякій авторитетъ, всякое подчиненіе, всякую власть. Возьмите фабрику, желѣзную дорогу, судно въ открытомъ морѣ—говоритъ Энгельсъ—развѣ не ясно, что безъ извѣстнаго подчиненія, слѣдовательно, безъ извѣстнаго авторитета или власти невозможно функціонированіе ни одного изъ этихъ сложныхъ техническихъ заведеній, основанныхъ на примѣненіи машинъ и планомѣрномъ сотрудничествѣ многихъ лицъ?

> ...«Если я выдвигаю эти аргумнеты — пишетъ Энгельсъ — противъ самыхъ отчаянныхъ антиавторитаристовъ, то они могутъ дать мнѣ лишь слѣдующій отвѣтъ: «А! это правда, но дѣло идетъ здѣсь не объ авторитетѣ, которымъ мы надѣляемъ нашихъ делега-

товъ, а объ извѣстномъ порученіи». Эти люди думаютъ, что мы можемъ измѣнить извѣстную вещь, если мы измѣнимъ ея имя»...

Показавъ такимъ образомъ, что авторитетъ и автономія понятія относительныя, что область примѣненія ихъ мѣняется съ различными фазами общественнаго развитія, что за абсолюты принимать ихъ нелѣпо, добавивъ, что область примѣненія машинъ и крупнаго производства все расширяется, Энгельсъ переходитъ отъ общихъ разсужденій объ авторитетѣ къ вопросу о государствѣ.

...«Если бы автономисты — пишетъ онъ — хотѣли сказать только, что соціальная организація будущаго будетъ допускать авторитетъ лишь въ тѣхъ границахъ, которыя съ неизбѣжностью предписываются условіями производства, тогда съ ними можно бы было столковаться. Но они слѣпы по отношенію ко всѣмъ фактамъ, которые дѣлаютъ необходимымъ авторитетъ, и они борются страстно противъ слова.

«Почему антиавторитаристы не ограничиваются тѣмъ, чтобы кричать противъ политическаго авторитета, противъ государства? Всѣ соціалисты согласны въ томъ, что государство, а вмѣстѣ съ нимъ и политическій авторитетъ исчезнутъ вслѣдствіе будущей соціальной революціи, т.-е., что общественныя функціи потеряютъ свой политическій характеръ и превратятся въ простыя административныя функціи, наблюдающія за соціальными интересами. Но антиавторитаристы требуютъ, чтобы политическое государство было отмѣнено однимъ ударомъ, еще раньше, чѣмъ будутъ отмѣнены тѣ соціальныя отношенія, которыя породили его. Они требуютъ, чтобы первымъ актомъ соціальной революціи была отмѣна авторитета.

«Видали-ли они когда-нибудь революцію, эти господа? Революція есть, несомнѣнно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революція есть актъ, въ которомъ часть населенія навязываетъ свою волю другой части посредствомъ ружей, штыковъ, пушекъ, т.-е. средствъ чрезвычайно авторитарныхъ. И побѣдившая партія по необходимости бываетъ вынуждена удерживать свое господство посредствомъ того страха, кото-

рый внушаетъ реакціонерамъ ея оружіе. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитетъ вооруженнаго народа противъ буржуазіи, то развѣ бы она продержалась дольше одного дня? Не въ правѣ ли мы наоборотъ порицать Коммуну за то, что она слишкомъ мало пользовалась этимъ авторитетомъ? Итакъ: или авторитаристы не знаютъ сами, что они говорятъ, и въ этомъ случаѣ они сѣютъ лишь путаницу, или они это знаютъ, и въ этомъ случаѣ они измѣняютъ дѣлу пролетаріата. Въ обоихъ случаяхъ они служатъ только реакціи» (стр. 39).

Въ этомъ разсужденіи затронуты вопросы, которые слѣдуетъ разсмотрѣть въ связи съ темой о соотношеніи политики и экономики при отмираніи государства (этой темѣ посвящена слѣдующая глава). Таковы вопросы о превращеніи общественныхъ функцій изъ политическихъ въ простыя административныя и о «политическомъ государствѣ». Это послѣднее выраженіе, въ особенности способное вызвать недоразумѣнія, указываетъ на процессъ отмиранія государства: отмирающее государство на извѣстной ступени его отмиранія можно назвать неполитическимъ государствомъ.

Наиболѣе замѣчательна въ данномъ разсужденіи Энгельса опять-таки постановка вопроса противъ анархистовъ. Соціалъ-демократы, желающіе быть учениками Энгельса, милліоны разъ спорили съ 1873 года противъ анархистовъ, но спорили именно н е такъ, какъ можно и должно спорить марксистамъ. Анархистское представленіе объ отмѣнѣ государства путано и н е р е в о л ю ц і о н н о, вотъ какъ ставилъ вопросъ Энгельсъ. Анархисты именно революціи-то въ ея возникновеніи и развитіи, въ ея специфическихъ задачахъ по отношенію къ насилію, авторитету, власти, государству, видѣть не хотятъ.

Обычная критика анархизма у современныхъ соціалъ-демократовъ свелась къ чистѣйшей мѣщанской пошлости: «мы-де признаемъ государство, а анархисты нѣтъ!» Разумѣется, такая пошлость не можетъ не отталкивать сколько-нибудь мыслящихъ и революціонныхъ рабочихъ. Энгельсъ говоритъ иное: онъ подчеркиваетъ, что всѣ соціалисты признаютъ исчезновеніе государства, какъ слѣдствіе соціалистической революціи. Онъ ставитъ затѣмъ конкретно вопросъ

о революціи, тотъ именно вопросъ, который обычно соціалъ-демократы изъ оппортунизма обходятъ, оставляя его, такъ сказать, на исключительную «разработку» анархистамъ. И ставя этотъ вопросъ, Энгельсъ беретъ быка за рога: не слѣдовало ли Коммунѣ больше пользоваться революціонной властью государства, т.-е. вооруженнаго, организованнаго въ господствующій классъ пролетаріата?

Господствующая оффиціальная соціалъ-демократія отъ вопроса о конкретныхъ задачахъ пролетаріата въ революціи обыкновенно отдѣлывалась либо просто насмѣшечкой филистера либо, въ лучшемъ случаѣ, уклончиво-софистическимъ: «тамъ видно будетъ». И анархисты получали право говорить противъ такой соціалъ-демократіи, что она измѣняетъ своей задачѣ революціоннаго воспитанія рабочихъ. Энгельсъ используетъ опытъ послѣдней пролетарской революціи именно для самаго конкретнаго изученія, что и какъ слѣдутъ дѣлать пролетаріату и по отношенію къ банкамъ и по отношенію къ государству.

3. Письмо къ Бебелю.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, если не самымъ замѣчательнымъ разсужденіемъ въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса по вопросу о государствѣ является слѣдующее мѣсто въ письмѣ Энгельса къ Бебелю отъ 18—28 марта 1875 г. Письмо это, замѣтимъ въ скобкахъ, было напечатано, насколько мы знаемъ, впервые Бебелемъ во второмъ томѣ его мемуаровъ («Изъ моей жизни»), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1911 г., т.-е. 36 лѣтъ спустя послѣ его составленія и отправки.

Энгельсъ писалъ Бебелю, критикуя тотъ самый проектъ Готской программы, который критиковалъ и Марксъ въ знаменитомъ письмѣ къ Бракка, и касаясь спеціально вопроса о государствѣ, слѣдующее:

> ...Свободное народное государство превратилось въ свободное государство. По грамматическому смыслу этихъ словъ свободное государство есть такое, въ которомъ государство свободно по отношенію къ своимъ гражданамъ, т.-е. государство съ деспотическимъ правительствомъ. Слѣдовало бы бросить всю эту болтовню о государствѣ, особенно послѣ Коммуны, которая не

была уже государствомъ въ собственномъ смыслѣ. «Народнымъ государствомъ» анархисты кололи намъ глаза болѣе чѣмъ достаточно, хотя уже сочиненіе Маркса противъ Прудона, а затѣмъ «Коммунистическій Манифестъ» говорятъ прямо, что съ введеніемъ соціалистическаго общественнаго строя государство само собою распускается (sich auflôst) и исчезаетъ. Такъ какъ государство есть лишь преходящее учрежденіе, которымъ приходится пользоваться въ борьбѣ, въ революціи, чтобы насильственно подавить своихъ противниковъ, то говорить о свободномъ народномъ государствѣ есть чистая безсмыслица: пока пролетаріатъ еще нуждается въ государствѣ, онъ нуждается въ немъ не въ интересахъ свободы, а въ интересахъ подавленія своихъ противниковъ, а когда становится возможнымъ говорить о свободѣ, тогда государство, какъ таковое, перестаетъ существовать. Мы предложили бы поэтому поставить вездѣ вмѣсто слова государство слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое нѣмецкое слово, соотвѣтствующее французскому слову «Коммуна» (стр. 322 нѣмецкаго оригинала).

Надо имѣть въ виду, что это письмо относится къ партійной программѣ, которую Марксъ критиковалъ въ письмѣ, помѣченномъ всего нѣсколькими недѣлями позже даннаго письма (письмо Маркса отъ 5 мая 1875 г.), и что Энгельсъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Марксомъ, въ Лондонѣ. Поэтому, говоря: «мы» въ послѣдней фразѣ, Энгельсъ, несомнѣнно, отъ своего и Маркса имени предлагаетъ вождю нѣмецкой рабочей партіи выкинуть изъ программы слово «государство» и замѣнить его словомъ «община».

Какой бы вой объ «анархизмѣ» подняли главари нынѣшняго, поддѣланнаго подъ удобства оппортунистовъ, «марксизма», если бы имъ предложили такое исправленіе программы!

Пусть воютъ. За это ихъ похвалитъ буржуазія.

А мы будемъ дѣлать свое дѣло. При пересмотрѣ программы нашей партіи совѣтъ Энгельса и Маркса безусловно слѣдуетъ принять во вниманіе, чтобы быть ближе къ истинѣ, чтобы возстановить марксизмъ, очистивъ его отъ искаженій, чтобы вѣрнѣе направить борьбу рабочаго класса за его освобожденіе. Среди большевиковъ, навѣрное противниковъ со-

вѣта Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будетъ, пожалуй, только въ терминѣ. По-нѣмецки есть два слова: «община», изъ которыхъ Энгельсъ выбралъ такое, которое не означаетъ отдѣльной общины, а совокупность ихъ, систему общинъ. По-русски такого слова нѣтъ и можетъ быть придется выбрать французское слово «Коммуна», хотя это тоже имѣетъ свои неудобства.

«Коммуна не была уже государствомъ въ собственномъ смыслѣ»—вотъ важнѣйшее, теоретически, утвержденіе Энгельса. Послѣ изложеннаго выше, это утвержденіе вполнѣ понятно. Коммуна переставала быть государствомъ, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населенія, а меньшинство (эксплуататоровъ); буржуазную государственную машину она разбила; вмѣсто особой силы для подавленія на сцену выдвигалось само населеніе. Все это отступленія отъ государства въ собственномъ смыслѣ. И если бы Коммуна упрочилась, то въ ней сами собой «отмерли» бы слѣды государства, ей бы не надо было «отмѣнять» его учрежденій: они перестали бы функціонировать по мѣрѣ того, какъ имъ становилось бы нечего дѣлать.

«Анархисты колютъ намъ глаза «народнымъ государствомъ»; говоря это, Энгельсъ имѣетъ въ виду прежде всего Бакунина и его нападки на нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Энгельсъ признаетъ эти нападки постольку правильными, поскольку «народное государство» есть такая же безсмыслица и такое же отступленіе отъ соціализма, какъ и «свободное народное государство». Энгельсъ старается поправить борьбу нѣмецкихъ с.-д. противъ анархистовъ, сдѣлать эту борьбу принципіально правильной, очистить ее отъ оппортунистическихъ предразсудковъ насчетъ «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лѣтъ пролежало подъ спудомъ. Мы увидимъ ниже, что и послѣ опубликованія этого письма Каутскій упорно повторяетъ, въ сущности, тѣ же ошибки, отъ которыхъ предостерегалъ Энгельсъ.

Бебель отвѣтилъ Энгельсу письмомъ отъ 21 сент. 1875 г., въ которомъ онъ писалъ, между прочимъ, что «вполнѣ согласенъ» съ его сужденіемъ о проектѣ программы и что онъ упрекалъ Либкнехта за уступчивость (стр. 304 нѣм. изданія мемуаровъ Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цѣли», то мы встрѣтимъ въ ней совершенно невѣрныя

разсужденія о государствѣ: «Государство должно быть превращено изъ основаннаго на классовомъ господствѣ государства въ народное государство» (нѣм. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Такъ напечатано въ 9-омъ (девятомъ!) изданіи брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повтореніе оппортунистическихъ разсужденій о государствѣ впитывалось нѣмецкой соціалъ-демократіей, особенно когда революціонныя разъясненія Энгельса клались подъ спудъ, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» отъ революціи.

4. Критика проекта Эрфуртской программы.

Критика проекта Эрфуртской программы, посланная Энгельсомъ Каутскому 29 іюня 1891 года и опубликованная только десять лѣтъ спустя въ «Neue Zeit», не можетъ быть обойдена при разборѣ ученія марксизма о государствѣ, потому что она посвящена главнымъ образомъ именно критикѣ оппортунистическихъ воззрѣній соціалъ-демократіи въ вопросахъ государственнаго устройства.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что по вопросамъ экономики Энгельсъ даетъ также одно замѣчательно цѣнное указаніе, которое показываетъ, какъ внимательно и вдумчиво слѣдилъ онъ именно за видоизмѣненіями новѣйшаго капитализма и какъ сумѣлъ онъ поэтому предвосхитить въ извѣстной степени задачи нашей, имперіалистической, эпохи. Вотъ это указаніе: по поводу слова «отсутствіе планомѣрности» (Planlosigkeit), употребленнаго въ проектѣ программы для характеристики капитализма, Энгельсъ пишетъ:

> ...«Если мы отъ акціонерныхъ обществъ переходимъ къ трестамъ, которые подчиняютъ себѣ и монополизируютъ цѣлыя отрасли промышленности, то тутъ прекращается не только частное производство, но и отсутствіе планомѣрности» (Neue Zeit, годъ 20, т. 1, 1901—2, стр. 8).

Здѣсь взято самое основное въ теоретической оцѣнкѣ новѣйшаго капитализма, т.-е. имперіализма, именно что капитализмъ превращается въ монополистическій капитализмъ. Послѣднее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утвержденіе, будто монополистическій или государственно-монополистиче-

скій капитализмъ уже не есть капитализмъ, уже можетъ быть названъ «государственнымъ соціализмомъ» и тому подобное. Полной планомѣрности, конечно, тресты не давали, не даютъ до сихъ поръ и не могутъ дать. Но поскольку они даютъ планомѣрность, поскольку магнаты капитала напередъ учитываютъ размѣры производства въ національномъ или даже интернаціональномъ масштабѣ, поскольку они его планомѣрно регулируютъ, мы остаемся все же при капитализмѣ, хотя и въ новой его стадіи, но несомнѣнно при капитализмѣ. «Близость» такого капитализма къ соціализму должна быть для дѣйствительныхъ представителей пролетаріата доводомъ за близость, легкость, осуществимость, неотложность соціалистической революціи, а вовсе не доводомъ за то, чтобы терпимо относиться къ отрицанію этой революціи и къ подкрашиванію капитализма, чѣмъ занимаются всѣ реформисты.

Но вернемся къ вопросу о государствѣ. Троякаго рода особенно цѣнныя указанія даетъ здѣсь Энгельсъ: во-первыхъ, по вопросу о республикѣ; во-вторыхъ, о связи національнаго вопроса съ устройствомъ государства; въ-третьихъ, о мѣстномъ самоуправленіи.

Что касается республики, то Энгельсъ сдѣлалъ изъ этого центръ тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомнимъ, какое значеніе Эрфуртская программа пріобрѣла во всей международной соціалдемократіи, какъ она стала образцомъ для всего второго Интернаціонала, то безъ преувеличенія можно будетъ сказать, что Энгельсъ критикуетъ здѣсь оппортунизмъ всего второго Интернаціонала.

> «Политическія требованія проекта — пишетъ Энгельсъ—страдаютъ большимъ недостаткомъ. Въ немъ нѣтъ того (курсивъ Энгельса), что собственно слѣдовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституція есть собственно слѣпокъ съ реакціоннѣйшей конституціи 1850 года, что рейхстагъ есть лишь, какъ выразился Вильгельмъ Либкнехтъ, «фиговый листокъ абсолютизма», что на основѣ конституціи, узаконяющей мелкія государства и союзъ нѣмецкихъ мелкихъ государствъ, хотѣть осуществить «превращеніе всѣхъ орудій труда въ общую собственность»—«очевидная безсмыслица».

> «Касаться этой темы опасно»—добавляетъ Энгельсъ, прекрасно знающій, что легально выставить въ про-

граммѣ требованіе республики въ Германіи нельзя. Но Энгельсъ не мирится просто-на-просто съ этимъ очевиднымъ соображеніемъ, которымъ «всѣ» удовлетворяются. Энгельсъ продолжаетъ:—«Но дѣло тѣмъ не менѣе такъ или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показываетъ именно теперь распространяющійся (einreissende) въ большой части соц.-дем. печати оппортунизмъ. Изъ боязни возобновленія закона противъ соціалистовъ, или вспоминая нѣкоторыя сдѣланныя при господствѣ этого закона преждевременныя заявленія, хотятъ теперь, чтобы партія признала теперешній законный порядокъ въ Германіи достаточнымъ для мирнаго осуществленія всѣхъ ея требованій»...

Что германскіе соціалъ-демократы дѣйствовали изъ боязни возобновленія исключительнаго закона, этотъ основной фактъ Энгельсъ выдвигаетъ на первый планъ и, не обинуясь, называетъ его оппортунизмомъ, объявляя именно въ силу отсутствія республики и свободы въ Германіи совершенно безсмысленными мечты о «мирномъ» пути. Энгельсъ достаточно остороженъ, чтобы не связать себѣ рукъ. Онъ признаетъ, что въ странахъ съ республикой или съ очень большой свободой «можно себѣ представить» (только «представить»!) мирное развитіе къ соціализму, но въ Германіи, повторяетъ онъ,

...«въ Германіи, гдѣ правительство почти всесильно, а рейхстагъ и всѣ другія представительныя учрежденія не имѣютъ дѣйствительной власти, въ Германіи провозглашать нѣчто подобное, и притомъ безъ всякой надобности, значитъ снимать фиговый листокъ съ абсолютизма и самому становиться для прикрытія наготы»...

Прикрывателями абсолютизма дѣйствительно и оказались въ громадномъ большинствѣ оффиціальные вожди германской с. д. партіи, которая положила «подъ сукно» эти указанія.

...«Подобная политика можетъ лишь, въ концѣ концовъ, привести партію на ложный путь. На первый планъ выдвигаютъ общіе, абстрактные политическіе вопросы и такимъ образомъ прикрываютъ ближайшіе конкретные вопросы, которые сами собою становятся въ порядокъ дня при первыхъ же крупныхъ событіяхъ, при первомъ политическомъ кризисѣ. Что можетъ выйти

изъ этого кромѣ того, что партія внезапно въ рѣшающій моментъ окажется безпомощной, что по рѣшающимъ вопросамъ въ ней господствуетъ неясность и отсутствіе единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

«Это забвеніе великихъ, коренныхъ соображеній изъ-за минутныхъ интересовъ дня, эта погоня за минутными успѣхами и борьба изъ за нихъ безъ учета дальнѣйшихъ послѣдствій, это принесеніе будущаго движенія въ жертву настоящему — можетъ быть происходитъ и изъ-за «честныхъ» мотивовъ. Но это есть оппортунизмъ и остается оппортунизмомъ, а «честный» оппортунизмъ, пожалуй, опаснѣе всѣхъ другихъ...

«Если что не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ это то, что наша партія и рабочій классъ могутъ придти къ господству только при такой политической формѣ, какъ демократическая республика. Эта послѣдняя является даже специфической формой для диктатуры пролетаріата, какъ показала уже великая французская революція»...

Энгельсъ повторяетъ здѣсь въ особенно рельефной формѣ ту основную идею, которая красной нитью тянется черезъ всѣ произведенія Маркса, именно что демократическая республика есть ближайшій подходъ къ диктатурѣ пролетаріата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а слѣдовательно, угнетенія массъ и классовой борьбы, неизбѣжно ведетъ къ такому расширенію, развертыванію, раскрытію и обостренію этой борьбы, что, разъ возникаетъ возможность удовлетворенія коренныхъ интересовъ угнетенныхъ массъ, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно въ диктатурѣ пролетаріата, въ руководствѣ этихъ массъ пролетаріатомъ. Для всего второго Интернаціонала это—тоже «забытыя слова» марксизма, и забвеніе ихъ необычайно ярко обнаружила исторія партіи меньшевиковъ за первое полугодіе русской революцій 1917 года.

По вопросу о федеративной республикѣ въ связи съ національнымъ составомъ населенія Энгельсъ писалъ:

«Что должно встать на мѣсто теперешней Германіи?» (съ ея реакціонной монархической конституціей и столь же реакціоннымъ дѣленіемъ на мелкія государства, дѣле-

ніемъ, увѣковѣчивающимъ особенности «пруссачества» вмѣсто того, чтобы растворить ихъ въ Германіи, какъ цѣломъ). «По моему, пролетаріатъ можетъ употреблять лишь форму единой и недѣлимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, въ общемъ и цѣломъ, необходимостью на гигантской территоріи Соед. Штатовъ, хотя на востокѣ ихъ она уже становится помѣхой. Она была бы шагомъ впередъ въ Англіи, гдѣ на двухъ островахъ живетъ четыре націи и, несмотря на единство парламента, существуютъ другъ подлѣ друга три системы законодательства. Она давно уже сдѣлалась помѣхой въ маленькой Швейцаріи, и если тамъ можно еще терпѣть федеративную республику, то только потому, что Швейцарія довольствуется ролью чисто пассивнаго члена европейской государственной системы. Для Германіи федералистическое ошвейцареніе ея было бы огромнымъ шагомъ назадъ. Два пункта отличаютъ союзное государство отъ вполнѣ единаго государства, именно: что каждое отдѣльное государство, входящее въ союзъ, имѣетъ свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затѣмъ то, что рядомъ съ народной палатой существуетъ палата представителей отъ государствъ, и въ ней каждый кантонъ голосуетъ, какъ таковой, независимо отъ того, великъ ли онъ или малъ». Въ Германіи союзное государство есть переходъ къ вполнѣ единому государству, и «революцію сверху» 1866-го и 1870-го годовъ надо не поворачивать вспять, а дополнить «движеніемъ снизу».

Энгельсъ не только не обнаруживаетъ равнодушія къ вопросу о формахъ государства, а напротивъ съ чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходныя формы, чтобы учесть, въ зависимости отъ конкретно-историческихъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая, переходомъ *отъ чего къ чему* данная переходная форма является.

Энгельсъ, какъ и Марксъ, отстаиваетъ, съ точки зрѣнія пролетаріата и пролетарской революціи, демократическій централизмъ, единую и нераздѣльную республику. Федеративную республику онъ разсматриваетъ либо какъ исключеніе и

помѣху развитію, либо какъ переходъ отъ монархіи къ централистической республикѣ, какъ «шагъ впередъ» при извѣстныхъ особыхъ условіяхъ. И среди этихъ особыхъ условій выдвигается національный вопросъ.

У Энгельса, какъ и у Маркса, несмотря на безпощадную критику ими реакціонности мелкихъ государствъ и прикрытія этой реакціонности національнымъ вопросомъ въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ, нигдѣ нѣтъ и тѣни стремленія отмахнуться отъ національнаго вопроса, — стремленія, которымъ часто грѣшатъ голландскіе и польскіе марксисты, исходящіе изъ законнѣйшей борьбы противъ мѣщански-узкаго національзма «своихъ» маленькихъ государствъ.

Даже въ Англіи, гдѣ и географическія условія и общность языка и исторія многихъ сотенъ лѣтъ, казалось бы, «покончила» съ національнымъ вопросомъ отдѣльныхъ мелкихъ дѣленій Англіи, даже здѣсь Энгельсъ, учитываетъ ясный фактъ, что національный вопросъ еще не изжитъ, и потому признаетъ федеративную республику «шагомъ впередъ». Разумѣется, тутъ нѣтъ ни тѣни отказа отъ критики недостатковъ федеративной республики и отъ самой рѣшительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизмъ демократическій Энгельсъ понимаетъ отнюдь не въ томъ бюрократическомъ смыслѣ, въ которомъ употребляютъ это понятіе буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты въ числѣ послѣднихъ. Централизмъ для Энгельса нисколько не исключаетъ такого широкаго мѣстнаго самоуправленія, которое, при добровольномъ отстаиваніи «коммунами» и областями единства государства, устраняетъ всякій бюрократизмъ и всякое «командованіе» сверху безусловно.

... «Итакъ, единая республика» — пишетъ Энгельсъ, развивая программные взгляды марксизма на государство, «Но не въ смыслѣ теперешней французской республики. которая представляетъ изъ себя не больше, чѣмъ основанную въ 1798 году имперію безъ императора. Съ 1792 по 1798 годъ каждый французскій департаментъ, каждая община (Gemeinde) пользовались полнымъ самоуправленіемъ по американскому образцу, и это должны имѣть и мы. Какъ слѣдуетъ организовать самоуправленіе

и какъ можно обойтись безъ бюрократіи, это показала и доказала намъ Америка и первая французская республика, а теперь еще показываютъ Канада, Австралія и другія англійскія колоніи. И такое провинціальное (областное) и общинное самоуправленіе—гораздо болѣе свободныя учрежденія, чѣмъ, напр., швейцарскій федерализмъ, гдѣ, правда, кантонъ очень независимъ по отношенію къ Бунду» (т.-е. къ федеративному государству въ цѣломъ), «но независимъ также и по отношенію къ уѣзду (бецирку) и по отношенію къ общинѣ. Кантональныя правительства назначаютъ уѣздныхъ исправниковъ (штатгальтеровъ) и префектовъ, чего совершенно нѣтъ въ странахъ англійскаго языка и что мы у себя въ будущемъ такъ же рѣшительно должны устранить, какъ и прусскихъ ландратовъ и регирунгсратовъ» (комиссаровъ, исправниковъ, губернаторовъ, вообще чиновниковъ, назначаемыхъ сверху). Энгельсъ предлагаетъ соотвѣтственно этому формулировать пунктъ программы о самоуправленіи слѣдующимъ образомъ: «Полное самоуправленіе въ провинціи» (губерніи или области), «уѣздѣ и общинѣ чрезъ чиновниковъ, избранныхъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ; отмѣна всѣхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ властей, назначаемыхъ государствомъ».

Въ закрытой правительствомъ Керенскаго и другихъ «соціалистическихъ» министровъ «Правдѣ» (№ 68, отъ 28 мая 1917 года) мнѣ уже случалось указывать, какъ въ этомъ пунктѣ—разумѣется, далеко не въ немъ одномъ—наши якобы соціалистическіе представители якобы революціонной якобы демократіи совершали вопіющія отступленія от ъ демократизма. Понятно, что люди, связавшіе себя «коалиціей» съ имперіалистской буржуазіей, оставались глухи къ этимъ указаніямъ.

Крайне важно отмѣтить, что Энгельсъ съ фактами въ рукахъ, на самомъ точномъ примѣрѣ, опровергаетъ чрезвычайно распространенный, — особенно среди мелкобуржуазной демократіи — предразсудокъ, будто федеративная республика означаетъ непремѣнно больше свободы, чѣмъ централистическая. Это невѣрно. Факты, приводимые Энгельсомъ относительно централистической французской республики

1792—1798 г.г. и федералистической швейцарской, опровергають это. Свободы больше давала дѣйствительно демократическая централистическая республика, чѣмъ федералистическая. Или иначе: наибольшая мѣстная, областная и пр. свобода, извѣстная въ исторіи, дана была централистической, а не федеративной республикой.

На этотъ фактъ, какъ и на весь вообще вопросъ о федеративной и централистической республикѣ и о мѣстномъ самоуправленіи, въ нашей партійной пропагандѣ и агитаціи обращалось и обращается недостаточно вниманія.

5. Предисловіе 1891-го года къ «Гражданской войнѣ» Маркса.

Въ предисловіи къ 3-му изданію «Гражданской войны во Франціи» — это предисловіе помѣчено 18 марта 1891 года и первоначально было напечатано въ журналѣ «Neue Zeit» — Энгельсъ, рядомъ съ интересными мимоходными замѣчаніями по вопросамъ, связаннымъ съ отношеніемъ къ государству, даетъ замѣчательно рельефную сводку уроковъ Коммуны. Эта сводка, углубленная всѣмъ опытомъ 20-тилѣтняго періода, отдѣлявшаго автора отъ Коммуны, и спеціально направленная противъ распространенной въ Германіи «суевѣрной вѣры въ государство», можетъ быть по справедливости названа послѣднимъ словомъ марксизма по разсматриваемому вопросу.

> Во Франціи, — отмѣчаетъ Энгельсъ, — послѣ каждой революціи рабочіе бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственнаго кормила, первой заповѣдью было разоруженіе рабочихъ. Отсюда — послѣ каждой, завоеванной рабочими, революціи новая борьба, которая оканчивается пораженіемъ рабочихъ»...

Итогъ опыта буржуазныхъ революцій столь же краткій, сколь выразительный. Суть дѣла — между прочимъ и по вопросу о государствѣ (есть ли оружіе у угнетеннаго класса?) — схвачена здѣсь замѣчательно. Именно эту суть чаще всего и обходятъ какъ профессора, находящіеся подъ вліяніемъ буржуазной идеологіи, такъ и мелкобуржуазные демократы. Въ русской революціи 1917-го года «меньшевику», «тоже — марксисту» Церетелли выпала честь

(Кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазныхъ революцій. Въ своей «исторической» рѣчи 9-го іюня Церетелли проговорился о рѣшимости буржуазіи разоружить питерскихъ рабочихъ, выдавая, конечно, это рѣшеніе и за свое и за «государственную» необходимость вообще!

Историческая рѣчь Церетелли отъ 9-го іюня будетъ, конечно, для всякаго историка революціи 1917-го года одной изъ нагляднѣйшихъ иллюстрацій того, какъ предводимый г-номъ Церетелли блокъ эсэровъ и меньшевиковъ перешелъ на сторону буржуазіи противъ революціоннаго пролетаріата.

Другое мимоходное замѣчаніе Энгельса, тоже связанное съ вопросомъ о государствѣ, относится къ религіи. Извѣстно, что германская соціалъ-демократія, по мѣрѣ того, какъ она загнивала, становясь все болѣе оппортунистической, чаще и чаще скатывалась къ филистерскому кривотолкованію знаменитой формулы: «объявленіе религіи частнымъ дѣломъ». Именно: эта формула истолковывалась такъ, будто и для партіи революціоннаго пролетаріата вопросъ о религіи есть частное дѣло!! Противъ этой полной измѣны революціонной программѣ пролетаріата и возсталъ Энгельсъ, который въ 1891 году наблюдалъ только самые слабые зачатки оппортунизма въ своей партіи и который выражался поэтому наиболѣе осторожно.

> «Соотвѣтственно тому, что въ Коммунѣ засѣдали почти исключительно рабочіе или признанные представители рабочихъ, и постановленія ея отличались рѣшительно пролетарскимъ характеромъ. Либо эти постановленія декретировали такія реформы, отъ которыхъ республиканская буржуазія отказалась только изъ подлой трусости и которыя составляютъ необходимую основу для свободной дѣятельности рабочаго класса. Таково проведеніе въ жизнь принципа, что по отношенію къ государству религія является просто частнымъ дѣломъ. Либо Коммуна издавала постановленія, прямо лежащія въ интересахъ рабочаго класса и которыя отчасти глубоко врѣзывались въ старый общественный порядокъ».

Энгельсъ подчеркнулъ слова «по отношенію къ государству» умышленно, направляя ударъ не въ бровь, а въ глазъ нѣмецкому оппортунизму, объявлявшему религію частнымъ

дѣломъ по отношенію къ партіи и такимъ образомъ принижавшему партію революціоннаго пролетаріата до уровня пошлѣйшаго «свободомыслящаго» мѣщанства, готоваго допустить внѣвѣроисповѣдное состояніе, но отрекавшагося отъ задачи партійной борьбы противъ религіознаго опіума, оглупляющаго народъ.

Будущій историкъ германской соціалъ-демократіи, прослѣживая корни его позорнаго краха въ 1914 году, найдетъ не мало интереснаго матеріала по этому вопросу, начиная отъ уклончивыхъ, открывающихъ настежь дверь оппортунизму, заявленій въ статьяхъ идейнаго вождя партіи, Каутскаго, и кончая отношеніемъ партіи къ «Los-von-Kirche-Bewegung» (движенію къ отдѣленію отъ церкви) въ 1913 году.

Но перейдемъ къ тому, какъ Энгельсъ 20 лѣтъ спустя послѣ Коммуны подъитоживалъ ея уроки борющемуся пролетаріату.

Вотъ какіе уроки выдвигалъ на первый планъ Энгельсъ:

> ...«Именно та угнетающая власть прежняго централизованнаго правительства, армія, политическая полиція, бюрократія, которую Наполеонъ создалъ въ 1798 году и которую съ тѣхъ поръ каждое новое правительство перенимало, какъ желательное орудіе, и использовывало его противъ своихъ противниковъ, именно эта власть должна была пасть всюду во Франціи, какъ пала она въ Парижѣ.
>
> «Коммуна должна была съ самаго начала признать, что рабочій классъ, придя къ господству, не можетъ дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочій классъ, дабы не потерять снова своего только-что завоеваннаго господства, долженъ, съ одной стороны, устранить всю старую, доселѣ употреблявшуюся противъ него, машину угнетенія, а съ другой стороны, долженъ обезпечить себя противъ своихъ собственныхъ депутатовъ и чиновниковъ, объявляя ихъ всѣхъ, безъ всякаго исключенія, смѣняемыми въ любое время»...

Энгельсъ подчеркиваетъ еще и еще разъ, что не только въ монархіи, но и въ демократической республикѣ государство остается государствомъ, т.-е. сохраняетъ свою основную отличительную черту: превращать должностныхъ лицъ «слугъ общества», органы его въ господъ надъ нимъ.

...«Противъ этого, неизбѣжнаго во всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ государствахъ, превращенія государства и органовъ государства изъ слугъ общества въ господъ надъ обществомъ Коммуна примѣнила два безошибочныхъ средства. Во-первыхъ, она назначала на всѣ должности, по управленію, по суду, по народному просвѣщенію, лицъ, выбранныхъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, и притомъ ввела право отозвать этихъ выборныхъ въ любое время по рѣшенію ихъ избирателей. А во-вторыхъ, она платила всѣмъ должностнымъ лицамъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, лишь такую плату, которую получали другіе рабочіе. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франковъ *).

Такимъ образомъ была создана надежная помѣха погонѣ за мѣстечками и карьеризму, даже и независимо отъ императивныхъ мандатовъ депутатамъ въ представительныя учрежденія, введенныхъ Коммуной сверхъ того»...

Энгельсъ подходитъ здѣсь къ той интересной грани, гдѣ послѣдовательная демократія, съ одной стороны, превращается въ соціализмъ, а съ другой стороны, гдѣ она требуетъ соціализма. Ибо для уничтоженія государства необходимо превращеніе функцій государственной службы въ такія простыя операціи контроля и учета, которыя доступны, подсильны громадному большинству населенія, а затѣмъ и всему населенію поголовно. А полное устраненіе карьеризма требуетъ, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, мѣстечко на государственной службѣ не могло служить мостикомъ для перепрыгиванія на высокодоходныя должности въ банкахъ и въ акціонерныхъ обществахъ, какъ это бываетъ постоянно во всѣхъ свободнѣйшихъ капиталистическихъ странахъ.

Но Энгельсъ не дѣлаетъ той ошибки, которую дѣлаютъ, напр., иные марксисты по вопросу о правѣ націй на самоопредѣленіе: дескать, при капитализмѣ оно невозможно, а

*) Номинально это даетъ около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступаютъ тѣ большевики, которые предлагаютъ, напр., въ городскихъ думахъ жалованье по 9000 руб., не предлагая ввести для всего государства максимумъ 6000 руб., сумма достаточная.

при соціализмѣ излишне. Подобное, якобы остроумное, а на дѣлѣ невѣрное, разсужденіе можно бы повторить про любое демократическое учрежденіе, и про скромное жалованье чиновникамъ въ томъ числѣ, ибо до конца послѣдовательный демократизмъ при капитализмѣ невозможенъ, а при соціализмѣ отомретъ всякая демократія.

Это—софизмъ, похожій на ту старую шутку, станетъ ли человѣкъ лысымъ, если у него будетъ волосъ меньше на одинъ волосъ.

Развитіе демократіи до конца, изысканіе формъ такого развитія, испытаніе ихъ практикой и т. д., все это есть одна изъ составныхъ задачъ борьбы за соціальную революцію. Отдѣльно взятый, никакой демократизмъ не дастъ соціализма, но въ жизни демократизмъ никогда не будетъ «взятъ отдѣльно», а будетъ «взятъ вмѣстѣ», оказывать свое вліяніе и на экономику, подталкивать ея преобразованіе, подвергаться вліянію экономическаго развитія и т. д. Такова діалектика живой исторіи.

Энгельсъ продолжаетъ:

> ...«Этотъ взрывъ (Sprengung) старой государственной власти и ея замѣна новою, по-истинѣ демократическою подробно описаны въ третьемъ отдѣлѣ «Гражданской войны». Но вкратцѣ остановиться еще разъ на нѣкоторыхъ чертахъ этой замѣны было здѣсь необходимо, потому что какъ разъ въ Германіи суевѣрная вѣра въ государство перешла изъ философіи въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ. По ученію философовъ, государство есть «осуществленіе идеи» или переведенное на философскій языкъ царство божіе на землѣ, государство является такимъ поприщемъ, на которомъ осуществляется или должна осуществиться вѣчная истина и справедливость. А отсюда вытекаетъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ государству, — суевѣрное почтеніе, которое тѣмъ легче укореняется, что люди привыкаютъ съ дѣтства думать, будто дѣла и интересы, общіе всему обществу, не могутъ быть иначе выполняемы и охраняемы, какъ прежнимъ способомъ, т.-е. черезъ посредство государства и его награжденныхъ доходными мѣстечками чиновниковъ. Люди воображаютъ, что

дѣлаютъ необыкновенно сильный шагъ впередъ, если они отдѣлываются отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становятся сторонниками демократической республики. Въ дѣйствительности же государство есть не что иное, какъ машина для подавленія одного класса другимъ, и въ демократической республикѣ ничуть не меньше, чѣмъ въ монархіи. И въ лучшемъ случаѣ государство есть зло, которое по наслѣдству передается пролетаріату, одержавшему побѣду въ борьбѣ за классовое господство; побѣдившій пролетаріатъ, такъ же, какъ и Коммуна, вынужденъ будетъ немедленно отсѣчь худшія стороны этого зла, до тѣхъ поръ пока поколѣніе, выросшее въ новыхъ, свободныхъ общественныхъ условіяхъ, окажется въ состояніи выкинуть вонъ весь этотъ хламъ государственности».

Энгельсъ предостерегалъ нѣмцевъ, чтобы они по случаю замѣны монархіи республикой не забыли основъ соціализма по вопросу о государствѣ вообще. Его предостереженія читаются теперь какъ прямой урокъ господамъ Церетелли и Черновымъ, проявившимъ въ своей «коалиціонной» практикѣ суевѣрную вѣру въ государство и суевѣрное почтеніе къ нему!

Еще два замѣчанія: 1) Если Энгельсъ говоритъ, что при демократической республикѣ «ничуть не меньше», чѣмъ при монархіи, государство остается «машиной для угнетенія одного класса другимъ», то это вовсе не значитъ, чтобы форма угнетенія была для пролетаріата безразлична, какъ «учатъ» иные анархисты. Болѣе широкая, болѣе свободная, болѣе открытая форма классовой борьбы и классоваго угнетенія даетъ пролетаріату гигантское облегченіе въ борьбѣ за уничтоженіе классовъ вообще.

2) Почему только новое поколѣніе въ состояніи будетъ совсѣмъ выкинуть вонъ весь этотъ хламъ государственности,— этотъ вопросъ связанъ съ вопросомъ о преодолѣніи демократіи, къ которому мы и переходимъ.

6. Энгельсъ о преодолѣніи демократіи.

Энгельсу пришлось высказаться объ этомъ въ связи съ вопросомъ о научной неправильности названія «соціалъ-демократъ»,

Въ предисловіи къ изданію своихъ статей 1870-хъ годовъ на разныя темы преимущественно «интернаціональнаго» содержанія («Internationales aus dem Volksstaat»), — предисловіи, помѣченномъ 3 января 1894 года, т.-е. написанномъ за $1^1/_2$ года до смерти Энгельса, онъ писалъ, что во всѣхъ статьяхъ употребляется слово «коммунистъ», а не «соціалъ-демократъ», ибо тогда соціалъ-демократами называли себя прудонисты во Франціи, лассалеянцы въ Германіи.

> ...«Для Маркса и для меня—продолжаетъ Энгельсъ—было поэтому чистѣйшей невозможностью употреблять для обозначенія спеціально нашей точки зрѣнія выраженіе столь растяжимое. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе, и это слово («соціалъ-демократъ») можетъ, пожалуй, сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточнымъ (unpassend, неподходящимъ) для такой партіи, экономическая программа которой не является просто соціалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партіи, политическая конечная цѣль которой есть преодолѣніе всего государства, а слѣдовательно также и демократіи. Названія *дѣйствительныхъ* (курсивъ Энгельса) политическихъ партій однако никогда вполнѣ не соотвѣтствуютъ имъ; партія развивается, названіе остается».

Діалектикъ Энгельсъ на закатѣ дней остается вѣренъ діалектикѣ. У насъ съ Марксомъ, говоритъ онъ, было прекрасное, научно точное, названіе партіи, но не было дѣйствительной, т.-е. массовой пролетарской партіи. Теперь (конецъ 19 вѣка) есть дѣйствительная партія, но ея названіе научно невѣрно. Ничего, «сойдетъ», лишь бы партія *развивалась*, лишь бы научная неточность ея названія не была отъ нея скрыта и не мѣшала ей развиваться въ вѣрномъ направленіи!

Пожалуй, иной шутникъ и насъ, большевиковъ, сталъ бы утѣшать по-Энгельсовски: у насъ есть дѣйствительная партія, она развивается отлично; «сойдетъ» и такое безсмысленное, уродливое слово, какъ «большевикъ», не выражающее абсолютно ничего, кромѣ того, чисто случайнаго, обстоятельства, что на брюссельско-лондонскомъ съѣздѣ 1903 года мы имѣли большинство... Можетъ быть, теперь, когда іюльскія и августовскія преслѣдованія нашей партіи республиканцами и

«революціонной» мѣщанской демократіей сдѣлали слово «большевикъ» такимъ всенародно-почетнымъ, когда они ознаменовали кромѣ того столь громадный, историческій шагъ впередъ, сдѣланный нашей партіей въ ея дѣйствительномъ развитіи, можетъ быть, и я поколебался бы въ своемъ апрѣльскомъ предложеніи измѣнить названіе нашей партіи. Можетъ быть, я предложилъ бы своимъ товарищамъ «компромиссъ»: назваться коммунистической партіей, а въ скобкахъ оставить слово большевики...

Но вопросъ о названіи партіи несравненно менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ объ отношеніи революціоннаго пролетаріата къ государству.

Въ обычныхъ разсужденіяхъ о государствѣ постоянно дѣлается та ошибка, отъ которой здѣсь предостерегаетъ Энгельсъ и которую мы отмѣчали мимоходомъ въ предыдущемъ изложеніи. Именно: постоянно забываютъ, что уничтоженіе государства есть уничтоженіе также и демократіи, что отмираніе государства есть отмираніе демократіи.

На первый взглядъ такое утвержденіе представляется крайне страннымъ и непонятнымъ; пожалуй, даже возникнетъ у кого-либо опасеніе, не ожидаемъ ли мы пришествія такого общественнаго устройства, когда не будетъ соблюдаться принципъ подчиненія меньшинства большинству, ибо вѣдь демократія, это и есть признаніе такого принципа?

Нѣтъ. Демократія не тождественна съ подчиненіемъ меньшинства большинству. Демократія есть признающее подчиненіе меньшинства большинству государство, т.-е. организація для систематическаго насилія одного класса надъ другимъ, одной части населенія надъ другой.

Мы ставимъ своей конечной цѣлью уничтоженіе государства, т.-е. всякаго организованнаго и систематическаго насилія, всякаго насилія надъ людьми вообще. Мы не ждемъ пришествія такого общественнаго порядка, когда бы не соблюдался принципъ подчиненія меньшинства большинству. Но, стремясь къ соціализму, мы убѣждены, что онъ будетъ перерастать къ коммунизмъ, а въ связи съ этимъ будетъ исчезать всякая надобность въ насиліи надъ людьми вообще, въ подчиненіи одного человѣка другому, одной части населенія другой его части, ибо люди привыкнутъ къ

соблюденію элементарныхъ условій общественности безъ насилія и безъ подчиненія.

Чтобы подчеркнуть этотъ элементъ привычки, Энгельсъ и говоритъ о новомъ поколѣніи, «выросшемъ въ новыхъ, свободныхъ, общественныхъ условіяхъ, которое окажется въ состояніи совершенно выкинуть вонъ весь этотъ хламъ государственности»,—всякой государственности, въ томъ числѣ и демократически-республиканской государственности.

Для поясненія этого требуется разборъ вопроса объ экономическихъ основахъ отмиранія государства.

ГЛАВА V.

Экономическія основы отмиранія государства.

Самое обстоятельное разъясненіе этого вопроса дано Марксомъ въ его «Критикѣ Готской программы» (письмо къ Бракке отъ 5 мая 1875 года, напечатанное только въ 1891 году въ «Neue Zeit», IX, I, и вышедшее по-русски отдѣльнымъ изданіемъ). Полемическая часть этого замѣчательнаго произведенія, состоящая въ критикѣ лассалеанства, затѣнила, такъ сказать, его положительную часть, именно: анализъ связи между развитіемъ коммунизма и отмираніемъ государства.

1. Постановка вопроса Марксомъ.

При поверхностномъ сравненіи письма Маркса къ Бракке отъ 5 мая 1875 года и разсмотрѣннаго выше письма Энгельса къ Бебелю отъ 28 марта 1875 года можетъ показаться, что Марксъ гораздо болѣе «государственникъ», чѣмъ Энгельсъ, и что различіе между взглядами обоихъ писателей на государство очень значительное.

Энгельсъ предлагаетъ Бебелю вовсе бросить болтовню о государствѣ, изгнать совершенно слово государство изъ программы, замѣнивъ его словомъ «община»; Энгельсъ заявляетъ даже, что Коммуна не была уже государствомъ въ собственномъ смыслѣ. Между тѣмъ Марксъ говоритъ даже о «будущей государственности коммунистическаго общества», т.-е.

какъ будто бы признаетъ необходимость государства даже при коммунизмѣ.

Но подобный взглядъ былъ бы въ корнѣ неправиленъ. Ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмираніе вполнѣ совпадаютъ, а приведенное выраженіе Маркса относится именно къ этой отмирающей государственности.

Ясно, что не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленіи момента будущаго «отмиранія», тѣмъ болѣе, что оно представляетъ изъ себя завѣдомо процессъ длительный. Кажущееся различіе между Марксомъ и Энгельсомъ объясняется различіемъ темъ, которыя они себѣ брали, задачъ, которыя они преслѣдовали. Энгельсъ ставилъ задачей наглядно, рѣзко, въ крупныхъ штрихахъ показать Бебелю всю нелѣпость ходячихъ (и раздѣлявшихся Лассалемъ въ немалой степени) предразсудковъ насчетъ государства. Марксъ только мимоходомъ касается этого вопроса, интересуясь другой темой: развитіемъ коммунистическаго общес[illegible].

Вся теорія Маркса есть примѣненіе теоріи развитія—въ ея наиболѣе послѣдовательной, полной, продуманной и богатой содержаніемъ формѣ — къ современному капитализму. Естественно, что для Маркса всталъ вопросъ о примѣненіи этой теоріи и къ предстоящему краху капитализма и къ будущему развитію будущаго коммунизма.

На основаніи какихъ же данныхъ можно ставить вопросъ о будущемъ развитіи будущаго к[illegible]мунизма?

На основаніи того, что онъ происходитъ изъ капитализма, исторически развивается изъ капитализма, является результатомъ дѣйствій такой общественной силы, которая рождена капитализмомъ. У Маркса нѣтъ ни тѣни попытокъ сочинять утопіи, по пустому гадать насчетъ того, чего знать нельзя. Марксъ ставитъ в[illegible]просъ о коммунизмѣ, какъ естествоиспытатель поставилъ бы вопросъ о развитіи новой, скажемъ, біологической разновидности, разъ мы знаемъ, что она такъ-то возникла и въ такомъ-то опредѣленномъ направленіи видоизмѣняется.

Марксъ прежде всего отметаетъ прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится въ вопросъ о соотношеніи государства и общества

...«Современное общество—пишетъ онъ—есть капиталистическое общество, которое существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, болѣе или менѣе свободное отъ примѣси средневѣковья, болѣе или менѣе видоизмѣненное особенностями историческаго развитія каждой страны, болѣе или менѣе развитое. Напротивъ того, «современное государство» мѣняется съ каждой государственной границей. Въ прусско-германской имперіи оно совершенно иное, чѣмъ въ Швейцаріи, въ Англіи совершенно иное, чѣмъ въ Соедин. Штатахъ. «Современное государство» есть, слѣдовательно, фикція.

«Однако, несмотря на пестрое разнообразіе ихъ формъ, различныя государства различныхъ цивилизованныхъ странъ имѣютъ между собой то общее, что они стоятъ на почвѣ современнаго буржуазнаго общества, болѣе или менѣе капиталистически развитаго. У нихъ есть поэтому нѣкоторые общіе существенные признаки. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о «современной государственности» въ противоположность тому будущему, когда отомретъ теперешній ея корень, буржуазное общество.

«Вопросъ ставится затѣмъ такъ: какому превращенію подвергнется государственность въ коммунистическомъ обществѣ? Другими словами: какія общественныя функціи останутся тогда, аналогичныя теперешнимъ государственнымъ функціямъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только научно; и сколько бы тысячъ разъ ни сочетать слово «народъ» со словомъ «государство», это ни капельки не подвинетъ его разрѣшенія»...

Высмѣявъ такимъ образомъ всѣ разговоры о «народномъ государствѣ», Марксъ даетъ постановку вопроса и какъ бы предостерегаетъ, что для научнаго отвѣта на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлено вполнѣ точно, всей теоріей развитія, всей наукой вообще,—и что забывали утописты, что забываютъ нынѣшніе оппортунисты, боящіеся социалистической революціи,—это то обстоятельство, что исторически несомнѣнно должна быть особая стадія или особый этапъ перехода отъ капитализма къ коммунизму.

2. Переходъ отъ капитализма къ коммунизму.

...«Между капиталистическимъ и коммунистическимъ обществомъ — продолжаетъ Марксъ — лежитъ періодъ революціоннаго превращенія перваго во второе. Этому періоду соотвѣтствуетъ и политическій переходный періодъ, и государство этого періода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ революціонной диктатурой пролетаріата».

Этотъ выводъ покоится у Маркса на анализѣ той роли, которую играетъ пролетаріатъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, на данныхъ о развитіи этого общества и о непримиримости противоположныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи.

Раньше вопросъ ставился такъ: чтобы добиться своего освобожденія, пролетаріатъ долженъ свергнуть буржуазію, завоевать политическую власть, установить свою революціонную диктатуру.

Теперь вопросъ ставится нѣсколько иначе: переходъ отъ капиталистическаго общества, развивающагося къ коммунизму, въ коммунистическое общество невозможенъ безъ «политическаго переходнаго періода»; и государствомъ этого періода можетъ быть лишь революціонная диктатура пролетаріата.

Каково же отношеніе этой диктатуры къ демократіи?

Мы видѣли, что «Коммунистическій Манифестъ» ставитъ просто рядомъ два понятія: «превращеніе пролетаріата въ господствующій классъ» и «завоеваніе демократіи». На основеніи всего изложеннаго выше можно точнѣе опредѣлить, какъ измѣняется демократія въ переходѣ отъ капитализма къ коммунизму.

Въ капиталистическомъ обществѣ, при условіи наиболѣе благопріятнаго развитія его, мы имѣемъ болѣе или менѣе полный демократизмъ въ демократической республикѣ. Но этотъ демократизмъ всегда сжатъ тѣсными рамками капиталистической эксплуатаціи и всегда остается поэтому, въ сущности, демократизмомъ для меньшинства, только для имущихъ классовъ, только для богатыхъ. Свобода капиталистическаго общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода въ древнихъ греческихъ республикахъ: свобода для рабовладѣльцевъ. Современные наемные

рабы, въ силу условій капиталистической эксплуатаціи, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что имъ «не до демократіи», «не до политики», что при обычномъ, мирномъ теченіи событій большинство населенія отъ участія въ общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утвержденія всего нагляднѣе, можетъ быть, подтверждается Германіей именно потому, что въ этомъ государствѣ конституціонная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвѣка (1871 — 1914), а соціалъ-демократія за это время гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, сумѣла сдѣлать для «использованія легальности» и для организаціи такой высокой доли рабочихъ въ политическую партію, какъ нигдѣ въ свѣтѣ.

Какова же эта наиболѣе высокая изъ наблюдавшихся въ капиталистическомъ обществѣ доля политически сознательныхъ и дѣятельныхъ наемныхъ рабовъ? Одинъ милліонъ членовъ партіи с.-д.—изъ 15 милліоновъ наемныхъ рабочихъ! Три милліона профессіонально организаванныхъ—изъ 15-ти милліоновъ!

Демократія для ничтожнаго меньшинства, демократія для богатыхъ, вотъ каковъ демократизмъ капиталистическаго общества. Если присмотрѣться поближе къ механизму капиталистической демократіи, то мы увидимъ вездѣ и повсюду и въ «мелкихъ», якобы—мелкихъ, подробностяхъ избирательнаго права (цензъ осѣдлости, исключеніе женщинъ и т. д.), и въ техникѣ представительныхъ учрежденій, и въ фактическихъ препонахъ праву собранія (общественныя зданія не для «нищихъ»), и въ чисто капиталистической организаціи ежедневной прессы и такъ далѣе и такъ далѣе,—мы увидимъ ограниченія да ограниченія демократизма. Эти ограниченія, изъятія, исключенія, препоны для бѣдныхъ кажутся мелкими,—особенно на глазъ того, кто самъ никогда нужды не видалъ и съ угнетенными классами въ ихъ массовой жизни близокъ не былъ (а таково $^{9}/_{10}$ если не $^{99}/_{100}$ буржуазныхъ публицистовъ и политиковъ),—но въ суммѣ взятыя эти ограниченія исключаютъ, выталкиваютъ бѣдноту изъ политики, изъ активнаго участія въ демократіи.

Марксъ великолѣпно схватилъ эту *суть* капиталистической демократіи, сказавъ въ своемъ анализѣ опыта Коммуны: угнетеннымъ разъ въ нѣсколько лѣтъ позволяютъ рѣшать,

какой именно изъ представителей угнетающаго класса будетъ въ парламентѣ представлять и подавлять ихъ!

Но отъ этой капиталистической демократіи,—неизбѣжно узкой, тайкомъ отталкивающей бѣдноту, а поэтому насквозь лицемѣрной и лживой,—развитіе впередъ не идетъ просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократіи», какъ представляютъ дѣло либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нѣтъ. Развитіе впередъ, т.-е. къ коммунизму, идетъ черезъ диктатуру пролетаріата и иначе идти не можетъ, ибо сломить сопротивленіе эксплуататоровъ-капиталистовъ больше некому и инымъ путемъ нельзя.

А диктатура пролетаріата, т.-е. организація авангарда угнетенныхъ въ господствующій классъ для подавленія угнетателей, не можетъ дать просто—только расширенія демократіи. Вмѣстѣ съ громаднымъ расширеніемъ демократизма, впервые становящагося демократизмомъ для бѣдныхъ, демократизмомъ для народа, а не демократизмомъ для богатенькихъ, диктатура пролетаріата даетъ рядъ изъятій изъ свободы по отношенію къ угнетателямъ, эксплуататорамъ, капиталистамъ. Ихъ мы должны подавить, чтобы освободить человѣчество отъ наемнаго рабства, ихъ сопротивленіе надо сломить силой,—ясно, что тамъ, гдѣ есть подавленіе, есть насиліе, нѣтъ свободы, нѣтъ демократіи.

Энгельсъ прекрасно выразилъ это въ письмѣ къ Бебелю, сказавъ, какъ вспомнитъ читатель, что «пролетаріатъ нуждается въ государствѣ не въ интересахъ свободы, а въ интересахъ подавленія своихъ противниковъ, а когда можно будетъ говорить о свободѣ,—не будетъ государства».

Демократія для гигантскаго большинства народа, и подавленіе силой, т.-е. исключеніе изъ демократіи, эксплуататоровъ, угнетателей народа,—вотъ каково видоизмѣненіе демократіи при переходѣ отъ капитализма къ коммунизму.

Только въ коммунистическомъ обществѣ, когда сопротивленіе капиталистовъ уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нѣтъ классовъ (т.-е. нѣтъ различія между членами общества по ихъ отношенію къ общественнымъ средствамъ производства),—только тогда «исчезаетъ государство и можно говорить о свободѣ». Только тогда возможна и будетъ осуществлена демократія дѣйстви-

тельно полная, дѣйствительно безъ всякихъ изъятій. И только тогда демократія начнетъ отмирать въ силу того простого обстоятельства, что, избавленные отъ капиталистическаго рабства, отъ безчисленныхъ ужасовъ, дикостей, нелѣпостей, гнусностей капиталистической эксплуатаціи, люди постепенно привыкнутъ къ соблюденію элементарныхъ, вѣками извѣстныхъ, тысячелѣтіями повторявшихся во всѣхъ прописяхъ, правилъ общежитія, къ соблюденію ихъ безъ насилія, безъ принужденія, безъ подчиненія, безъ особаго аппарата для принужденія, который называется государствомъ.

Выраженіе «государство отмираетъ» выбрано очень удачно, ибо оно указываетъ и на постепенность процесса и на стихійность его. Только привычка можетъ оказать и несомнѣнно окажетъ такое дѣйствіе, ибо мы кругомъ себя наблюдаемъ милліоны разъ, какъ легко привыкаютъ люди къ соблюденію необходимыхъ для нихъ правилъ общежитія, если нѣтъ эксплуатаціи, если нѣтъ ничего такого, что возмущаетъ, вызываетъ протестъ и возстаніе, создаетъ необходимость подавленія.

Итакъ: въ капиталистическомъ обществѣ мы имѣемъ демократію урѣзанную, убогую, фальшивую, демократію только для богатыхъ, для меньшинства. Диктатура пролетаріата, періодъ перехода къ коммунизму, впервые дастъ демократію для народа, для большинства, на ряду съ необходимымъ подавленіемъ меньшинства, эксплуататоровъ. Коммунизмъ одинъ только въ состояніи дать демократію дѣйствительно полную, и чѣмъ она полнѣе, тѣмъ скорѣе она станетъ ненужной, отомретъ сама собой.

Другими словами: при капитализмѣ мы имѣемъ государство въ собственномъ смыслѣ слова, особую машину для подавленія одного класса другимъ и притомъ большинства меньшинствомъ. Понятно, что для успѣха такого дѣла, какъ систематическое подавленіе меньшинствомъ эксплуататоровъ большинства эксплуатируемыхъ нужно крайнее свирѣпство, звѣрство подавленія, нужны моря крови, черезъ которыя человѣчество и идетъ свой путь въ состояніи рабства, крѣпостничества, наемничества.

Далѣе, при переходѣ отъ капитализма къ коммунизму подавленіе еще необходимо, но уже подавленіе меньшин-

ства эксплуататоровъ большинствомъ эксплуатируемыхъ. Особый аппаратъ, особая машина для подавленія, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не—государство въ собственномъ смыслѣ, ибо подавленіе меньшинства эксплуататоровъ большинствомъ вчерашнихъ наемныхъ рабовъ—дѣло настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будетъ стоить гораздо меньше крови, чѣмъ подавленіе возстаній рабовъ, крѣпостныхъ, наемныхъ рабочихъ, что оно обойдется человѣчеству гораздо дешевле. И оно совмѣстимо съ распространеніемъ демократіи на такое подавляющее большинство населенія, что надобность въ особой машинѣ для подавленія начинаетъ исчезать. Эксплуататоры, естественное дѣло, не въ состояніи подавить народа безъ сложнѣйшей машины для выполненія такой задачи, но народъ подавить эксплуататоровъ можетъ и при очень простой «машинѣ», почти-что безъ «машины», безъ особаго аппарата, простой организаціей вооруженныхъ массъ (въ родѣ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ — замѣтимъ, забѣгая впередъ).

Наконецъ, только коммунизмъ создаетъ полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, — «некого» въ смыслѣ класса, въ смыслѣ систематической борьбы съ опредѣленной частью населенія. Мы не утописты и нисколько не отрицаемъ возможности и неизбѣжности эксцессовъ отдѣльныхъ лицъ, а равно необходимости подавлять такіе эксцессы. Но, во-первыхъ, для этого не нужна особая машина, особый аппаратъ подавленія, это будетъ дѣлать самъ вооруженный народъ съ такой же простотой и легкостью, съ которой любая толпа цивилизованныхъ людей даже въ современномъ обществѣ разнимаетъ дерущихся или не допускаетъ насилія надъ женщиной. А, во-вторыхъ, мы знаемъ, что коренная соціальная причина эксцессовъ, состоящихъ въ нарушеніи правилъ общежитія, есть эксплуатація массъ, нужда и нищета ихъ. Съ устраненіемъ этой главной причины эксцессы неизбѣжно начнутъ «отмирать». Мы не знаемъ, какъ быстро и въ какой постепенности, но мы знаемъ, что они будутъ отмирать. Съ ихъ отмираніемъ отомретъ и государство.

Марксъ, не пускаясь въ утопіи, опредѣлилъ подробнѣе

то, что можно теперь опредѣлить относительно этого будущаго, именно: различіе низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистическаго общества.

3. Первая фаза коммунистическаго общества.

Въ «Критикѣ Готской программы» Марксъ опровергаетъ подробно лассалевскую идею о полученіи рабочимъ при соціализмѣ «неурѣзаннаго» или «полнаго продукта труда» Марксъ показываетъ, что изъ всего общественнаго труда всего общества необходимо вычесть и резервный фондъ, и фондъ на расширеніе производства, и возмѣщеніе «сношенныхъ» машинъ и т. п., а затѣмъ изъ предметовъ потребленія фондъ на издержки управленія, на школы, больницы пріюты престарѣлыхъ и т. п.

Вмѣсто туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продуктъ труда — рабочему») Марксъ даетъ трезвый учетъ того, какъ именно соціалистическое общество вынуждено будетъ хозяйничать. Марксъ подходитъ къ конкретному анализу условій жизни такого общества, въ которомъ не будетъ капитализма, и говоритъ при этомъ:

> «Мы имѣемъ здѣсь дѣло» (при разборѣ программы рабочей партіи) «не съ такимъ коммунистическимъ обществомъ, которое развилось на своей собственной основѣ, а съ такимъ, которое только-что выходитъ какъ-разъ изъ капиталистическаго общества и которое поэтому во всѣхъ отношеніяхъ, въ экономическомъ, нравственномъ и умственномъ, носитъ еще отпечатокъ стараго общества, изъ нѣдръ котораго оно вышло».

Вотъ это коммунистическое общество, которое только-что вышло на свѣтъ Божій изъ нѣдръ капитализма, которое носитъ во всѣхъ отношеніяхъ отпечатокъ стараго общества, Марксъ и называетъ «первой» или низшей фазой коммунистическаго общества.

Средства производства уже вышли изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ. Средства производства принадлежатъ всему обществу. Каждый членъ общества, выполняя извѣстную долю общественно-необходимой работы, получаетъ удо-

стовѣреніе отъ общества, что онъ такое-то количество работы отработалъ. По этому удостовѣренію онъ получаетъ изъ общественныхъ складовъ предметовъ потребленія соотвѣтственное количество продуктовъ. За вычетомъ того количества труда, которое идетъ на общественный фондъ, каждый рабочій, слѣдовательно, получаетъ отъ общества столько же, сколько онъ ему далъ.

Царствуетъ какъ будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говоритъ, имѣя въ виду такіе общественные порядки (обычно называемые соціализмомъ, а у Маркса носящіе названіе первой фазы коммунизма), что это «справедливое распредѣленіе», что это «равное право каждаго на равный продуктъ труда», то Лассаль ошибается, и Марксъ разъясняетъ его ошибку.

«Равное право» — говоритъ Марксъ — мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ, но это еще «буржуазное право», которое, какъ и всякое право, предполагаетъ неравенство. Всякое право есть примѣненіе одинаковаго масштаба къ различнымъ людямъ, которые на дѣлѣ не одинаковы, не равны другъ другу; и потому «равное право» есть нарушеніе равенства и несправедливость. Въ самомъ дѣлѣ, каждый получаетъ, отработавъ равную съ другимъ долю общественнаго труда, — равную долю общественнаго производства (за указанными вычетами).

А между тѣмъ отдѣльные люди не равны, одинъ сильнѣе, другой слабѣе; одинъ женатъ, другой нѣтъ, у одного больше дѣтей, у другого меньше, и т. д.

> ...«При равномъ трудѣ» — заключаетъ Марксъ — «слѣдовательно, при равномъ участіи въ общественномъ потребительномъ фондѣ, одинъ получитъ на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ другой, окажется богаче другого и т. д.; чтобы избѣжать всего этого, право, вмѣсто того, чтобы быть равнымъ, должно бы быть неравнымъ».

Справедливости и равенства, слѣдовательно, первая фаза коммунизма дать еще не можетъ: различія въ богатствѣ останутся и различія несправедливыя, но невозможна будетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и пр., въ частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенствѣ» и «справедливости»

вообще, Марксъ показываетъ ходъ развитія коммунистическаго общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдѣльными лицами и которое не въ состояніи сразу уничтожить и дальнѣйшую несправедливость, состоящую въ распредѣленіи предметовъ потребленія «по работѣ» (а не по потребностямъ).

Вульгарные экономисты, въ томъ числѣ буржуазные профессора, въ томъ числѣ «нашъ» Туганъ, постоянно упрекаютъ соціалистовъ, будто они забываютъ о неравенствѣ людей и «мечтаютъ» уничтожить это неравенство. Такой упрекъ, какъ видимъ, доказываетъ только крайнее невѣжество гг. буржуазныхъ идеологовъ.

Марксъ не только точнѣйшимъ образомъ учитываетъ неизбѣжное неравенство людей, онъ учитываетъ также то, что одинъ еще переходъ средствъ производства въ общую собственность всего общества («соціализмъ» въ обычномъ словоупотребленіи) не устраняетъ недостатковъ распредѣленія и неравенства «буржуазнаго права», которое продолжаетъ господствовать, поскольку продукты дѣлятся «по работѣ».

> ...«Но эти недостатки—продолжаетъ Марксъ—неизбѣжны въ первой фазѣ коммунистическаго общества, въ томъ его видѣ, какъ оно выходитъ, послѣ долгихъ мукъ родовъ, изъ капиталистическаго общества. Право никогда не можетъ быть выше, чѣмъ экономическій строй и обусловленное имъ культурное развитіе общества».

Такимъ образомъ въ первой фазѣ коммунистическаго общества (которую обычно зовутъ соціализмомъ) «буржуазное право» отмѣняется не вполнѣ, а лишь отчасти, лишь въ мѣру уже достигнутаго экономическаго переворота, т.-е. лишь по отношенію къ средствамъ производства. «Буржуазное право» признаетъ ихъ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ. Соціализмъ дѣлаетъ ихъ общей собственностью. Постольку—и лишь постольку—«буржуазное право» отпадаетъ.

Но оно остается все же въ другой своей части, остается въ качествѣ регулятора (опредѣлителя) распредѣленія продуктовъ и распредѣленія труда между членами общества. «Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть», этотъ соціали-

стическій принципъ уже осуществленъ; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этотъ соціалистическій принципъ уже осуществленъ. Однако это еще не коммунизмъ, и это еще не устраняетъ «буржуазнаго права», которое неравнымъ людямъ за неравное (фактически неравное) количество труда даетъ равное количество продукта.

Это — «недостатокъ», говоритъ Марксъ, но онъ неизбѣженъ въ первой фазѣ коммунизма, ибо, не впадая въ утопизмъ, нельзя думать, что, свергнувъ капитализмъ, люди сразу научаются работать на общество безъ всякихъ нормъ права, да и экономическихъ предпосылокъ такой перемѣны отмѣна капитализма не даетъ сразу.

А другихъ нормъ, кромѣ «буржуазнаго права», нѣтъ. И постольку остается еще необходимость въ государствѣ, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дѣлежа продукта.

Государство отмираетъ, поскольку капиталистовъ уже нѣтъ, классовъ уже нѣтъ, подавлять поэтому какой-бы то ни было классъ нельзя.

Но государство еще не отмерло совсѣмъ, ибо остается охрана «буржуазнаго права», освящающаго фактическое неравенство. Для полнаго отмиранія государства нуженъ полный коммунизмъ.

4. Высшая фаза коммунистическаго общества.

Марксъ продолжаетъ:

...«На высшей фазѣ коммунистическаго общества, послѣ того, какъ исчезнетъ порабощающее человѣка подчиненіе его раздѣленію труда; когда исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ противоположность умственнаго и физическаго труда; когда трудъ перестанетъ быть только средствомъ для жизни, а станетъ самъ первой потребностью жизни; когда вмѣстѣ съ всестороннимъ развитіемъ индивидуумовъ выростутъ и производительныя силы и всѣ источники общественнаго богатства польются полнымъ потокомъ, — лишь тогда можно будетъ совершенно преодолѣть узкій горизонтъ буржуазнаго

права, и общество сможетъ написать на своемъ знамени: «каждый по способностямъ, каждому по потребностямъ».

Только теперь мы можемъ оцѣнить всю правильность замѣчаній Энгельса, когда онъ безпощадно издѣвался надъ нелѣпостью соединенія словъ: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нѣтъ свободы. Когда будетъ свобода, не будетъ государства.

Экономической основой полнаго отмиранія государства является такое высокое развитіе коммунизма, при которомъ исчезаетъ противоположность умственнаго и физическаго труда, исчезаетъ, слѣд., одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ современнаго общественнаго неравенства и притомъ такой источникъ, котораго однимъ переходомъ средствъ производства въ общественную собственность, одной экспропріаціей капиталистовъ сразу устранить никакъ нельзя.

Эта экспропріація дастъ возможность гигантскаго развитія производительныхъ силъ. И видя, какъ теперь уже, капитализмъ невѣроятно задерживаетъ это развитіе, какъ многое можно было бы двинуть впередъ на базѣ современной, уже достигнутой, техники, мы вправѣ съ полнѣйшей увѣренностью сказать, что экспропріація капиталистовъ неизбѣжно дастъ гигантское развитіе производительныхъ силъ человѣческаго общества. Но какъ скоро пойдетъ это развитіе дальше, какъ скоро дойдетъ оно до разрыва съ раздѣленіемъ труда, до уничтоженія противоположности между умственнымъ и физическимъ трудомъ, до превращенія труда въ «первую жизненную потребность», этого мы не знаемъ и знать не можемъ.

Поэтому мы и вправѣ говорить лишь о неизбѣжномъ отмираніи государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость отъ быстроты развитія высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытымъ вопросъ о срокахъ или о конкретныхъ формахъ отмиранія, ибо матеріала для рѣшенія такихъ вопросовъ нѣтъ.

Государство сможетъ отмереть полностью тогда, когда общество осуществитъ правило: «каждый по способностямъ, каждому по потребностямъ», т.-е. когда люди настолько привыкнутъ къ соблюденію основныхъ правилъ общежитія и когда ихъ трудъ будетъ настолько производителенъ, что они

добровольно будутъ трудиться по способностямъ. «Узкій горизонтъ буржуазнаго права», заставляющій высчитывать, съ черствостью Шейлока, не переработать бы лишнихъ получаса противъ другого, не получить бы меньше платы, чѣмъ другой,—этотъ узкій горизонтъ будетъ тогда перейденъ. Распредѣленіе продуктовъ не будетъ требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемыхъ каждымъ продуктовъ; каждый будетъ свободно брать «по потребности».

Съ точки зрѣнія буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопіей» и зубоскалить по поводу того, что соціалисты обѣщаютъ каждому право получать отъ общества, безъ всякаго контроля за трудомъ отдѣльнаго гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, піанино и т. п. Такимъ зубоскальствомъ отдѣлываются и по нынѣ большинство буржуазныхъ «ученыхъ», которые обнаруживаютъ этимъ и свое невѣжество и свою корыстную защиту капитализма.

Невѣжество,—ибо «обѣщать», что высшая фаза развитія коммунизма наступитъ, ни одному соціалисту въ голову не приходило, а предвидѣніе великихъ соціалистовъ, что она наступитъ, предполагаетъ и не теперешнюю производительность труда и не-теперешняго обывателя, способнаго «зря»—въ родѣ какъ бурсаки у Помяловскаго—портить склады общественнаго богатства и требовать невозможнаго.

До тѣхъ поръ, пока наступитъ «высшая» фаза коммунизма, соціалисты требуютъ строжайшаго контроля со стороны общества и со стороны государства надъ мѣрой труда и мѣрой потребленія, но только контроль этотъ долженъ начаться съ экспропріаціи капиталистовъ, съ контроля рабочихъ за капиталистами и проводиться не государствомъ чиновниковъ, а государствомъ вооруженныхъ рабочихъ.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и ихъ прихвостнями въ родѣ г.г. Церетелли, Черновыхъ и К°) состоитъ именно въ томъ, что спорами и разговорами о далекомъ будущемъ они подмѣняютъ насущный и злободневный вопросъ сегодняшней политики: экспропріацію капиталистовъ, превращеніе всѣхъ гражданъ въ работниковъ и служащихъ одного крупнаго «синдиката» именно: всего государства, и полное подчиненіе всей работы всего

этого синдиката государству дѣйствительно демократическому, государству совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Въ сущности, когда ученый профессоръ, а за нимъ обыватель, а за нимъ господа Церетелли и Черновы говорятъ о безразсудныхъ утопiяхъ, о демагогическихъ обѣщанiяхъ большевиковъ, о невозможности «введенiя» соцiализма, они имѣютъ въ виду именно высшую стадiю или фазу коммунизма, «вводить» который никто не только не обѣщалъ, но и не помышлялъ, ибо «ввести» ея вообще нельзя.

И здѣсь мы подошли къ тому вопросу о научномъ различiи между соцiализмомъ и коммунизмомъ, котораго коснулся Энгельсъ въ приведенномъ выше разсужденiи его о неправильности названiя «соцiалъ-демократы». Политически различiе между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временемъ будетъ, вѣроятно, громадно, но теперь, при капитализмѣ, признавать его было бы смѣшно и выдвигать его на первый планъ могли бы развѣ лишь отдѣльные анархисты (если еще остались среди анархистовъ люди, ничему не научившiеся послѣ «плехановскаго» превращенiя Кропоткиныхъ, Грава, Корнелиссена и прочихъ «звѣздъ» анархизма въ соцiалъ-шовинистовъ или въ анархо-траншейниковъ, какъ выразился одинъ изъ немногихъ сохранившихъ честь и совѣсть анархистовъ, Гэ).

Но научная разница между соцiализмомъ и коммунизмомъ ясна. То, что обычно называютъ соцiализмомъ, Марксъ назвалъ «первой» или низшей фазой коммунистическаго общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизмъ» и тутъ примѣнимо, если не забывать, что это не полный коммунизмъ. Великое значенiе разъясненiй Маркса состоитъ въ томъ, что онъ послѣдовательно примѣняетъ и здѣсь матерiалистическую дiалектику, ученiе о развитiи, разсматривая коммунизмъ какъ нѣчто развивающееся изъ капитализма. Вмѣсто схоластически-выдуманныхъ, «сочиненныхъ» опредѣленiй и безплодныхъ споровъ о словахъ (что соцiализмъ, что коммунизмъ), Марксъ даетъ анализъ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрѣлости коммунизма.

Въ первой своей фазѣ, на первой своей ступени коммунизмъ не можетъ еще быть экономически вполнѣ зрѣлымъ,

вполнѣ свободнымъ отъ традицій или слѣдовъ капитализма. Отсюда такое интересное явленіе, какъ сохраненіе «узкаго горизонта буржуазнаго права»—при коммунизмѣ въ его первой фазѣ. Буржуазное право по отношенію къ распредѣленію продуктовъ потребленія предполагаетъ, конечно, неизбѣжно и буржуазное государство, ибо право есть ничто безъ аппарата, способнаго принуждать къ соблюденію нормъ права.

Выходитъ, что не только при коммунизмѣ остается въ теченіе извѣстнаго времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — безъ буржуазіи!

Это можетъ показаться парадоксомъ или просто діалектической игрой ума, въ которой часто обвиняютъ марксизмъ люди, не потрудившіеся ни капельки надъ тѣмъ, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержаніе.

На самомъ же дѣлѣ остатки стараго въ новомъ показываетъ намъ жизнь на каждомъ шагу, и въ природѣ и въ обществѣ. И Марксъ не произвольно всунулъ кусочекъ «буржуазнаго» права въ коммунизмъ, а взялъ то, что экономически и политически неизбѣжно въ обществѣ, выходящемъ изъ нѣдръ капитализма.

Демократія имѣетъ громадное значеніе въ борьбѣ рабочаго класса противъ капиталистовъ за свое освобожденіе. Но демократія вовсе не есть предѣлъ, его же не прейдеши, а лишь одинъ изъ этаповъ по дорогѣ отъ феодализма къ капитализму и отъ капитализма къ коммунизму.

Демократія означаетъ равенство. Понятно, какое великое значеніе имѣетъ борьба пролетаріата за равенство и лозунгъ равенства,—если правильно понимать его въ смыслѣ уничтоженія классовъ. Но демократія означаетъ только формальное равенство. И тотчасъ вслѣдъ за осуществленіемъ равенства всѣхъ членовъ общества по отношенію къ владѣнію средствами производства, т.-е. равенства труда, равенства заработной платы, предъ человѣчествомъ неминуемо встанетъ вопросъ о томъ, чтобы итти дальше, отъ формальнаго равенства къ фактическому, т.-е. къ осуществленію правила: «каждый по способностямъ, каждому по потребностямъ». Какими этапами, путемъ какихъ практическихъ мѣропріятій пойдетъ человѣчество къ этой высшей цѣли, мы не знаемъ и знать не можемъ. Но важно выяснить себѣ, какъ безко-

нечно лживо обычное буржуазное представленіе, будто соціализмъ есть нѣчто мертвое, застывшее, разъ на всегда данное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ только съ соціализма начнется быстрое, настоящее, дѣйствительно массовое, при участіи большинства населенія, а затѣмъ всего населенія, происходящее движеніе впередъ во всѣхъ областяхъ общественной и личной жизни.

Демократія есть форма государства, одна изъ его разновидностей. И, слѣдовательно, она представляетъ изъ себя, какъ и всякое государство, организованное, систематическое примѣненіе насилія къ людямъ. Это съ одной стороны. Но, съ другой стороны, она означаетъ формальное признаніе равенства между гражданами, равнаго права всѣхъ на опредѣленіе устройства государства и управленія имъ. А это, въ свою очередь, связано съ тѣмъ, что на извѣстной ступени развитія демократіи она, во-первыхъ, сплачиваетъ революціонный противъ капитализма классъ—пролетаріатъ и даетъ ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть съ лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армію, полицію, чиновничество, замѣнить ихъ болѣе демократической, но все еще государственной машиной въ видѣ вооруженныхъ рабочихъ массъ, переходящихъ къ поголовному участію народа въ милиціи.

Здѣсь «количество переходитъ въ качество»: такая степень демократизма связана съ выходомъ изъ рамокъ буржуазнаго общества, съ началомъ его соціалистическаго переустройства. Если дѣйствительно всѣ участвуютъ въ управленіи государствомъ, тутъ уже капитализму не удержаться. И развитіе капитализма, въ свою очередь, создаетъ предпосылки для того, что дѣйствительно «всѣ» могли участвовать въ управленіи государствомъ. Къ такимъ предпосылкамъ принадлежитъ поголовная грамотность, осуществленная уже рядомъ наиболѣе передовыхъ капиталистическихъ странъ, затѣмъ «обученіе и дисциплинированіе» милліоновъ рабочихъ крупнымъ, сложнымъ, обобществленнымъ аппаратомъ почты, желѣзныхъ дорогъ, крупныхъ фабрикъ, крупной торговли, банковаго дѣла и т. д. и т. п.

При такихъ экономическихъ предпосылкахъ вполнѣ возможно немедленно, съ сегодня на завтра, перейти къ тому,

чтобы, свергнувъ капиталистовъ и чиновниковъ, замѣнить ихъ—въ дѣлѣ контроля за производствомъ и распредѣленіемъ, въ дѣлѣ учета труда и продуктовъ—вооруженными рабочими, поголовно вооруженнымъ народомъ. (Не надо смѣшивать вопросъ о контролѣ и учетѣ съ вопросомъ о научно-образованномъ персоналѣ инженеровъ, агрономовъ и пр.: эти господа работаютъ сегодня, подчиняясь капиталистамъ, будутъ работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженнымъ рабочимъ).

Учетъ и контроль—вотъ главное, что требуется для налаженія, для правильнаго функціонированія первой фазы коммунистическаго общества. Всѣ граждане превращаются здѣсь въ служащихъ по найму у государства, каковымъ являются вооруженные рабочіе. Всѣ граждане становятся служащими и рабочими одного всенароднаго, государственнаго «синдиката». Все дѣло въ томъ, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая мѣру работы, и получали поровну. Учетъ этого, контроль за этимъ упрощенъ капитализмомъ до чрезвычайности, до необыкновенно простыхъ, всякому грамотному человѣку доступныхъ операцій наблюденія и записи, знанія четырехъ дѣйствій ариѳметики и выдачи соотвѣтственныхъ росписокъ *).

Когда большинство народа начнетъ производить самостоятельно и повсемѣстно такой учетъ, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь въ служащихъ) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистическія замашки, тогда этотъ контроль станетъ дѣйствительно универсальнымъ, всеобщимъ, всенароднымъ, тогда отъ него нельзя будетъ никакъ уклониться, «некуда будетъ дѣться».

Все общество будетъ одной конторой и одной фабрикой съ равенствомъ труда и равенствомъ платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую побѣдившій

---

*) Когда государство сводится въ главнѣйшей части его функцій къ такому учету и контролю со стороны самихъ рабочихъ, тогда оно перестаетъ быть «политическимъ государствомъ», тогда «общественныя функціи превращаются изъ политическихъ въ простыя административныя функціи» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемикѣ Энгельса съ анархистами).

капиталистовъ, свергнувшій эксплуататоровъ пролетаріатъ распространитъ на все общество, никоимъ образомъ не является ни идеаломъ нашимъ, ни нашей конечной цѣлью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества отъ гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатаціи и для дальнѣйшаго движенія впередъ.

Съ того момента, когда всѣ члены общества или хотя бы громадное большинство ихъ сами научились управлять государствомъ, сами взяли это дѣло въ свои руки, «наладили» контроль за ничтожнымъ меньшинствомъ капиталистовъ, за господчиками, желающими сохранить капиталистическія замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмомъ,— съ этого момента начинаетъ исчезать надобность во всякомъ управленіи вообще. Чѣмъ полнѣе демократія, тѣмъ ближе моментъ, когда она становится ненужной. Чѣмъ демократичнѣе «государство», состоящее изъ вооруженныхъ рабочихъ и являющееся «уже не государствомъ въ собственномъ смыслѣ слова», тѣмъ быстрѣе начинаетъ отмирать всякое государство.

Ибо когда всѣ научатся управлять и будутъ на самомъ дѣлѣ управлять самостоятельно общественнымъ производствомъ, самостоятельно осуществлять учетъ и контроль тунеядцевъ, баричей, мошенниковъ и тому подобныхъ «хранителей традицій капитализма»,—тогда уклоненіе отъ этого всенароднаго учета и контроля неизбѣжно сдѣлается такимъ неимовѣрно труднымъ, такимъ рѣдчайшимъ исключеніемъ, будетъ сопровождаться, вѣроятно, такимъ быстрымъ и серьезнымъ наказаніемъ (ибо вооруженные рабочіе—люди практической жизни, а не сантиментальные интеллигентики, и шутить они съ собой едва-ли позволятъ), что необходимость соблюдать несложныя, основныя правила всякаго человѣческаго общежитія очень скоро станетъ привычкой.

И тогда будетъ открыта настежь дверь къ переходу отъ первой фазы коммунистическаго общества къ высшей его фазѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ полному отмиранію государства.

ГЛАВА VI.

Опошленіе марксизма оппортунистами.

Вопросъ объ отношеніи государства къ соціальной революціи и соціальной революціи къ государству занималъ виднѣйшихъ теоретиковъ и публицистовъ 2-го Интернаціонала (1889—1914) очень мало, какъ и вообще вопросъ о революціи. Но самое характерное въ томъ процессѣ постепеннаго роста оппортунизма, который привелъ къ краху 2-го Интернаціонала въ 1914-омъ году, это то, что даже когда вплотную подходили къ этому вопросу, его старались обойти или его не замѣчали.

Въ общемъ и цѣломъ можно сказать, что изъ уклончивости по вопросу объ отношеніи пролетарской революціи къ государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло извращеніе марксизма и полное опошленіе его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратцѣ, этотъ печальный процессъ, возьмемъ виднѣйшихъ теоретиковъ марксизма, Плеханова и Каутскаго.

I. Полемика Плеханова съ анархистами.

Плехановъ посвятилъ вопросу объ отношеніи анархизма къ соціализму особую брошюру: «Анархизмъ и соціализмъ», которая вышла по-нѣмецки въ 1894 году.

Плехановъ ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболѣе существенное въ борьбѣ противъ анархизма, именно отношеніе революціи къ государству и вопросъ о государствѣ вообще! Въ его брошюрѣ выдѣляются двѣ части: одна—историко-литературная, съ цѣннымъ матеріаломъ по исторіи идей Штирнера, Прудона и пр.; другая часть: филистерская, съ аляповатымъ разсужденіемъ на тему о томъ, что анархиста не отличишь отъ бандита.

Сочетаніе темъ презабавное и прехарактерное для всей дѣятельности Плеханова во время кануна революціи и въ теченіе революціоннаго періода въ Россіи: Плехановъ такъ и

показалъ себя въ 1905—1917 годахъ—полудоктринеромъ, полуфилистеромъ, въ политикѣ шедшимъ въ хвостѣ у буржуазіи.

Мы видѣли, какъ Марксъ и Энгельсъ, полемизируя съ анархистами, выясняли всего тщательнѣе свои взгляды на отношеніе революціи къ государству. Энгельсъ, издавая въ 1891 г. «Критику Готской программы» Маркса, писалъ, что «мы (т.-е. Энгельсъ и Марксъ) находились тогда въ самомъ разгарѣ борьбы съ Бакунинымъ и его анархистами—послѣ Гаагскаго конгресса (перваго) Интернаціонала едва прошло два года».

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, такъ сказать, «своей», подтверждающей ихъ ученіе, при чемъ они совершенно не поняли уроковъ Коммуны и анализа этихъ уроковъ Марксомъ. Ничего даже приблизительно подходящаго къ истинѣ по конкретно-политическимъ вопросамъ: надо-ли *разбить* старую государственную машину и *чѣмъ* замѣнить ее, анархизмъ не далъ.

Но говорить объ «анархизмѣ и соціализмѣ», обходя весь вопросъ о государствѣ, *не замѣчая* всего развитія марксизма до и послѣ Коммуны, это значило неминуемо скатываться къ оппортунизму. Ибо оппортунизму какъ-разъ больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчасъ вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть побѣда оппортунизма.

2. Полемика Каутскаго съ оппортунистами.

Въ русской литературѣ переведено, несомнѣнно, неизмѣримо большее количество произведеній Каутскаго, чѣмъ въ какой бы то ни было въ другой. Не даромъ шутятъ иные нѣмецкіе соціалъ-демократы, что Каутскаго больше читаютъ въ Россіи, чѣмъ въ Германіи (въ скобкахъ сказать, въ этой шуткѣ есть гораздо болѣе глубокое историческое содержаніе, чѣмъ подозрѣваютъ тѣ, кто пустилъ ее въ ходъ, именно: русскіе рабочіе, предъявивъ въ 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спросъ на лучшія произведенія, лучшей въ мірѣ соціалдемократической литературы и получивъ неслыханное въ иныхъ странахъ количество переводовъ и изданій этихъ произведеній, тѣмъ самымъ перенесли, такъ сказать, на молодую почву нашего пролетарскаго движенія ускорен-

нымъ образомъ громадный опытъ сосѣдней, болѣе передовой страны).

Особенно извѣстенъ у насъ Каутскій, кромѣ своего популярнаго изложенія марксизма, своей полемикой съ оппортунистами и съ Бернштейномъ во главѣ ихъ. Но почти неизвѣстенъ фактъ, котораго нельзя обойти, если ставить себѣ задачей прослѣдить, какъ скатился Каутскій къ невѣроятно-позорной растерянности и защитѣ соціалъ-шовинизма во время величайшаго кризиса 1914—15 годовъ. Это именно тотъ фактъ, что передъ своимъ выступленіемъ противъ виднѣйшихъ представителей оппортунизма во Франціи (Мильеранъ и Жоресъ) и въ Германіи (Бернштейнъ) Каутскій проявилъ очень большія колебанія. Марксистская «Заря», выходившая въ 1901—02 г.г. въ Штутгартѣ и отстаивавшая революціонно-пролетарскіе взгляды, вынуждена была полемизировать съ Каутскимъ, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношенію къ оппортунистамъ резолюцію на парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 года. Въ нѣмецкой литературѣ были напечатаны письма Каутскаго, обнаруживавшія не меньшія колебанія его передъ выступленіемъ въ походъ противъ Бернштейна.

Неизмѣримо большее значеніе имѣетъ однако то обстоятельство, что въ самой его полемикѣ съ оппортунистами, въ его постановкѣ вопроса и способа трактованія вопроса мы замѣчаемъ теперь, когда изучаемъ исторію новѣйшей измѣны марксизму со стороны Каутскаго, систематическій уклонъ къ оппортунизму именно по вопросу о государствѣ.

Возьмемъ первое крупное произведеніе Каутскаго противъ оппортунизма, его книгу «Бернштейнъ и соц.-демократич. программа». Каутскій подробно опровергаетъ Бернштейна. Но вотъ что характерно.

Бернштейнъ въ своихъ геростратовски знаменитыхъ «предпосылкахъ соціализма» обвиняетъ марксизмъ въ «бланкизмѣ» (обвиненіе, съ тѣхъ поръ тысячу разъ повторенное оппортунистами и либеральными буржуа въ Россіи противъ представителей революціоннаго марксизма, большевиковъ). При этомъ Бернштейнъ останавливается спеціально на марксовой «Гражданской войнѣ во Франціи» и пытается—какъ мы видѣли, весьма неудачно — отождествить точку зрѣнія Маркса

на уроки Коммуны съ точкой зрѣнія Прудона. Особенное вниманіе Бернштейна вызываетъ то заключеніе Маркса, которое этотъ послѣдній подчеркнулъ въ предисловіи 1872 года къ «Коммунистическому Манифесту» и которое гласитъ: «рабочій классъ не можетъ просто взять въ руки готовой государственной машины и пустить ее въ ходъ для своихъ собственныхъ цѣлей».

Бернштейну такъ «понравилось» это изреченіе, что онъ не меньше трехъ разъ въ своей книгѣ повторяетъ его, толкуя его въ самомъ извращенномъ, оппортунистическомъ смыслѣ.

Марксъ, какъ мы видѣли, хочетъ сказать, что рабочій классъ долженъ разбить, сломать, взорвать (Sprengung, взрывъ, — выраженіе употребленное Энгельсомъ) всю государственную машину. А у Бернштейна выходитъ, будто Марксъ предостерегалъ этими словами рабочій классъ противъ чрезмѣрной революціонности при захватѣ власти.

Болѣе грубаго и безобразнаго извращенія мысли Маркса нельзя себѣ представить.

Какъ же поступилъ Каутскій въ своемъ подробнѣйшемъ опроверженіи бернштейніады?

Онъ уклонился отъ разбора всей глубины извращенія марксизма оппортунизмомъ въ этомъ пунктѣ. Онъ привелъ цитированный выше отрывокъ изъ предисловія Энгельса къ «Гражданской войнѣ» Маркса, сказавъ, что, по Марксу, рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной, но вообще можетъ овладѣть ей, и только. О томъ, что Бернштейнъ приписалъ Марксу прямо обратное дѣйствительной мысли Маркса, что Марксъ съ 1852 года выдвигалъ задачу пролетарской революціи «разбить» государственную машину, объ этомъ у Каутскаго ни слова.

Вышло такъ, что самое существенное отличіе марксизма отъ оппортунизма по вопросу о задачахъ пролетарской революціи оказалось у Каутскаго смазаннымъ!

«Рѣшеніе вопроса о проблемѣ пролетарской диктатуры— писалъ Каутскій «противъ» Бернштейна—мы вполнѣ спокойно можемъ предоставить будущему» (стр. 172 нѣм. издан.).

Это не полемика противъ Бернштейна, а въ сущности уступка ему, сдача позицій оппортунизму, ибо оппорту-

нистамъ пока ничего большаго и не надо, какъ «вполнѣ спокойно предоставить будущему» всѣ коренные вопросы о задачахъ пролетарской революціи.

Марксъ и Энгельсъ съ 1852 г. по 1891 годъ, въ теченіе борока лѣтъ, учили пролетаріатъ тому, что онъ долженъ разбить государственную машину. А Каутскій въ 1899 году передъ лицомъ полной измѣны оппортунистовъ марксизму въ этомъ пунктѣ продѣлываетъ подмѣнъ вопроса о томъ, необходимо ли эту машину разбить, вопросомъ о конкретныхъ формахъ разбиванія и спасается подъ сѣнь «безспорной» (и безплодной) филистерской истины, что конкретныхъ формъ напередъ знать мы не можемъ!

Между Марксомъ и Каутскимъ — пропасть въ ихъ отношеніи къ задачѣ пролетарской партіи готовить рабочій классъ къ революціи.

Возьмемъ слѣдующее, болѣе зрѣлое, произведеніе Каутскаго, посвященное тоже въ значительной степени опроверженію ошибокъ оппортунизма. Это—его брошюра о «Соціальной революціи». Авторъ взялъ здѣсь своей спеціальной темой вопросъ о «пролетарской революціи» и о «пролетарскомъ режимѣ». Авторъ далъ очень много чрезвычайно цѣннаго, но какъ разъ вопросъ о государствѣ обошелъ. Въ брошюрѣ говорится вездѣ о завоеваніи государственной власти, и только, т.-е. выбрана такая формулировка, которая дѣлаетъ уступку оппортунизмамъ, поскольку допускаетъ завоеваніе власти безъ разрушенія государственной машины. Какъ разъ то, что Марксъ въ 1872 году объявилъ «устарѣлымъ» въ программѣ «Коммунистическаго Манифеста», возрождается Каутскимъ въ 1902 году.

Въ брошюрѣ посвященъ спеціальный параграфъ «Формамъ и оружію соціальной революціи». Здѣсь говорится и о массовой политической стачкѣ и о гражданской войнѣ и о такихъ «орудіяхъ силы современнаго крупнаго государства, какъ бюрократія и армія», но о томъ, чему уже научила рабочихъ Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельсъ не даромъ предостерегалъ, особенно нѣмецкихъ соціалистовъ противъ «суевѣрнаго почтенія» къ государству.

Каутскій излагаетъ дѣло такъ: побѣдившій пролетаріатъ «осуществитъ демократическую программу» и излагаетъ параграфы ея. О томъ, что̀ новаго далъ 1871-й годъ по вопросу

о замѣнѣ пролетарскою демократіей демократіи буржуазной, ни звука. Каутскій отдѣлывается такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнемъ господства при теперешнихъ порядкахъ. Революція сама предполагаетъ продолжительную и глубокозахватывающую борьбу, которая успѣетъ уже измѣнить нашу теперешнюю политическую и соціальную структуру».

Несомнѣнно, что это «очевидно само собой», какъ и та истина, что лошади кушаютъ овесъ и что Волга течетъ въ Каспійское море. Жаль только, что посредствомъ пустой и надутой фразы о «глубокозахватывающей» борьбѣ обходится насущный для революціоннаго пролетаріата вопросъ о томъ, въ чемъ же выражается «глубина» его революціи по отношенію къ государству, по отношенію къ демократіи, въ отличіе отъ прежнихъ, не пролетарскихъ революцій.

Обходя этотъ вопросъ, Каутскій на дѣлѣ по этому существеннѣйшему пункту дѣлаетъ уступку оппортунизму, объявляя грозную на словахъ войну ему, подчеркивая значеніе «идеи революціи» (многаго ли стоитъ эта «идея», если бояться пропагандировать рабочимъ конкретныя идеи революціи?) или говоря: «революціонный идеализмъ прежде всего» или объявляя, что англійскіе рабочіе представляютъ изъ себя теперь «едва ли многимъ большее, чѣмъ мелкихъ буржуа».

«Въ соціалистическомъ обществѣ—пишетъ Каутскій—могутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ... самыя различныя формы предпріятій: бюрократическое (??), тредъюніонистское, кооперативное, единоличное»...

«Существуютъ, напримѣръ, предпріятія, которыя не могутъ обойтись безъ бюрократической (??) организаціи,—таковы желѣзныя дороги. Тутъ демократическая организація можетъ получить такой видъ: рабочіе выбираютъ делегатовъ, которые образуютъ нѣчто въ родѣ парламента, и этотъ парламентъ устанавливаетъ распорядокъ работъ и наблюдаетъ за управленіемъ бюрократическаго аппарата. Другія предпріятія можно передать въ вѣдѣніе рабочихъ союзовъ, третьи можно организовать на кооперативныхъ началахъ» (стр. 148 и 115 русскаго перевода, женевское изданіе 1903 года).

Это разсужденіе ошибочно, представляя изъ себя шагъ назадъ по сравненію съ тѣмъ, что разъясняли въ 70-хъ годахъ Марксъ и Энгельсъ на примѣрѣ уроковъ Коммуны.

Желѣзныя дороги рѣшительно ничѣмъ не отличаются, съ точки зрѣнія необходимой будто-бы «бюрократической» организаціи, отъ всѣхъ вообще предпріятій крупной машинной индустріи, отъ любой фабрики, большого магазина, крупно капиталистическаго сельско-хозяйственнаго предпріятія. Во всѣхъ такихъ предпріятіяхъ техника предписываетъ безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюденіи каждымъ указанной ему доли работы, подъ угрозой остановки всего дѣла или порчи механизма, порчи продукта. Во всѣхъ такихъ предпріятіяхъ рабочіе будутъ, конечно, «выбирать делегатовъ, которые образуютъ нѣчто въ родѣ парламента».

Но въ томъ-то вся и соль, что это «нѣчто въ родѣ парламента» не будетъ парламентомъ въ смыслѣ буржуазно-парламентарныхъ учрежденій. Въ томъ-то вся и соль, что это «нѣчто въ родѣ парламента» не будетъ только «устанавливать распорядокъ и наблюдать за управленіемъ бюрократическаго аппарата», какъ воображаетъ Каутскій, мысль котораго не выходитъ за рамки буржуазнаго парламентаризма. Въ соціалистическомъ обществѣ «нѣчто въ родѣ парламента» изъ рабочихъ депутатовъ будетъ, конечно, устанавливать распорядокъ и наблюдать за управленіемъ «аппарата», но аппаратъ-то этотъ не будетъ «бюрократическимъ». Рабочіе, завоевавъ политическую власть, разобьютъ старый бюрократическій аппаратъ, сломаютъ его до основанія, не оставятъ отъ него камня на камнѣ, замѣнятъ его новымъ, состоящимъ изъ тѣхъ же самыхъ рабочихъ и служащихъ, противъ превращенія коихъ въ бюрократовъ будутъ приняты тотчасъ мѣры, подробно разобранныя Марксомъ и Энгельсомъ: 1) не только выборность, но и смѣняемость въ любое время; 2) плата не выше платы рабочаго; 3) переходъ немедленный къ тому, чтобы всѣ исполняли функціи контроля и надзора, чтобы всѣ на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не могъ стать «бюрократомъ».

Каутскій совершенно не продумалъ словъ Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпораціей, въ одно и то же время издающей законы и исполняющей ихъ».

Каутскій совершенно не понялъ разницы между буржуазнымъ парламентаризмомъ, соединяющимъ демократію (не для народа) съ бюрократизмомъ (противъ народа),—и пролетарскимъ демократизмомъ, который сразу приметъ мѣры, чтобы въ корнѣ подрѣзать бюрократизмъ, и который въ состояніи будетъ довести эти мѣры до конца, до полнаго уничтоженія бюрократизма, до полнаго введенія демократіи для народа.

Каутскій обнаружилъ здѣсь все то же «суевѣрное почтеніе» къ государству, «суевѣрную вѣру» въ бюрократизмѣ.

Перейдемъ къ послѣднему и лучшему произведенію Каутскаго противъ оппортунистовъ, къ его брошюрѣ «Путь къ власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла въ разгаръ реакціи у насъ, въ 1909 году). Это брошюра есть большой шагъ впередъ, поскольку въ ней говорится не о революціонной программѣ вообще, какъ въ брошюрѣ 1899 года противъ Бернштейна, не о задачахъ соціальной революціи безотносительно къ времени ея наступленія, какъ въ брошюрѣ «Соціальная революція» 1902 года, а о конкретныхъ условіяхъ, заставляющихъ насъ признать, что «эра революціи» наступаетъ.

Авторъ опредѣленно указываетъ на обостреніе классовыхъ противорѣчій вообще и на имперіализмъ, играющій особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи. Послѣ «революціоннаго періода 1789—1871 г.г.» для Западной Европы, начинается съ 1905 года аналогичный періодъ для Востока. Всемірная война надвигается съ угрожающей быстротой. «Пролетаріатъ не можетъ уже больше говорить о преждевременной революціи». «Мы вступили въ революціонный періодъ». «Революціонная эра начинается».

Эти заявленія совершенно ясны. Эта брошюра Каутскаго должна служить мѣриломъ для сравненія того, чѣмъ обѣщала быть германская соціалъ-демократія передъ имперіалистической войной и какъ низко она пала (въ томъ числѣ и самъ Каутскій) при взрывѣ войны. «Теперешняя ситуація—писалъ Каутскій въ разсматриваемой брошюрѣ—ведетъ за собой ту опасность, что насъ (т.-е. германскую соціалъ-демократію) легко принять за болѣе умѣренныхъ, чѣмъ мы есть на дѣлѣ». Оказалось, что на дѣлѣ германская соціалъ-

демократическая партія несравненно болѣе умѣренна и оппортунистична, чѣмъ она казалась!

Тѣмъ характернѣе, что при такой опредѣленности заявленій Каутскаго насчетъ начавшейся уже эры революціи, онъ и въ брошюрѣ, посвященной, по его собственнымъ словамъ, разбору вопроса именно о «политической революціи», опять-таки совершенно обошелъ вопросъ о государствѣ.

Изъ суммы этихъ обходовъ вопроса, умолчаній, уклончивостей и получился неизбѣжно тотъ полный переходъ къ оппортунизму, о которомъ намъ сейчасъ придется говорить.

Германская соціалъ-демократія, въ лицѣ Каутскаго, какъ бы заявляла: я остаюсь при революціонныхъ воззрѣніяхъ (1899 г.). Я признаю въ особенности неизбѣжность соціальной революціи пролетаріата (1902 г.). Я признаю наступленіе новой эры революцій (1909 г.). Но я все-же таки иду назадъ противъ того, что говорилъ Марксъ уже въ 1852 году, разъ вопросъ ставится о задачахъ пролетарской революціи по отношенію къ государству (1912 г.).

Именно такъ былъ поставленъ вопросъ въ упоръ въ полемикѣ съ Паннекукомъ.

3. Полемика Каутскаго съ Паннекукомъ.

Паннекукъ выступилъ противъ Каутскаго, какъ одинъ изъ представителей того «лѣворадикальнаго» теченія, которое числило въ своихъ рядахъ Розу Люксембургъ, Карла Радека и др. и которое, отстаивая революціонную тактику, объединялось убѣжденіемъ, что Каутскій переходитъ на позицію «центра», безпринципно колеблющагося между марксизмомъ и оппортунизмомъ. Правильность этого взгляда вполнѣ доказала война, когда теченіе «центра» (неправильно называемаго марксистскимъ) или «каутскіанства» вполнѣ показало себя во всемъ своемъ отвратительномъ убожествѣ.

Въ затронувшей вопросъ о государствѣ статьѣ: «Массовыя дѣйствія и революція» (Neue Zeit, 1912; XXX, 2), Паннекукъ охарактеризовалъ позицію Каутскаго, какъ позицію «пассивнаго радикализма», «теорію бездѣятельнаго ожиданія». «Каутскій не хочетъ видѣть процесса революціи» (стр. 616). Ставя вопросъ такимъ образомъ, Паннекукъ подо-

шелъ къ интересующей насъ темѣ о задачахъ пролетарской революціи по отношенію къ государству.

«Борьба пролетаріата—писалъ онъ—есть не просто борьба противъ буржуазіи и з ъ з а государственной власти, а борьба п р о т и в ъ государственной власти... Содержаніе пролетарской революціи есть уничтоженіе орудій силы государства и вытѣсненіе ихъ (буквально: распущеніе Auflösung) орудіями силы пролетаріата... Борьба прекращается лишь тогда, когда какъ конечный результатъ ея наступаетъ полное разрушеніе государственной организаціи. Организація большинства доказываетъ свое превосходство тѣмъ, что уничтожаетъ организацію господствующаго меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, въ которую облекъ свои мысли Паннекукъ, страдаетъ очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, к а к ъ опровергалъ ее Каутскій.

«До сихъ поръ—писалъ онъ—противоположность между соціалъ-демократами и анархистами состояла въ томъ, что первые хотѣли завоевать государственную власть, вторые ее разрушить. Паннекукъ хочетъ и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложеніе страдаетъ неотчетливостью и недостаткомъ конкретности (не говоря здѣсь о другихъ недостаткахъ его статьи, не относящихся къ разбираемой темѣ), то Каутскій взялъ именно намѣченную Паннекукомъ п р и н ц и п і а л ь н у ю суть дѣла, и п о к о р е н н о м у п р и н ц и п і а л ь н о м у вопросу Каутскій цѣликомъ покинулъ позицію марксизма, перешелъ вполнѣ къ оппортунизму. Различіе между соціалъ-демократами и анархистами опредѣлено у него совершенно невѣрно, марксизмъ искаженъ и опошленъ окончательно.

Различіе между марксистами и анархистами состоитъ въ томъ, что (1) первые, ставя своей цѣлью полное уничтоженіе государства, признаютъ эту цѣль осуществимой лишь послѣ уничтоженія классовъ соціалистической революціей, какъ результатъ установленія соціализма, ведущаго къ отмиранію государства; вторые хотятъ полнаго уничтоженія государства съ сегодня на завтра, не понимая условій осуществимости такого уничтоженія. (2) Первые признаютъ необходимымъ, чтобы пролетаріатъ, завоевавъ политическую власть, разрушилъ полностью старую государственную машину, замѣнивъ ее новой, состоящей изъ организаціи вооруженныхъ рабо-

чихъ, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушеніе государственной машины представляютъ себѣ совершенно не ясно, чѣмъ ее пролетаріатъ замѣнитъ и какъ онъ будетъ пользоваться революціонной властью; анархисты даже отрицаютъ использованіе государственной власти революціоннымъ пролетаріатомъ, его революціонную диктатуру. (3) Первые требуютъ подготовки пролетаріата къ революціи путемъ использованія современнаго государства; анархисты это отрицаютъ.

Противъ Каутскаго марксизмъ представленъ именно Паннекукомъ, въ данномъ спорѣ, ибо какъ разъ Марксъ училъ тому, что пролетаріатъ не можетъ просто завоевать государственную власть въ смыслѣ перехода въ новыя руки стараго государственнаго аппарата, а долженъ разбить, сломать этотъ аппаратъ, замѣнить его новымъ.

Каутскій уходитъ отъ марксизма къ оппортунистамъ, ибо у него совершенно исчезаетъ именно это разрушеніе государственной машины, совершенно непріемлемое для оппортунистовъ, и остается лазейка для нихъ въ смыслѣ истолкованія «завоеванія» какъ простого пріобрѣтенія большинства.

Чтобы прикрыть свое извращеніе марксизма, Каутскій поступаетъ, какъ начетчикъ: онъ двигаетъ «цитату» изъ самого Маркса. Въ 1850 году Марксъ писалъ о необходимости «рѣшительной централизаціи силы въ рукахъ государственной власти». И Каутскій спрашиваетъ съ торжествомъ: не хочетъ-ли Паннекукъ разрушить «централизмъ»?

Это уже просто фокусъ, похожій на бернштейновское отождествленіе марксизма и прудонизма во взглядахъ на федерацію вмѣсто централизма.

«Цитата» взята Каутскимъ ни къ селу ни къ городу Централизмъ возможенъ и со старой и съ новой государственной машиной. Если рабочіе добровольно объединятъ свои вооруженныя силы, это будетъ централизмъ, но онъ будетъ покоиться на «полномъ разрушеніи» государственнаго централистическаго аппарата, постоянной арміи, полиціи, бюрократіи. Каутскій поступаетъ совершенно мошеннически, обходя прекрасно извѣстныя разсужденія Маркса и Энгельса о Коммунѣ и вытаскивая цитату, не относящуюся къ вопросу.

...«Можетъ быть, Паннекукъ хочетъ уничтожить государ-

ственныя функціи чиновниковъ?» — продолжаетъ Каутскій. «Но мы не обходимся безъ чиновниковъ и въ партійной и въ профессіональной организаціи, не говоря уже о государственномъ управленіи. Наша программа требуетъ не уничтоженія государственныхъ чиновниковъ, а выбора чиновниковъ народомъ...

«Рѣчь идетъ у насъ теперь не о томъ, какой видъ приметъ аппаратъ управленія въ «будущемъ государствѣ», а о томъ, уничтожаетъ-ли (буквально: распускаетъ, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, прежде чѣмъ мы ее завоевали (курсивъ Каутскаго). Какое министерство съ его чиновниками могло-бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвѣщенія, юстиціи, финансовъ, военное. «Нѣтъ, ни одно изъ теперешнихъ министерствъ не будетъ устранено нашей политической борьбой противъ правительства... Я повторяю, чтобы избѣжать недоразумѣній: рѣчь идетъ не о томъ, какую форму придастъ «государству будущаго» побѣдоносная соціалъ-демократія, а о томъ, какъ измѣняетъ теперешнее государство наша оппозиція» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекукъ ставилъ вопросъ именно о революціи. Это и въ заглавіи его статьи и въ цитированныхъ мѣстахъ сказано ясно. Перескакивая на вопросъ объ «оппозиціи», Каутскій какъ-разъ и подмѣняетъ революціонную точку зрѣнія оппортунистической. У него выходитъ такъ: теперь оппозиція, а послѣ завоеванія власти поговоримъ особо. Революція исчезаетъ... Это какъ-разъ то, что и требовалось оппортунистамъ.

Рѣчь идетъ не объ оппозиціи и не о политической борьбѣ вообще, а именно о революціи. Революція состоитъ въ томъ, что пролетаріатъ разрушаетъ «аппаратъ управленія» и весь государственный аппаратъ, замѣняя его новымъ, состоящимъ изъ вооруженныхъ рабочихъ. Каутскій обнаруживаетъ «суевѣрное почтеніе» къ «министерствамъ», но почему они не могутъ быть замѣнены, скажемъ, комиссіями спеціалистовъ при полновластныхъ и всевластныхъ совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ?

Суть дѣла совсѣмъ не въ томъ, останутся-ли «министерства», будутъ-ли «комиссіи спеціалистовъ» или иныя какія учрежденія, это совершенно не важно. Суть дѣла въ томъ, сохраняется-ли старая государственная машина (связанная

тысячами нитей съ буржуазіей и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она разрушается и замѣняется новой. Революція должна состоять не въ томъ, чтобы новый классъ командовалъ, управлялъ при помощи старой государственной машины, а въ томъ, чтобы онъ разбилъ эту машину и командовалъ, управлялъ при помощи новой машины—эту основную мысль марксизма Каутскій смазываетъ или онъ совсѣмъ не понялъ ее.

Его вопросъ насчетъ чиновниковъ показываетъ наглядно, что онъ не понялъ уроковъ Коммуны и ученія Маркса. «Мы не обходимся безъ чиновниковъ въ партійной и въ профессіональной организаціи»...

Мы не обходимся безъ чиновниковъ при капитализмѣ, при господствѣ буржуазіи. Пролетаріатъ угнетенъ трудящіяся массы порабощены капитализмомъ. При капитализмѣ демократизмъ суженъ, сжатъ, урѣзанъ, изуродованъ всей обстановкой наемнаго рабства, нужды и нищеты массъ. Поэтому, и только поэтому, въ нашихъ политическихъ и профессіональныхъ организаціяхъ должностныя лица развращаются (или имѣютъ тенденцію быть развращаемыми, говоря точнѣе) обстановкой капитализма и проявляютъ тенденцію къ превращенію въ бюрократовъ, т.-е. въ оторванныхъ отъ массъ, въ стоящихъ надъ массами, привилегированныхъ лицъ.

Въ этомъ суть бюрократизма, и пока не экспропріированы капиталисты, пока не свергнута буржуазія, до тѣхъ поръ неизбѣжна извѣстная «бюрократизація» даже пролетарскихъ должностныхъ лицъ.

У Каутскаго выходитъ такъ: разъ останутся выборныя должностныя лица, значитъ, останутся и чиновники при соціализмѣ, останется бюрократія! Именно это то и не вѣрно. Именно на примѣрѣ Коммуны Марксъ показалъ, что при соціализмѣ должностныя лица перестаютъ быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестаютъ по мѣрѣ введенія кромѣ выборности еще смѣняемости въ любое время, да еще сведенія платы къ среднему рабочему уровню, да еще замѣны парламентарныхъ учрежденій «работающими, т.-е. издающими законы и проводящими ихъ въ жизнь».

Въ сущности, вся аргументація Каутскаго противъ Паннекука и особенно великолѣпный доводъ Каутскаго, что мы

и въ профессіональныхъ и въ партійныхъ организаціяхъ не обходимся безъ чиновниковъ, показываютъ повтореніе Каутскимъ старыхъ «доводовъ» Бернштейна противъ марксизма вообще. Въ своей ренегатской книгѣ «Предпосылки соціализма» Бернштейнъ воюетъ противъ идей «примитивной» демократіи, противъ того, что онъ называетъ «доктринерскимъ демократизмомъ» — императивные мандаты, не получающія вознагражденія должностныя лица, безсильное центральное представительство и т. д. Въ доказательство несостоятельности примитивнаго демократизма» Бернштейнъ ссылается на опытъ англійскихъ тредъ-юніоновъ въ истолкованіи его супругами Вэббъ. За 70 дескать лѣтъ своего развитія тредъюніоны, развивавшіеся будто бы «въ полной свободѣ» (стр. 137 нѣм. изд.), убѣдились именно въ непригодности примитивнаго демократизма и замѣнили его обычнымъ: парламентаризмъ, соединенный съ бюрократизмомъ.

На дѣлѣ тредъ-юніоны развивались не «въ полной свободѣ», а въ полномъ капиталистическомъ рабствѣ, при которомъ, разумѣется, «не обойтись» безъ ряда уступокъ царящему злу, насилію, неправдѣ, исключенію бѣдноты изъ дѣлъ «высшаго» управленія. При соціализмѣ многое изъ «примитивной» демократіи неизбѣжно оживетъ, ибо впервые въ исторіи цивилизованныхъ обществъ масса населенія поднимается до самостоятельнаго участія не только въ голосованіяхъ и выборахъ, но и въ повседневномъ управленіи. При соціализмѣ всѣ будутъ управлять по очереди и быстро привыкнутъ къ тому, чтобы никто не управлялъ.

Марксъ съ его геніальнымъ критически-аналитическимъ умомъ увидѣлъ въ практическихъ мѣрахъ Коммуны тотъ переломъ, котораго боятся и не хотятъ признавать оппортунисты изъ трусости, изъ-за нежеланія безповоротно порвать съ буржуазіей, и котораго не хотятъ видѣть анархисты либо изъ торопливости либо изъ непониманія условій массовыхъ соціальныхъ превращеній вообще. «Не надо и думать о разрушеніи старой государственной машины, гдѣ же намъ обойтись безъ министерствъ и безъ чиновниковъ» — разсуждаетъ оппортунистъ, насквозь пропитанный филистерствомъ и, въ сущности, не только невѣрящій въ революцію, въ твор-

чество революціи, но смертельно боящійся ея (какъ боятся ея наши меньшевики и эсэры).

«Надо думать только о разрушеніи старой государственной машины, нечего вникать въ конкретные уроки прежнихъ пролетарскихъ революцій и анализировать, чѣмъ и какъ замѣнять разрушаемое» — разсуждаетъ анархистъ (лучшій изъ анархистовъ, конечно, а не такой, который, вслѣдъ за господами Кропоткинами и К°, плетется за буржуазіей); и у анархиста выходитъ поэтому тактика отчаянія, а не безпощадно-смѣлой и въ то же время считающейся съ практическими условіями движенія массъ революціонной работы надъ конкретными задачами.

Марксъ учитъ насъ избѣгать обѣихъ ошибокъ, учитъ беззавѣтной смѣлости въ разрушеніи всей старой государственной машины и въ то же время учитъ ставить вопросъ конкретно: Коммуна смогла въ нѣсколько недѣль начать строить новую, пролетарскую, государственную машину, вотъ такъ-то проводя указанныя мѣры къ большему демократизму и къ искорененію бюрократизма. Будемъ учиться у коммунаровъ революціонной смѣлости, будемъ видѣть въ ихъ практическихъ мѣрахъ намѣчаніе практически-насущныхъ и немедленно-возможныхъ мѣръ и тогда, идя такимъ путемъ, мы придемъ къ полному разрушенію бюрократизма.

Возможность такого разрушенія обезпечена тѣмъ, что соціализмъ сократитъ рабочій день, подниметъ массы къ новой жизни, поставитъ большинство населенія въ условія, позволяющія всѣмъ безъ изъятія выполнять «государственныя функціи», а это приводитъ къ полному отмиранію всякаго государства вообще.

...«Задача массовой стачки — продолжаетъ Каутскій — никогда не можетъ состоять въ томъ, чтобы разрушить государственную власть, а только въ томъ, чтобы привести правительство къ уступчивости въ какомъ-либо опредѣленномъ вопросѣ или замѣнить правительство, враждебное пролетаріату, правительствомъ, идущимъ ему навстрѣчу (entgegenkommende). ...Но никогда и ни при какихъ условіяхъ это (т.-е. побѣда пролетаріата надъ враждебнымъ правительствомъ) не можетъ вести къ разрушенію государственной власти, а только къ извѣстной передвижкѣ (Verschiebung) отношеній силъ внутри государственной власти... И

цѣлью нашей политической борьбы остается при этомъ, какъ и до сихъ поръ, завоеванiе государственной власти посредствомъ прiобрѣтенiя большинства въ парламентѣ и превращенiе парламента въ господина надъ правительствомъ» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистѣйшiй и пошлѣйшiй оппортунизмъ, отреченiе отъ революцiи на дѣлѣ при признанiи ея на словахъ. Мысль Каутскаго не идетъ дальше «правительства, идущаго навстрѣчу пролетарiату» — шагъ назадъ къ филистерству по сравненiю съ 1847 годомъ, когда «Коммунистическiй Манифестъ» провозгласилъ «организацiю пролетарiата въ господствующiй классъ».

Каутскому придется осуществлять излюбленное имъ «единство» съ Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые всѣ согласны бороться за правительство, «идущее навстрѣчу пролетарiату».

А мы пойдемъ на расколъ съ этими измѣнниками соцiализма и будемъ бороться за разрушенiе всей старой государственной машины, такъ, чтобы самъ вооруженный пролетарiатъ былъ правительствомъ. Это — «двѣ большiя разницы».

Каутскому придется быть въ прiятной компанiи Легиновъ и Давидовъ, Плехановыхъ, Потресовыхъ, Церетелли, Черновыхъ, которые вполнѣ согласны бороться за «передвижку отношенiй силы внутри государственной власти», за «прiобрѣтенiе большинства въ парламентѣ и за всевластiе парламента надъ правительствомъ», благороднѣйшая цѣль, въ которой все прiемлемо для оппортунистовъ, все остается въ рамкахъ буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдемъ на расколъ съ оппортунистами; и весь сознательный пролетарiатъ будетъ съ нами въ борьбѣ не за «передвижку отношенiй силы», а за свержениiе буржуазiи, за разрушенiе буржуазнаго парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, за революцiонную диктатуру пролетарiата.

* * *

Правѣе Каутскаго въ международномъ соцiализмѣ стоятъ такiя теченiя, какъ «Соцiалистическiй Ежемѣсячникъ» въ Германiи (Легинъ, Давидъ, Кольбъ и мн. другiе, включая

скандинавовъ (Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельдъ во Франціи и Бельгіи, Турати, Тревесъ и другіе представители праваго крыла итальянской партіи, Фабіанцы и «независимцы» («независимая рабочая партія», на дѣлѣ всегда бывшая въ зависимости отъ либераловъ) въ Англіи и тому подобное. Всѣ эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль въ парламентарной работѣ и въ публицистикѣ партіи, прямо отрицаютъ диктатуру пролетаріата, проводятъ неприкрытый оппортунизмъ. Для этихъ господъ «диктатура» пролетаріата «противорѣчитъ» демократіи!! Они, въ сущности, ничѣмъ серьезно не отличаются отъ мелкобуржуазныхъ демократовъ.

Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы вправѣ сдѣлать выводъ, что второй Интернаціоналъ въ подавляющемъ большинствѣ его оффиціальныхъ представителей вполнѣ скатился къ оппортунизму. Опытъ Коммуны былъ не только забытъ, но извращенъ. Рабочимъ массамъ не только не внушалось, что близится время, когда они должны будутъ выступить и разбить старую государственную машину, замѣняя ее новой и превращая такимъ образомъ свое политическое господство въ базу соціалистическаго переустройства общества,—массамъ внушалось обратное, и «завоеваніе власти» представлялось такъ, что оставались тысячи лазеекъ оппортунизму.

Извращеніе и замалчиваніе вопроса объ отношеніи пролетарской революціи къ господству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, съ усиленнымъ вслѣдствіе имперіалистическаго соревнованія военнымъ аппаратомъ, превратились въ военныя чудовища, истребляющія милліоны людей ради того, чтобы рѣшить споръ, Англіи или Германіи, тому или другому финансовому капиталу господствовать надъ міромъ.

Конецъ I-го выпуска.

Послѣсловіе.

Настоящая брошюра написана въ августѣ и сентябрѣ 1917 года. Мною былъ уже составленъ планъ слѣдующей, седьмой, главы: „Опытъ русскихъ революцій 1905 и 1917 годовъ“. Но кромѣ заглавія я не успѣлъ написать изъ этой главы ни строчки: „помѣшалъ“ политическій кризисъ, канунъ октябрьской революціи 1917 года. Такой „помѣхѣ“ можно только радоваться. Но второй выпускъ брошюры (посвященный „Опыту русскихъ революцій 1905 и 1917 годовъ“), пожалуй, придется отложить на долго; пріятнѣе и полезнѣе „опытъ революціи“ продѣлывать, чѣмъ о немъ писать.

Авторъ.

Петроградъ,
30 ноября 1917 года.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227-42.

Сочиненія М. Горькаго.

Томъ X. Кн. I-я. Жизнь ненужнаго человѣка . . . 1 р. 50 к.
Томъ X. Кн. II-я Жизнь ненужнаго человѣка . . . 3 „ — „
Томъ XI. Городокъ Окуровъ . 1 „ 50 „
Томъ XII. Матвѣй Кожемякинъ Часть I . . . . . . 3 „ — „
Томъ XIII. Матвѣй Кожемякинъ Часть II . . . . . . 3 „ — „
Томъ XIV. Лѣто . . . . 2 р. 25
Томъ XV. Мать. Кн. I и II по 3 „ —
Томъ XVI. Пожаръ . . . . . . 2 „ 25
Томъ XVII. Сказки . . . . . . 2 „ 25
Томъ XVIII. Хозяинъ.—Три дня . 2 „ 25
Томъ XIX. По Руси . . . . . 2 „ 50
Томъ XX. Дѣтство . . . . . . 3 „ —
О писателяхъ-самоучкахъ . . — 40

Семенъ Юшкевичъ.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. Распадъ. . . . . . 2 р. — к.
Томъ II. Ита Гайне . . . . 3 „ — „
Томъ III. Евреи . . . . . . 3 „ — „
Томъ IV. Наши сестры . . . 2 „ — „
Томъ V. Прологъ . . . . . 3 „ — „
Томъ VI. Невинные . . . 3 „ — „
Томъ VII. Въ городѣ . . . . 3 „ — „
Томъ VIII. Очерки дѣтства . 2 „ — „
Томъ IX. Комедія брака . . 3 р. —
Томъ X. Драма въ домѣ . . 3 „ —
Томъ XI. Вышла изъ круга . 3 „ —
Томъ XII. Голуби . . . . . . 3 „ —
Томъ XIII. Леонъ Дрей. Ч. I. 2 „ —
Томъ XIV. Леонъ Дрей. Ч. II. 2 „ —
Томъ XV. Человѣкъ воздуха. 2 „ —

Сочиненія А. М. Өедорова.

Весенній вѣтеръ 2 р. — к.
Утро . . . . . 2 „ — „
Паутина . . . . 2 „ — „
Камни . . . . . 2 к. — к.
Сила крови . 2 „ — „
Подвигъ . . 2 „ — „
На востокъ . . 2 р. —
Стихотворенія . 2 „ —

Книги Владимира Бончъ-Бруевича.

Знаменіе времени. (Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса) . . . . 2 р. — к.
Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . . . . 3 „ — „
Къ исторіи русскаго духоборчества . . . . 3 „ — „
Новый Израиль . . . . 3 „ — „
Среди сектантовъ . . . . 3 „ — „
Изъ міра сектантовъ . . . . . 3 „ — „

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчеств[a] Т. I—3 р.; II—3 р.; т. III—3 р.; т. IV 7 р.; V—6 р.; VII—10 р.

Избранныя произведенія русской поэз Сборникъ лучшихъ стихотвореній о Пушкина и до нашихъ дней. Въ сбо никъ вошли 823 произведеній 232 а торовъ. 5-е изд. Цѣна 3 руб. Въ пер плетѣ—4 руб. **Родныя пѣсни.** Ц. 40 к

Сочиненія А. Нѣмоевскаго.

Заглавіе конфисковано . . . . 2 р. — к.
Сократъ . . . . 2 „ — „
Ашуръ и Муцуръ . . . . 2 р. —
Листопадъ . . . . 1 „ 50

В. В. Брусянинъ. Часъ смертный . . . . 2 р. — к.
И. С. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту . . . . 1 „ — „
И. С. Абрамовъ. Вдали отъ большихъ городовъ . . . . 2 р. — „
Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны . . 1 „ —
Байронъ. Манфредъ.—Небо и Земля.—Каинъ. . . . . . . 2 р. —
В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. 3 „ —

Тип. [illegible]

